

Академия искусств Украины

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

А. А. ПУЧКОВ

ПОЭТИКА АНТИЧНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Очерки о древних
и раннесредневековых
городах

Л. Е ь
Киев — 2006

ОЧЕРКИ О ДРЕВНИХ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ

К поэтике античной архитектуры

Л. Е ь
Киев — 2006

УДК 63.3; 72.01; 72.25

ББК 85.11

П 88

Рекомендована к печати Ученым советом
Института проблем современного искусства
Академии искусств Украины

Р е ц е н з е н т ы

Президент Союза урбанистов Украины,
чл.-корр. Акад. искусств Украины, д-р архитектуры, проф. Н. М. ДЕМИН,
канд. архитектуры, канд. экон. наук, проф. А. Б. БЕЛОМЕСЯЦЕВ

Пучков А. А.

П 88 Очерки о древних и раннесредневековых городах: К поэти-
ке античной архитектуры / Институт проблем современного
искусства Академии искусств Украины. — Киев: Музична Ук-
раїна, 2006. — 348 с.

ISBN 966-8259-24-6

ББК 85.11

Книгу составляют историко-культурные очерки о древних и раннесредневековых городах, написанные по облюбованному автором принципу рассмотрения форм градостроительства и архитектуры в контурах поэтики античной архитектуры. *Архитектура* понимается здесь как форма общественного бытия (в отличие от искусства как формы общественного сознания), что включает нравы, постройки, пространства, быт; *город* понимается как форма территориальной организации общества, связанная с государством как формой социальной организации общества. Каждый город рассматривается и как организованное архитектурной формой пространство расселений, и как художественное и историческое тело, то есть как некий *мир*.

Рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей мировой культуры, архитектуры и градостроения.

ISBN 966-8259-24-6

© А. А. Пучков, 2006
© ИПСИ АИУ, 2006
© Издательство «Музична Україна», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современном *антиковедении* существуют как бы две параллельно существующие отрасли: (1) история культуры античных Греции и Рима, в том числе история военных событий и этно-территориальных перипетий, история античной литературы, музыки, танца и т. д., то есть того, что удастся изучать по нарративным (письменным) источникам и что нельзя увидеть воочию (например, повальный мор — чума — в Афинах, описанную Лукрецием [*De rerum natura* VI 1138–1286], мы увидеть не сможем), и (2) история материальной культуры, главное место в которой занимает история античной архитектуры, скульптуры и прикладных ремесел.

Факты этой истории являются фактами нашей с вами современности: их можно обозреть в музее, на экскурсии, можно коснуться рукою колонны Парфенона или страстно ее обнять.

Первый тип «истории» — история духовной культуры, второй тип — история материальной культуры.

Две эти области странным образом существуют отдельно, их представители лишь время от времени осуществляют научный «набег» на соседа. И до сих пор нет обобщающей работы, в которой в равной степени результаты исследований «античной истории культуры» и «античной материальной культуры» (пользуясь устоявшимися понятиями) были бы осмыслены совместно.

Эту книжку можно расценивать как попытку исследования античной архитектуры — наиболее яркое явление материальной и духовной культуры античности и особой формы общественного бытия — с точки зрения ее *поэтики*, то есть *художественного устройства*. Чехов в записной книжке оставил дразняще точное наблюдение: когда хочется пить, то кажется, что выпьешь целое море — это вера; а когда станешь пить, то выпьешь всего стакана два — это наука. С поэтикой, наверное, то же самое: веришь, что ее методы приложимы ко всему, о чем можно написать так, чтобы было интересно, но понимаешь, что это едва ли каждый раз возможно. И мучаешься.

Итак, *поэтика античной архитектуры* — специальная область архитектуроведения, в рамках которой исследуются феноменологические основания создания и функционирования произведений архитектуры античного мира, их детали и фрагменты, нарративные свидетельства современников и ближайших к ним потомков, взятые во всем комплексе художественных и эстетических значений архитектуры как особой формы общественного бытия.

Главный метод такого изучения — *герменевтический метод*, то есть метод научного прочтения определенного рода символических знаков, «текстов» — будь то фрагменты камня (руины) или фрагменты литературных памятников (например, эпиграфических).

Пожалуй, давно следовало бы задать истории античной архитектуры теоретико-культурологический и феноменологический векторы, показать античную архитектуру в ее фундаментальных, базовых символических основаниях, а не только как типолого-хронологический перечень памятников архитектуры на тех местах в городах Эллады и Апеннин, на которых они были обнаружены (с засмотренными антаблементами, колоннами и декором).

С другой стороны, занимательность темы обуславливается тем, что, во-первых, пока в архитектуроведении не существует комплексного исследования природы античной архитектуры, во-вторых, — накоплен богатый опыт такого исследования в разрозненном виде, имеющий нужду в методологически выдержанном многомерном осмыслении. К тому же, *освоение архитектурного наследия* — одна из существенных составляющих процесса сохранения культурной преемственности. Потребность в осмыслении процессов, происходящих с объектами материальной среды в связи с их эксплуатацией, реконструкцией и новым строительством, также существует объективно. Налицо совершенствование проектного дела, формализация отдельных его процессов, поиск свежих подходов к обучению архитектурному ремеслу. И в этом аспекте опыт развития архитектуры античного мира — колыбели европейской культуры — не может быть снят со счетов, хотя он интересен и сам по себе.

Стоит добавить, что насущная потребность и перспективная задача нашей архитектурной культуры, как и культуры в целом, — постепенное восстановление их человеческой размерности, возвращение к нормальному удовлетворению человеческого запроса. Преодолевая мефистофельские причуды рынка, архитектура должна, наконец, обрести достаточную степень свободы для реализации своего духовного назначения, соотносимого с принципиальным положением человека в мире и структурой общечеловеческого отношения к нему. Практика античной архитектуры показывает внешний, материальный момент такого назначения, поэтика античной архитектуры, раскрывая потаенность духовных интенций античной культуры, показывает пример совместной «работы» материального и духовного моментов, столь важный в хаотические времена.

В этой книге, которая является фрагментом отдельной большой работы «Поэтика античной архитектуры», подготавливаемой в Институте проблем современного искусства Академии искусств Украины, *архитектура* понимается как форма общественного бытия (в отличие от искусства как формы общественного сознания), что включает быт, нравы, постройки, пространства; *город* понимается как форма территориальной организации общества, связанная с государством как формой его социальной организации. Мы рассматриваем город и как организованное архитектурной формой пространство расселения, и как художественное и историческое тело, то есть как некий *мир*. Всякий город есть и рукотворный объект строительной деятельности, и саморегулирующийся субъект, имеющий структуру. Мы станем рассматривать города как произведения истории так, чтобы у читателя возникал эффект присутствия в них, то есть стремясь найти в городе событийно главное.

Чего не должен ждать читатель от этих рассказов, так это, во-первых, связного изложения историко-экономического развития города, во-вторых, целостного освещения архитектурного процесса, осуществлявшегося в нем и послужившего сложению современной пространственной формы, в-третьих, строгой системы в постановке «точки зрения», с которой якобы стоит рассматривать города. Ведь каждый город чем-то известен: рождением, деятельностью или смертью знаменитого человека, местом, занимаемым в определенной эпохе, памятниками архитектуры, наконец.

Именно последние преимущественно интересуют туриста и меньше всего интересовали меня. Стохастичность обращения к тому или иному городу объясняется одним из названных факторов. Как в подборе места для вояжей, так и в способе повествования, к сожалению, известной

поверхностности было не избежать: на то и «очерки».

В качестве виньетки к предисловию могут послужить слова виднейшего российского филолога-классика XX века Михаила Леоновича Гаспарова (1935–2005) о генезисе античных городов. Вот они: «В классической античности такие города были самостоятельными и тратили силы на междоусобные войны. В поздней античности такие города стали ячейками больших государств, бравших с них налоги и поддерживавших в них и между ними мир. Последним и самым большим из этих государств была Римская империя. Пять с лишним тысяч городов были рассеяны по ее пространству (небольшие, не крупнее нынешнего районного городка), а центром их сети был Рим. Самые видные из них, числом два десятка (начиная Римом и кончая Бурдигалой), воспеты Авсонием в цикле стихотворений *О знаменитых городах*». Примерно по этому принципу рассуждения — от общей исторической картины к частностям — построены предлагаемые читателю очерки: «Элея, счастливый город...»

Разнообразие подходов к рассказу о городах продиктовано еще и тем, что единственно принятого определения понятия *город* не существует. Правда, Помпоний в книге энхиридия, поминая о Дигестах императора Юстиниана, пишет: «Слово *urbs* (город) ведет свое начало от глагола *urbare*, что означает «проводить борозду плугом». И [Публий Альфен] Вар сообщает, что *urbum* называется изгиб плуга, применяемого обычно при основании города. Название *oppideum* (укрепленный город) присходит от *opes* (могущество), ибо ради него возводятся его стены» (*Дигесты* L 16, 239). Чин закладки нового города в древности был простым: влиятельные и ответственные римские особы, произведя надлежащий ритуал, велели вспахать борозду, очертив определенную территорию, внутри которой и должен был находиться собственно город. (Подробнее об

этом выразительном обряде см. в этой книжке, где идет речь о Риме, и в книге Ю. А. Кулаковского «К вопросу о начале Рима», Киев, 1888.) Поскольку в книжке повествуется о древних городах, где самое понятие города многие столетия вращалось вокруг Рима (Вечного Города), вернее было бы назвать ее не «о городах», но «о полисах». Однако такое название непривычно и вызывало бы ненужные (полицейские) ассоциации. Для современного слуха в понятии *древний город* схвачено развитие производства (в первую очередь — ремесленного) и товарно-денежных отношений. Это вступает в конфликт с понятием о *полисе* как социальном организме, основанном на общинных началах и допускающем только ограниченное развитие ремесла и товарно-денежных отношений. Иными словами: в рамках одного политического явления боролись две тенденции — *город* и *полис*, которые означали две структуры: экономическую и идеологическую. В дальнейшем, конечно, такое противостояние прекратилось, и потому для нашего понимания города есть специальное определение, которое и берется в качестве рабочего для *культурологических* путешествий. «Город — форма поселения, населенный пункт, значительный по размерам численностью и плотностью населения, занятого преимущественно в неаграрных сферах деятельности. Формами жизни и повседневной деятельностью население города объединено в некую социально-территориальную общность, потому город является исторически конкретной социально-пространственной формой существования общества» (Н. М. Дёмин). Однако еще Льюис Мамфорд констатировал, что никакое определение города нельзя приложить ко всем его проявлениям, и никакое одно описание не может охватить все его превращения «от зародышевого социального ядра до сложных форм зрелости... Происхождение города темно, большая часть его прошлого похоронена или стерта так, что его

невозможно восстановить». Исследовавший древнерусский феодальный город П. П. Толочко оговорил приблизительность понятия *город* по отношению к начальной фазе существования этой категории поселений: археологи обогатили проблему таким числом новых рабочих определений, что возникли даже трудности в осмыслении понятийного аппарата. Открытое торгово-ремесленное поселение, населенный пункт городского типа, прагород, протогород, предгород, племенной город, эмбрион города — это неполный перечень терминов, имеющих хождение в архитектурно-археологической литературе, часто с довольно сомнительным приложением к тому или иному населенному пункту. «Далеко не всегда ясно, что обозначают эти понятия и в каком отношении к собственно городу находятся обозначенные ими поселения... Нередко ранний период в жизни того или иного поселения отрывается от его последующей истории» (П. П. Толочко).

Как бы ни квалифицировать город (социально, экономически, исторически, планировочно и т. д.), какой бы смысл не вкладывать в него, каждый подспудно в общем-то понимает, о чем речь. Противопоставлять город деревне и отсюда выводить смысловое наполнение обоих понятий есть занятие мало увлекательное, и потому лучше сразу перейти к нашим очеркам, в которых речь идет не столько о городах, сколько о культуре поселений, наименованных устоявшимися названиями и представляющими нечто культурологически и исторически ценное.

Когда же полис становится городом в нашем понимании? Примерно в 5 веке, когда полисная система контролируемого рынка, базировавшаяся на собственных ресурсах города и его собственности, обвалилась: складывались неожиданно новые отношения, не контролируемые муниципально. С сокращением общегородской собственности и обеднением муниципальной организации

город все более превращался в совокупность независимых друг от друга частных собственников, что понуждало иначе, нежели прежде, решать общегородские вопросы. В течение 7 века античная форма городской собственности в Западной Европе и в Византии превратилась в частную, клерикальную, корпоративную или государственную: город, сохранив городские стены, угас как полис. Но к культурное это едва ли имело серьезное касательство: архитектор, конечно, обрел некоторое разнообразие заказчиков, а с ним и разнообразие творческих проблем; но деятель искусства — художник, сочинитель текстов, музыкант — остались при своих «заказчиках» и своих личным опытом обусловленных проблемах. Простые люди, извечно составляющие живое «мясо истории», как принято, терзались больше всего: бедняки беднели, зато богатые дома превращались во внутригородские усадьбы — появляются даже комплексы частных построек, перекрывающие улицы (знаменитый магнатский дом в Абрите). — Раннее средневековье переходило в зрелую фазу. Впрочем, археологический материал свидетельствует об ухудшении качества и сокращении объема общественного строительства уже в 3 веке. Законы из *Codex Theodosiaus*, ограничивавшие разрушение общественных построек и расхищение украшений (XV 1, 1), громко говорят не только об их обветшании, но и о том, что они перестают функционировать: если в первой половине 4 века многие из них приходили в негодность, и законодатели стремились как-то оградить их от разрушения, — то во второй половине 4 века «правительство», отчаявшись, разрешало сносить и использовать для новых строительных нужд материалы заброшенных и разрушавшихся муниципальных сооружений (вспомним, из чего в середине 6 века император Юстиниан возводил храм св. Софии). Описанное — естественный ход истории, и потому едва ли разумно нынче

сетовать, что центры крупных городов активно застраиваются невиданными ранее в этих городах высотными зданиями. Утешает одно: на фоне довольно безликих современных высоток из стекла и железа подлинное архитектурное произведение выглядит настоящей художественной жемчужиной. Грамотный, трезвомыслящий законодатель и градозижидатель всегда разумел неизбежность этого процесса. Если М. Я. Сюзюмов, виднейший среди российских византинистов, утверждал, что «античная культура ложилась тяжким бременем на трудящихся», что «Римская империя жила не по карману», — был прав по самому большому счету: на простых, одномерных, трудящихся людей культура всегда ложится неким бременем: и моральным («так, как он, я не могу»), и материальным («я-то работаю с утра до ночи, а этот писатель только бумагу, производимую мною, портит»). Подлинная культура всегда не по карману — тем, у кого он по определению пуст. Но именно ими творится то, чем восхитимся, когда нам скверно.

Никакой текст не избавит от убеждения, что надыханные пространства истории теплы дыханием простого человека, но уютны и интересны они только дыханием великих, то есть многомерных, — тех, о ком пишутся заздравные монографии: к ним обращаешься, когда ты не в себе, когда тяжело дышать («и твердь кишит червями»), и «карман» здесь не при чем. «При чем» — пространства изменяющихся со временем городов, в которых происходили события, характер которых я пытался обрисовать в своих очерках, ставя акцент на неповторимом, на том, что может быть письменно закреплено в эстетически и художественно значимой форме: постольку, поскольку она создана людьми многомерными.

Тридцать очерков расположены по алфавиту названий городов: это демократично. Крупным, известным го-

родам уделено больше места (и, стало быть, внимания), чем маленьким и менее известным: это объективно. Но поскольку известное известно немногим, равно как и неизвестное неизвестно немногим, — я старался о том, чтобы по крайней мере читателю не было скучно.

Пользуясь возможностью, хочу выразить слова признательности: Светлане Симаковой, моей жене, — за творческое вдохновение, Александру Червинскому — за моральную (и техническую) поддержку, Алексею Босенко — за критическое благорасположение, Юрию Мосенкису — за ценные консультации и соавторство в очерке о городе Кноссе, Борису Ерофалову — за понимающее внимание и отрезвляющее вразумление, Илье Святогорову — за неподдельный интерес.

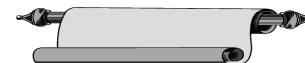
Слово отдельной признательности — дружественному коллективу Института проблем современного искусства, в стенах которого написаны эти очерки, и многоуважаемым рецензентам — академику архитектуры Н. М. Дёмину и профессору А. Б. Беломесяцеву, сделавшим ряд поучительных замечаний.

Андрей Пучков

Киев, ноябрь 2006 года

ОЧЕРКИ О ДРЕВНИХ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ

К поэтике античной архитектуры

АНТИЧНЫЙ ТЕКСТ
В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ ПРОЧТЕНИИ
Вместо введения

Текст как писание и чтение. Всякий текст обладает двумя функциями, ради которых затевается: быть написанным и быть прочитанным. Третья функция — быть понятым — от текста не зависит, и может выполняться, а может, и нет. Кстати, последнее не обязательно, поскольку не каждый ведь может похвастать, что понимает на свете многое: свет создан не для этого, а — для жития, и всяк пользуется этой роскошью, как заблагорассудится, тратя ее недлинные дни, как Бог заповедал.

Отсюда возникли два крайних взгляда на текст: первый я задам высказыванием Р. Д. Тименчика (1977 г.) — «Если наша жизнь не текст, что она такое?» Второй — то, что я сейчас делаю: оставляю на бумаге определенный набор букв и слов, объединенных смысловой направленностью. Первый есть структуралистское задание всякого понимания как прочтения некоего сообщения, идущего к сознанию извне (под «житием» на самом деле стоит разуметь активность сознания, направленную на творчество, а не простое белковое функционирование организма, называемое иным архитектором «деятельностью»). Второй есть труд по созданию того, что можно читать глазами и понимать. Между этими двумя взглядами и находится территория семиотики как науки о знаке, значит, — о тексте. Эта территория есть плацдарм «безнаказанности» (промежуток между преступлением и наказанием, по

выражению М. А. Гаспарова), в котором бумага все стерпит, поскольку семиотик привычно преобразует окружающий мир прочтением и невольно его семиотизирует. Условившись понимать термин *текст* таким образом, обратимся к заложенной в каждом интересующемся человеке способности к историческому познанию, то есть способности прочтения исторически заданной конструкции, структуры человеческого хронотопа. Дело спасемо тем, что структуру можно разглядывать, а в истории приходится участвовать. Правда, и участие в ней — в известной степени есть процесс чтения. Текст ближайшей к нам истории еще как-то сохранился в передовицах газет и чьих-то воспоминаниях; текст истории нескольких прошлых веков — тоже вполне различим благодаря архивам и художеству; но вот текст истории, отодвинутой на большое календарное расстояние, — не столько текст, сколько умелая его реконструкция, восстановление целого по разбросанным фрагментам то там, то сям всплывающих из матери-земли обломков былой повседневности.

И если для древней Греции и Рима картина более или менее колоритно нарисована, текст написан, перечитан и не единожды переписан, окружение этих территориально близких исторических феноменов оставляет желать полноты — не самой по себе (это тоже проделано учеными), но полноты некоего средиземноморского чувства, сознание коего и делает тебя европейцем, а не американцем или китайцем. Если угодно: еще один ответ на вопрос Тертуллиана: «Что общего у Афин и Иерусалима? У Академии и Церкви?» (*De praeser. haeticorum* [О неправомочности еретиков], VII). Текстов для прочтения немного: собственно тексты (в нашем втором понимании: записанные), скульптура и архитектура (для греческой литературы способность состязаться с пластическими искусствами, «скульптурничать», по С. С. Аверинцеву, есть од-

на из драгоценнейших привилегий). Прочее либо не сохранилось, либо не было создано.

Греческая «литература» и ближневосточная «словесность». В 1971 году С. С. Аверинцев в сборнике «Типология и взаимосвязь литератур древнего мира» опубликовал статью «Греческая “литература” и ближневосточная “словесность” (противостояние и встреча двух творческих принципов)», по глубине проникновения в материал и прозрачности общей идеи едва ли превзойденную. В ней доказываются два положения: 1) в результате аттической умственной революции 5–4 вв. до н. э. греческая литература осознала и впервые конституировала себя именно как литература (оформившись в рефлексивных поэтике и риторике), то есть как автономная реальность особого рода, отличная от всякой иной реальности, прежде всего — реальности быта и культа; 2) в противоположность греческой литературе ближневосточная литература, хотя и более древняя, чем греческая, — как бы еще не литература, а только предлитература, то есть «словесность», поскольку не достигла автономии, не обрела взгляда на себя как культурную автономию и растворилась в быте и культе. Это различие столь же принципиальное, как архаические формы житейской или сакральной мудрости и философия. «Греческий мир, — пишет С. С. Аверинцев, — это «космос», по изначальному смыслу такой «наряд», который есть «ряд» и «порядок»; иначе говоря, законосообразная и симметричная пространственная структура. Древнееврейский мир — это «олам», по изначальному смыслу слова «век», иначе говоря, поток времени, несущий в себе все вещи: мир как история... Бог Зевс — это «олимпиец», то есть существо, характеризующееся своим местом в мировом пространстве. Бог Иахве — это «Сотворивший небо и землю», то есть господин неотменяемого мгновения, с которого началась

история, и через это — господин истории, господин времени». Оба мира сосредоточены в Средиземноморье, оба бога — в культуре Европы.

Вышколенность территории. Если классический грек (5–4 вв. до н. э.), глядя вокруг себя, ограничивал размер «малой родины» естественным горизонтом за городской стеной, а все прочее было «космос» и потому интеллигильно (сверхчувственно, вымыслено), — то житель Средиземноморья (Медитеррании, междуземья) до тех пор, пока со времен Римской империи Средиземное море не стало внутригосударственным озером, понимание «малой родины» с послефараоновских времен (13–12 вв. до н. э.) распространял на землю обетованную и пустыню Синайскую.

Гомеровские *Илиада*, *Одиссея*, ветхозаветные книги *Бытие*, *Исход*, *Левит* и *Числа* принадлежат к одному времени — 8–7 векам до н. э. И в Греции, и в Средиземноморье это были «темные века»: не потому что «свет не стал», а потому что текстов для их культурного прочтения у нас немного. На противоположной от Балкан стороне Средиземного моря, в Александрии Египетской, в 3 в. до н. э. семьдесят (или 72 — по 6 человек от каждого из 12 колен Израилевых) ученых иудеев перевели на греческий язык Библию. Перевод называется *Септуагинта*, вполне заменяет древнееврейский текст *Ветхого Завета* и до сих пор в греческой церкви бытует канонически.

Нас интересует не перевод, не число образованных мужей, трудившихся над ним, а территория, которая между македонским завоеванием и в преддверии римской эпохи, будучи территорией «словесности», произвела греческий текст, имевший все признаки «литературы».

Говоря географически, Средиземное море посредством Гибралтарского пролива соединяется с Атлантическим океаном, через пролив Дарданеллы, Мраморное море

и Босфор — с Черным морем, Суэцким каналом — с Красным морем, омывая берега Европы, Азии и Африки. Вокруг этого моря, по неуважительному слову Платона, греки расселись, как лягушки вокруг болота. До войн с Персией грек представлял мир плоским и в виде круга: в середине — Дельфы, вокруг них — Эллада, рядом — Эгейское море, а дальше — неведомые пространства Океана, по которым скитался Одиссей, Геракловы столпы, а на современном Урале — гипербореи — пребывающий в вечном блаженстве северный народ.

Греческий город принадлежал свободным гражданам и созданным ими богам, имевшим человеческий образ. Ближневосточный город не столько принадлежал кому-нибудь, сколько стремился преодолеть римские влияния, которыми оброс со времени, с которого мы об этом городе что-то знаем. В римском градостроительстве господствовала регулярная планировочная система, получившая распространение в Греции с гипподамовых времен. Если греки выделяли одну, две или три улицы, придавая им значение композиционных осей, то римляне — только две, которые и образовывали знаменитый перекресток — *decumanus maximus* и *cardo*. Главные улицы римских городов оторочены тротуарами, приподнятыми над проезжей частью. По краям тротуаров стояли колоннады, на них покоился антаблемент, нагруженный кровлей, которая тротуар перекрывала. Когда-то давно Ф. И. Шмит не без остроумия предполагал, что из этих колоннадных улиц и возник базиликальный тип храма. В композиции плана древнегреческого города безусловно преобладали акрополи или агоры, во многих же римских городах преобладали главные улицы. Ламбезис, Тимгад, Пальмира, Аоста, Филиппополь, Сплит, Салоники производят живое впечатление перспективами этих улиц и стройным частокором колонн. Тенденция к стандартизации городско-

го плана, приближение формы его к квадрату или прямоугольнику, забвение местных природных условий и известная простота организации позволила не только отличить римский город от греческого, но и на огромной территории вокруг Средиземного моря создать руками не особенно пылких на выдумку военно-дисциплинированных архитекторов и неразборчивых в свободе выбора работы рабов сеть римских поселений, как близнецы похожих на столицу, только в ином масштабе. Помпеи на Апеннинском полуострове, Тимгад в Северной Африке (Алжир), Пальмира (Сирия) и Баальбек (Ливан) в Месопотамии — невзирая на значительную географическую удаленность — оставили нам такую общность градостроительной мысли Великого Рима, что забыть ее не в состоянии местный дух, который чем дальше от Вечного города на Восток, тем душистее. Скажем, в том же Баальбеке — древнем Гелиополе (с 18 в. до н. э.) и позднейшей римской колонии Юлии-Августы нами читаются остатки храмов и общественных построек римского времени так, будто город всегда был римским.

Если классическая греческая литература была не столько «написана», сколько «записана» (она условно зафиксирована в письменном тексте, но требует реализации в изустном исполнении), — то же самое произошло и с литературой римской, только под иным углом зрения: «есть два рода деятельности, которые способны возвести человека на высшую ступень достоинства: деятельность полководца и деятельность выдающегося оратора», — утверждал оратор Марк Туллий Цицерон (*Pro Milone* [За Милона], 30). Полководцу досталась не только военная победа, но и возможность построить город по принципу лагеря, оратору же — не только словесная победа, но и возможность произнести строгую речь, записав и сохранив ее. Как греческие дорийцы на первых порах были схо-

жи с италийскими этрусками, так римляне были схожи с греками в понимании своей роли в Средиземноморье.

Греко-римский полис завещал человечеству три больших политических идеи: идею гражданства, идею демократии и идею республиканизма. Если гражданин полиса знал и ценил свои права, то при этом отнюдь не стремился к равенству и одинаковости прав для всех и даже не считал равенство справедливым. Равноправие показалось бы греку или римлянину плодом большого воображения, если не безумием. Деспотические государства Переднего Востока (то есть «Ближнего» — к грекам, к римлянам, к культуре письменного слова) в этом разуме были очень сходны с Балканами и Апеннинскими: только означенных выше трех идей (именно как идей!) у них не было, и быть не могло.

Восточный искус Гондишапура. Формула разделения Афин и Иерусалима сослужила не только службу обретения понятийной четкости двух типов мировоззрения, между которыми лежал Рим, приправляя градостроительно-завоевательными пряностями Афины, и Иерусалим. Афины в классические иерусалимские времена уже сходят с исторической сцены, а Иерусалим победил средиземноморское сознание образом невежественного монаха. «К чему наука христианам, — спрашивал в 11 в. *doctores ecclesiae* Петр Дамиани, — Разве зажигают фонарь, чтобы видеть Солнце? Оставим науку Юлианам Отступникам. Св. Иоанн обходился без нее, св. Григорий ее презирал; св. Иероним упрекал себя в ней, как в преступлении». Этот же умник утверждал, что первым грамматиком в истории был дьявол, искушавший Адама и Еву склонением Бога во множественном числе: «Будете, как боги, знающие добро и зло» (*Быт.* 3 : 5).

В 489 году ромейский император Зенон закрывает эдесскую философскую школу под предлогом распрост-

ранения в ней ереси Нестория, и школа вскоре воскресает в Несебии. В 529 году другой ромейский император — Юстиниан Великий — закрывает Афинскую школу, и ее учителя-неоплатоники находят приют у сасанидского царя Хосрова I, в 533 г. основывая новую школу на юге современного Ирана — в городе Гондишапур (восточнее Сузы). Миграция мысли постепенно переросла в эмиграцию целого мыслящего тела: наблюдается утечка интеллекта, вызванная государственно-полицейскими санкциями и чреватая большим будущим. Эффект «утечки мозгов» превзошел ожидания — потребовалось несколько десятилетий, чтобы трансплантация эллинизма на почву зороастризма породила тенденцию разъедания «греческого чуда» изнутри: импульс походов Александра Македонского был импульсом распространения рассудочно-эллинского духа на территориях, где литературы не было, но словесность и наука были. Уже с 3 в. обнаруживший признаки научного городка, Гондишапур к 6 веку стал умственным двойником Александрии не только в деле концентрации учений (зороастризм, христианство, неоплатонизм, буддизм и даосизм), но и в деле перевода одних текстов в другие. Сочинения Аристотеля переводятся здесь на арабский язык с сирийского, и в 13 веке Европа знакомится с трудами Ибн-Рушда (Аверроэса) по латинскому переводу еврейского перевода комментария к арабскому переводу сирийского перевода с греческого... Таким образом, движение греческого Аристотеля на Восток началось с сирийских христиан и персов: философия арабов к моменту рецепции аристотелизма более адекватно выразилась в феномене волшебных сказок, чем в скучных толкованиях (вспомним *Тысяча и одну ночь*). Если Гондишапур, по К. А. Свасьяну, считать колыбелью европейской науки, то таковой придется признать и современную Америку. Однако утечка мозгов если и обогаща-

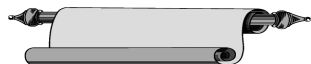
ла, то только область технических наук, опыты которых экспериментальны в «ручном» смысле (реторты, подзорная труба). Гуманитарное знание космополитично, и Гондишапур, стремившийся ускорить темпы развития естественнонаучной ментальности, перенес это развитие с 17–18 вв. на век 13-й. Для нас в Гондишапуре самое интересное, что эллинская литература и философия возвращались в родную им Европу с другого конца, навыворот, письменами, записанными справа налево и так и не превратившимися «на том конце» в литературу, а оставшись словесностью.

Казусы средиземноморского прочтения. Известно, что скорость чтения у всех разная, способность разумения текста — тем паче. Восток, получив греческую литературу литературой, так и не смог превратить в таковую свою словесность, поскольку акт рефлексии над словесностью был менее значим и ценен, нежели она сама. И даже переведа греческие тексты на язык своей словесности, Восток не стал литературным, чем очень позабавил Европу, позже возвратя ей греков в арабских и сирийских переводах. То же самое случилось и с архитектурой: Греция и Рим, сменяя друг друга, распространили свои императивы вдоль побережья Средиземного моря по часовой стрелке — от Апеннин до Геракловых столпов, — подавливо попирая неразвитые или умершие (как Египет) местные традиции и насаживая греко-римские, рационалистически выверенные и удобные. Так Восток сначала был подавлен Европой, а потом Европа удивлена Востоком (как в 18 веке — Японией). Средиземное море — Великое (Западное, Филистимское; *Числ. 34 : 6; Нав. 19 : 29; Исх. 23 : 31*) море — было не только плацдармом для культурных взаимодействий и взаимной неприязни, но и местом, вокруг которого могли собираться культурные и образованные пассионарии *Rex Romana*. Именно Сре-

земноморье на протяжении нескольких столетий оказалось местом распределения биохимической энергии живого вещества биосферы, что отразилось на поведении этнических коллективов, его населявших. Эффект, произведенный вариациями этой энергии, как особое свойство человеческого характера А. Гумилёв назвал *пассионарностью* (от лат. *passio* — страсть). Пожав руку этой концепции, укажем, что Греция и Рим задали столь мощный пассионарный толчок развитию европейской культуры, что никакие пассионарные явления Востока «от берегов Боспора до берегов Евфрата» не смогли помешать этому, но помогли с лихвой. Хотя бы заданием способности прочтения ситуации так, а не иначе.

Однако всегда следует помнить: «Человек скитается по сомнительным, двусмысленным, беспокойным тропам истории, но у него есть дом, который не перестает где-то дожидаться его, как блудного сына» (С. С. Аверинцев). Этот дом — пространство мировой культуры, космополитичной, бездомно-всеобщей по определению. И потому наш читательский опыт выпестован не столько европейским рационализмом сознания, сколько средиземноморской неразборчивостью чувства.

АЛЕКСАНДРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ

Несмотря на то, что Александрия — это город в северном Египте, это — греческий город, основанный македонским царем Александром. Великий покоритель народов выстроил в свою честь много разных Александрий, настолько далеко уйдя за пределы родного ареала и завоевав столько ставших избыточными для упрочения родины земель, что биологический смысл его агрессии сошел на нет. Царь достиг Индии и Средней Азии как путешественник, любитель-этнограф: рядился в национальные одежды покоренных территорий, которые сдавались ему уже по привычке. Александр знал, что у него нет шансов дотянуться до покоренной страны еще раз, и уходил, понимая нелепость ситуации. Александр — это «звездный царь, жезлом железным пасший замиренную вселенную» (С. С. Аверинцев).

Так, в 332 г. до н. э. в ряду этих бессмысленных побед 24-летний властелин полумира отобрал у персов Египет, и после его смерти (323 г. до н. э.) долина Нила на триста лет стала достоянием греко-македонской династии Птолемеев, наводнивших страну греческими колонистами. Греки составили костяк армии и бюрократии, сам Аристотель из Стагиры (которого и греки, и средневековые люди называли просто Философом) научил Александра

любить Гомера: свиток с текстом *Илиады* лежал у царя под подушкой рядом с кинжалом.

Как сообщает Плиний Старший в *Historia Naturalis* (VII 21) с подачи Цицерона, огромная поэма была написана маленькими буквочками на одной полосе папируса и — по подтвержденным учеными слухам — помещалась в ореховой скорлупе; не знаю, насколько удобно было ее перед отходом ко сну почитать. Иштван Рат-Вег указывает, что в *Илиаде* 15 686 стихов, и не могло быть такого тонкого пера и такого тонкого пергамента, чтобы эти строки уместились в скорлупе. Но однажды епископ Авранша Хюэт поставил эксперимент: он записал всю поэму на кусочке тончайшего пергамента размером 27 x 21 см бисерным почерком с двух сторон. Подлинность сообщения Цицерона была доказана.

В устье Нила на берегу Средиземного моря на месте египетской деревни Ракотис встала Александрия — новая столица очень древнего Египта. Автором генплана города был архитектор Динократ (*Hist. Nat.* VII 125; V 62). Римский артиллерист Витрувий писал об этом: «Александр, обратив внимание на защищенную гавань, прекрасный рынок, плодородные поля по всему Египту и великие выгоды мощной реки Нил, приказал ему [Динократу] построить город, назвав его по своему имени Александрией» (II, прооет, 4). В анонимной *Истории Александра* (2 в. н. э.) пишется, что пределы будущего города очертили, сыпая муку, но «слетающие птицы всё... склевали и улетели». Недоумевая, что это значит, царь вызвал толмачей. «Этот город будет питать вселенную, и повсюду будут рассеяны люди, в нем родившиеся. Ибо птицы облетели всю вселенную», — ответили толмачи.

На улицах Александрии звучала эллинская речь, а сам город был в греческом мире наибольшим. Впрочем, это не мешало египетским деревням, где со времен фараонов поклонялись священным животным, окружать его. Выстроенный по гипподамовой системе, город имел регулярную планировку (улицы пересекались под прямыми углами). Главная магистраль была шириной 30 м. От Ворот Солнца до Ворот Луны она, отороченная колоннадой, тянулась на час ходьбы. На главном перекрестке разместили площадь, на ней — мавзолей Александра. Он умер в Вавилоне на 33-м году жизни «в апрельское новолуние, основав двенадцать (по Псевдо-Плутарху в *De fortuna Alexandri*, II 5, — больше семидесяти. — А. П.) Александрий и оставив немеркнущую славу во всех племенах и веках» (Мих. Кузмин). Впрочем, подлинный саркофаг Александра, как и его могила, не найден. Известен т. н. Саркофаг Александра — шедевр греческой пластики последней трети 4 в. до н. э., выполненный из пентелийского мрамора (3,18 x 1,67 x 1,95 м) и хранящийся в Константинополе.

Для философских занятий был создан Мусей (Мусейон) — храм Муз — нечто вроде интерната для ученых. Страбон писал, что Мусейон является «частью помещений царских дворцов; он имеет место для прогулок, экседру и большой дом, где находится общая столовая для ученых, состоящих при Мусейоне. Эта коллегия ученых имеет не только общее имущество, но и жреца — правителя Мусейона, который прежде назначался царями, а теперь Цезарем» (XVII 1, 8). М. А. Гаспаров отметил, что Мусей не был музеем в нашем смысле: хранить обломки древних культур греки не любили. На полном цар-

ском иждивении в этом «Курятнике Муз» творили виднейшие мыслители, в основном — последователи Аристотеля. Однако режим «золотой клетки» не благоприятствовал здравости умозрения: Птолемеям не были нужны размышления о благе и лучшем державном устройении. Потому философы превратились в людей общественно полезных, став физиками, астрономами, геометрами и математиками. Среди них попадались даже знаменитые: Евклид преподавал в Мусее геометрию, Аристарх Самосский пришел здесь к мысли, что Земля вращается вокруг Солнца (а не наоборот). В Мусее занимался Архимед. Царскому хозяйству эти деятели принесли большую пользу: чего стоит один архимедов винт для орошения египетских полей! Именно александрийские ученые разделили труд «отца истории» Геродота на девять книг по именам муз: Клио, Евтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Урания, Каллиопа.

Но собственно философия не пожелала покинуть обнищавшие Афины и поселиться в пышной Александрии. Разве что Деметрий Фалерский (ученик Феофраста, философ и по совместительству афинский тиран) после свержения бежал к царю Птолемею I Сотеру, основал Александрийскую библиотеку и Мусейон, этот «первый университет» (Андре Боннар). В двух библиотеках Александрии — знаменитой Александрийской (на 700 тысяч томов-свитков) и общедоступной («дочерней») в квартале Брухейон — хранились сокровища эллинской мысли. Свитки из папируса (шириной около 14 см, длиной до 6 м) греки научились делать у египтян еще в 7 в. до н. э. М. А. Гаспаров указывает: держали свиток правой рукой, разворачивали левой и, чи-

тая, перематывали с задней палочки на переднюю. «Если вы увидите какое-нибудь древнее изображение человека со свитком, — приметьте, в какой руке у него свиток. Если в правой, то это книга еще не прочитанная, а если в левой — уже прочитанная». «Нельзя же так упрощенно, — взволновался услышавший эту констатацию С. С. Аверинцев, — есть же ведь такая вещь, как *Zeitgeist* [дух времени]». Констатация действительно изящная, но едва ли точная: всякий предмет можно переложить из одной руки в другую. Остроумное наблюдение на этот счет находим в комментариях к *Строматам* Климента Александрийского, выполненных А. ван ден Хук и Е. В. Афонасиным. Комментируя какой-либо источник, Климент довольно часто приводит серию цитат и более или менее буквальных пересказов.

А. ван ден Хук хорошо продемонстрировала это на примере Филона Александрийского (благо, его тексты сохранились, и есть с чем сравнивать). Иногда Климент, по-видимому, вспомнив о какой-либо фразе, начинает с нее свой комментарий, затем же, очевидно обращаясь к самому тексту, последовательно *разворачивает* свиток, выписывая цитаты. Такой процесс наблюдается несколько раз, а в одном случае Климент, видимо, *сворачивал* свиток, а не разворачивал его, поскольку цитаты идут в обратном порядке!

Александрийская библиотека — «библиотека библиотек» — была частью Мусейона. Ее первоначальная структура была разработана Деметрием Фалерским (4–3 вв. до н. э.), хорошо знакомым с устройством библиотеки в Афинах. Во времена Птолемея Сотера она насчитывала 200 тысяч свитков. Хранитель библиотеки, знаменитый поэт и ученый, гла-

ва александрийской поэтической школы, Каллимах (3 в. до н. э.) составил библиотечный «Каталог писателей, просиявших во всех областях образованности, и трудов, которые они сочинили» в 120 книгах (свитках) — первую историю греческой литературы. Ныне утраченная, эта работа сохраняла значимость справочника и в ромейскую эпоху. Во время Каллимаха библиотека насчитывала 500 тысяч свитков — «все, что было написано на греческом языке». После него библиотеку возглавил географ и математик Эратосфен (рубеж 3–2 вв. до н. э.), приглашенный в Александрию как воспитатель наследника престола (должности воспитателя наследника и хранителя библиотеки — верховного жреца — логично совмещались). После смерти Птолемея II Филадельфа библиотека насчитывала 600 тысяч свитков, среди которых и «библиотека Аристотеля».

Один античный автор пишет, что в царствование Птолемея Филадельфа корабли, прибывавшие из Афин, «выбрасывали на берег кипы томов». Однако библиотека росла не только за счет покупки старых произведений, но и за счет усердия современников. Один филолог составил 3,5 тысяч томов (свитков) комментария к разным текстам. Древние признавали, что для такой плодовитости нужно было иметь «медную утробу», и потому борзописца прозвали Дидим Халкентер — Меднобрюхий (сейчас бы прозвали иначе).

«Дочерняя» библиотека (50 тысяч свитков) была создана около 235 г. до н. э. Птолемеем III в храме Сераписа — Серапейоне. Библиотека в основном была греческой, но берегла и переводы. Так, в ней был выполнен греческий (или «Александрийский») перевод Библии 70 (72) учеными иудеями (по числу

народов мира), называемый *Переводом 70-ти*, или *Септуагинта*.

По одним сведениям, «дочернюю» библиотеку вместе с египетским флотом нечаянно сжег Юлий Цезарь в 47 г. до н. э., по другим, — она намеренно уничтожена в 391 г. после выхода эдикта императора Феодосия Великого против язычников: храм Сераписа разгромили христианские монахи. Как бы то ни было, триумvir Марк Антоний передал Клеопатре 200 тысяч свитков из Пергамской библиотеки. Александрийская библиотека и Мусейон были сожжены в 272–273 гг. во время осады Александрии императором Аврелианом, а остатки некогда богатейшего книжного собрания были уничтожены в 641 г. арабами (сарацинами). Халиф Омар сказал: «Если в этих книгах то же, что в Коране, — они бесполезны; если не то же — они вредны», и, по свидетельству летописца Абульфарагия, в течение полугода книгами топились четыре тысячи городских купален. Впрочем, это похоже на злокозненную выдумку: Омар в Александрии не бывал, к тому времени книг в библиотеке уже не было, четырех тысяч бань не существовало, а пергамент для топки не годился. Часть книг (40 тысяч) была сожжена Юлием Цезарем, триста тысяч свитков из храма Сераписа в 389 г. были преданы огню епископом Феофилом. Арабы нашли только жалкие остатки, но их не тронули, как не тронули и содержимое языческих и христианских храмов. К тому же Омар грабеж не приветствовал, удовлетворившись обычной данью. Впрочем, недавно Александрийскую библиотеку, говорят, восстановили (неужели вместе с древними манускриптами?).

Кроме библиотеки, Александрия знаменита еще тем, что на восточном берегу о. Фарос в 279 г. до н. э.

было возведено одно из семи чудес света — Фаросский (Александрийский) маяк. Строителем этой диковинки, первого и единственного в греческом мире циклопических размеров маяка, был Сострат Книдский. Лукиан из Самосаты (2 в.) рассказывает, что на мраморной стене сооружения мастер высек надпись: «Сострат, сын Дексифана, — богам-хранителям, на благо плавающим». Он закрыл эту надпись слоем цемента и сверху сладко написал имя Птолемея Сотера; вскоре, как водится, цемент осыпался, и все увидели надпись с именем великого инженера. Нижний этаж трехъярусной 130–140-метровой башни имел четыре грани, обращенные по сторонам света, восемь граней второго яруса были ориентированы по направлению восьми ветров. Третий этаж — фонарь — венчал купол со статуей Посейдона высотой около 7 м. Система металлических, шлифованных до блеска зеркал усиливала свет огня, зажигавшегося на вершине сооружения. Кроме того, маяк был еще и добротно устроенной крепостью с большим гарнизоном. Видевшие это чудо писали о хитроумных статуях, украшавших башню: одна указывала рукой на Солнце в его движении по небосводу и опускала руку вниз, когда Солнце заходило, другая днем и ночью отбивала каждый час, по третьей можно было узнать направление ветра. Маяк простоял до 14 в., но даже в сильно разрушенном виде высота его составляла около 30 м. Сейчас сохранился только цоколь, встроенный в средневековую крепость. Но в 3 в. до н. э. сицилийский эпиграмматист Посидипп написал о только что выстроенном маяке:

...Всюду за множество верст видная путнику днем;
Ночью же издали видят плывущие морем все время
Свет большого огня в самом верху маяка,

И хоть до Таврова Рога готовы идти они, зная,
Что покровитель им есть, гостеприимный Протей.

(пер. с лат. А. Н. Блауменау)

Как же теперь не хватает мощной вертикали маяка в унылой горизонтали александрийского побережья, кишашего яликами и негоциантами!

При римском владычестве этническая структура общества осталась греческой. Египтянин, чтобы получить римское гражданство, должен был сначала сделаться александрийцем. Христианство было занесено на север Египта апостолом Марком, реально же оно замечено здесь с 2 в. Иным было египетское монашество, расцветшее в 4 веке. Затухание Римской империи существенно на городе не отразилось. С 395 года Египет входил в состав Римской империи. Хотя торжествующее христианство проникло во все поры городской жизни, греческая культура продолжала главенствовать, ибо была культурой элиты. Правда, церковь этой элиты со временем сделалось христианство. От него откололась монофиситская церковь, *par excellence* египетская, и египтяне, оставаясь внизу социальной лестницы, вернули утраченную было культурную самобытность: возникла коптская письменность и коптская литература — то есть литература этнических египтян, принявших христианство. Покуда царьградские императоры хозяйствовали в долине Нила, в Александрии длилось греческое тысячелетие, сохранялась преемственность бюрократии и обихода. Александрийцы продолжали изучать Гомера и сочинять поэмы по-гречески. Лишь в 639 г. арабы откололи долину Нила (вместе с городом) от Римского царства и пресекли грекоязычество. Так, однажды перейдя от иероглифов к Гомеру, а от Го-

мера к Корану, греческий город Александрия стал сначала римским, потом — ромейским, а потом — арабским.

В городе жили видные чины александрийской школы, уже поминавшиеся: апологет иудейства Филон Александрийский, преподобнейший Климент Александрийский (основатель богословской школы, автор *Узорчатых ковров* — *Строматов*); Ориген; основатель арианства пресвитер Арий (ум. 336); погибшая в 415 г. мученической смертью (от рук разъяренной толпы христиан) ученая женщина, математик, астроном и неоплатоник Ипатия; живописцы Аристандр (сын Скопаса) и, конечно, великий Апеллес, которому одному Александр позволял писать (темперой) свои портреты. Каллимах, Феокрит, Аполлоний Родосский и Леонид Тарентский были главными представителями так называемой «александрийской поэзии». Имя города зафиксировано также в «александрийском стихе», основном размере крупных жанров в литературе классицизма (французский 12-сложный стих или русский 6-стопный ямб с цезурой после 6-го слога с парной рифмовкой), название которого произошло от старофранцузской поэмы об Александре Македонском. («Дитя гармонии — александрийский стих, / Ты мед и золото для бедных губ моих», — писал в 1921 году александрийским же стихом акмеист Георгий Иванов.)

Город книжников, Александрия был известен также александрийской бумагой: плотной белой бумагой высокого качества, использовавшейся для рисунков и чертежей до средневековых времен.

Вообще, в городе было много грамотных людей, умевших писать и писавших. Однако трудности с бу-

магой оставались. Личные библиотеки заменяли записные книжки, которые в виде кодексов или тетрадок, состоявших из нескольких пергаменных листов, вошли в обращение в конце 1 — начале 2 века (а не в начале 3 в., как считает Е. В. Афонасин). Первое упоминание о кодексе как книге принадлежит Марциалу (вторая половина 1-го — самое начало 2 в.):

Ты, что желаешь иметь повсюду с собой мои книжки
И в продолжительный путь ищешь как спутников их,
Эти купи, что зажал в коротких листочках пергамент:
В ящик большие клади, я же и в руке умещусь.

(*Epigr.* I 2, 1–4; *пер.* Ф. А. Петровского)

Об Александре Великом и его знаменитом граде столетия спустя продолжали сочинять романы, а нынешний Каир еще при арабах сделался столицей Египта.

Михаил Кузмин, составив в первой книге стихов «Сети» (1908 г.) цикл Александрийских песен, так прощался с городом:

Ах, покидаю я Александрию
и долго видеть ее не буду!
Увижу Кипр, дорогой Богине,
увижу Тир, Ефес и Смирну,
увижу Афины — мечту моей юности,
Коринф и далекую Византию
и венец всех желаний,
цель всех стремлений —
увижу Рим Великий!
Всё я увижу, но не тебя.

Кузминскому циклу звучит рефреном стихотворение Мыколы Зерова из сборника 1924 года «Камена»:

Ми скрізь були. Нас вабив спів сирен,
Сарматський степ і мармори Атен,

І Сапфо чорна скеля на Левкаді, —
Але ніщо не хвилювало так,
Як Фарос твій, твій білий Гаптастадій
І тінню чорною піднесений маяк.

Следующий очерк посвящен Антиохии не только потому, что нами принят алфавитный принцип расположения городов, но и потому, что так захотел в свое время римский поэт и консул 4 века Авсоний, подобно Плутарху поставивший в пару Александрию и Антиохию, и воспевший обе:

Обе стоят наравне, в обеих бушует тщеславье
И соревнует порок; в обеих безумствуют толпы
И восстает нездоровый мятеж в отчаянной черни...

(*пер.* с лат. М. А. Гаспарова)

АНТИОХИЯ

«Она — прекраснейшее место страны прекраснейшей из всех стран, лежащих под небом. Ведь все согласятся, что наилучшее место на земле — то, на которое восходящий Бог бросает Свои первые лучи» (*Речи* XI 16), — пел славу родному городу знаменитый ритор 4 века Либаний Антиохийский, учитель и друг императора Юлиана Отступника и св. Иоанна Златоуста (которого «выкрали» у язычников христиане).

В Сирии и Малой Азии некогда насчитывалось по крайней мере шестнадцать городов с названием Антиохия (напомним, что «александрий» было около семидесяти). В переводе с греческого название этого города толкуется как противонесущий, противостоящий. По красоте и богатству единственная из Антиохий — Антиохия Сирийская — некогда противостояла всему миру.

Город, основанный в 3 в. до н. э. Селевком Никатором (Победителем), был назван по имени его отца, Антиоха, и долгое время был столицей Сирии. Позднейшие властители города часто тоже именовались Антиохами. Либаний в *Похвале Антиохии* (пер. С. П. Шестакова, 1914–1916 гг.) пишет, что во время строительства города «Селевк сосредоточил все искусство строителей; все руки, весь блеск камней он

заставил служить своему делу. Рубили лес для перекрытий, лились потоки богатств на стройку. Намечая план города, он расставил слонов по местам будущих башен и, определяя длину и ширину портиков и улиц, брал для обозначения их пшеницу; подвожившие ее корабли стояли на реке [Оронт]. Быстро вырос город и, быстро построенный, стал населяться жителями» (*Речи* XI 89–91). Как здесь не вспомнить о закладке Александрии Египетской Александром. Селевк и был одним из диадохов (преемников) Александра Македонского. Сосредоточив в руках большинство сатрапий, некогда входивших в состав Александровой державы, Селевк принял надлежащие меры для укрепления их внутреннего единства. Он строит новые города, в них видя главную силу царства. В числе этих новостроек оказались западная и восточная столицы Селевкидов: Антиохия и Селевкия-на-Тигре (оттеснившая даже Вавилон). Вследствие разного рода политических коллизий царство Селевкидов, в период расцвета простиравшееся от Эгейского моря на западе до Сыр-Дарьи на востоке, пришло в негодность. Попытку восстановить его предпринял Антиох III Великий (222–187 гг. до н. э.), но она завершилась катастрофическим поражением от римлян в битве при Магнезии. Из текста Либания мы знаем, что Антиох III пристроил к Антиохии новую часть, поселил здесь этолян, критян и эвбейцев и, оградив поселение стеной, обеспечил их безопасность (*Речи* XI 119). Дело кончилось тем, что к концу 2 в. до н. э. в руках Селевкидов оставались только Финикия, Сирия и Киликия. В середине 1 века полководец Гней Помпей объявил Сирию римской провинцией, поставив точку в 250-летней истории Селевкидов.

Расположенная на берегах реки Оронт, почти в равном расстоянии от Константинополя и Александрии, Антиохия считалась богатой и коммерческой. Ее жители пользовались особенными гражданскими преимуществами, и город занимал третье место в ряду тех, которые позже вошли в число римских провинций. Сейчас это Антакья (Antakya), турецкий городок на юго-восточном побережье Средиземного моря, административный центр иля Хатай (124 тысячи жителей, 1990 г.).

По Либанию, в Антиохии был роскошный царский дворец, но особенным богатством отличались загородные виллы, которые возводились в живописных местностях среди парков и садов. Как и многие эллинистические города, Антиохия имела так называемые колоннадные улицы. Колоннады, возводимые с обеих сторон тротуаров, служили для защиты пешеходов от солнца и дождя. (Ф. И. Шмит в 1930-х годах выдвинул заслуживающую внимания гипотезу о происхождении базиликального храма из колоннадной улицы.) Общая длина таких улиц достигала 25 км, но ни одна из них не сохранилась (см. аналогичные памятники в Пальмире, Эфесе, Помпеях и Тимгаде). Либаний пишет: «Так гладка и непрерывна эта дорога, не преграждаемая ни впадинами, ни обрывами, ни иного рода препятствиями, что уподобляется она краскам в картине, сменяющим одна другую по воле художника» (*Речи* XI 197). И чуть ниже, как бы глядя по сторонам, сообщает: «Когда ты идешь по этой улице, пред тобой стоят частные дома, повсюду между ними вкливаются то государственные здания, то храмы, то купальни, расположенные так, что из любой части города к ним легко пройти; и у всех этих домов вход-

ные двери выходят в портики» (XI 212). Кроме того, дома были снабжены «личными» водными источниками. Об улицах-колоннадах и водоемах у Либания — целые поэмы, полные риторических роскошеств (XI 213–218; 244–248). Город имел речную пристань, построенную по системе, в которой морской и речной порты были взаимосвязаны (как в Остии).

Благолепие и гигиена Антиохии среди текущих потоков и кипарисовых рощ были беспримерны. В 7,5 км от города находилась царская резиденция — город Дафна — с лавровой рощей (около 15 км в окружности!), храмом Дианы (Артемиды) и Аполлона, святилищем Зевса и стадионом. Храм был построен Антиохом IV Эпифаном (175–164 гг. до н. э.) и сгорел в 362 г. И хотя с святилищем было связано поэтическое сказание Овидия (*Метаморфозы* I 452–567) о превращении Дафны в лавровое дерево (греч. *dafne* — лавр), в нем проповедовали свв ап. Петр, Павел и Варнава (апостолы трудились, разумеется, в языческих храмах), и именно здесь Христовым ученикам впервые дано было имя «христиане» — то ли в виде порицания, то ли просто чтоб отличить от прочих лиц без определенного рода занятий (*Деян.* 11 : 26; *Гал.* 2 : 11). До сих пор их пренебрежительно называли *asinarii*, то есть ослы.

Путь из тихой Галилеи, даже из Иерусалима в Антиохию — это путь от «ученика» к «христианину», — писал С. С. Аверинцев. Богиня Афродита, способная завоевывать сердца и родившая самого Эрота, по слову Либания, излила очарование свое на Антиохию, и потому «можно простить тех, кто, поддавшись чарам этого города, забудет и о родителях, и о родной стране: ведь они увидели город, равного которому нет, и знают, что нигде не найдут ни-

чего подобного ему» (*Речи* XI 271). Так, то ли польстившись на городские красоты и уют, то ли по какой иной причине, город посещали разные пастыри и учителя Церкви: св. Игнатий Богоносец, св. Мелетий, а ее уроженец — Иоанн Златоуст, один из Отцов Церкви, — был одно время даже антиохийским пресвитером.

Однако никакой иной город не претерпел столько бедствий от разных напастей, как Антиохия. Ее осаждали и грабили по меньшей мере раз пятнадцать. Во время одной из осад было убито и взято в плен 170 тысяч человек. Трижды Антиохию посещал голод, дважды — пламя, четырежды — землетрясения (от одного из которых, по мнению тех, кто считал, погибло 25 тысяч человек). В 538 г. персидский царь Хосров I по примеру остальных в который раз сравнивал город с землей. Сколько энергии человеческой впустую расходовалось! В день захвата Антиохии персами жители города собрались в театр: слух и зрение зрителей были заморожены дивной игрой актера, который вдруг непонятно почему замер, съезжился и, оборвав монолог, начал что-то бессвязно лепетать, уставившись в какую-то точку. Он со сцены увидел персов, сбегавших вниз с горы и остававшихся незамеченными. Зрители, ни о чем не подозревая, стали роптать от недоумения и возмущения, и ропот этот длился до тех пор, пока на театр не посыпались градом стрелы. Трагедия получила неожиданную развязку, и, по остроумному замечанию К. А. Свасьяна, роль *deux ex machina* в ней сыграли персы. «Что это: факт или притча? А может, и то и другое? Что, если в тот злополучный день на сцене шли именно эсхилловские «Персы»? И потом ворвались *настоя-*

щие...». Подобные явления гнева Божия (надо думать, за грехи и язычество жителей) еще до Рождества Христова (!) привели Антиохию в упадок, почти превратив в развалины. Некогда пышные здания уступили место хижинам.

От персов Антиохия «перебралась» в арабские руки, но однажды все-таки из сирийской стала греческой: в октябре 969 г. ромейский император Никифор II Фока из Македонской династии, царствовавший всего шесть лет (и, как было принято в Византии¹, павший от руки убийцы в конце 969 г.) среди многих других городов захватил Антиохию. После 230-летнего пребывания города под властью магометан вместе с Киликией и о. Кипр, отбитыми у арабов, Никифор отбил и главный город Сирии, названный Юстинианом Великим Теуполь — древнюю соперницу Византии на востоке, город великих патриархов, великих святых, великих соборов и вели-

¹ Статистика такова: в продолжение существования Византийской империи 109 лиц занимали императорский трон, как императоры в первый или второй раз, или как сотоварищи императоров. Из них 34 умерли в своей постели (естественной смертью), 8 погибли на войне или по случайности. Из остальных: 12 добровольно или насильственно отказались от престола и выжили; 12 умерли в монастыре или в темнице; 3 погибли голодной смертью; 18 были осклоплены, задушены, изгнаны, зарезаны, низвержены с верха колонны. У каждой профессии есть свой профессиональный риск, для императоров и королей это гильотина, яд или бомба. Николай II как-то спросил Шалыпина, почему басов любят меньше, чем теноров. — «Поём либо монахов, либо дьяволов, либо царей — разве сравнишь?» Царь подергал бородку: «Да, какие-то роли неинтересные» (*М. А. Гаспаров. Записи и выписки. М., 2000. С. 300.*)

ких ересей. Вскоре после 27-дневной не слишком изнурительной осады в руки византийского войска перешел и другой важный сирийский центр — Алеппо, резиденция Хамданидов. Сохранился документ (среди сочинений арабского историка XIII века Камаль ад-Дина) — текст договора между владельцем Алеппо самозванным эмиром Каргуйей и ромейским военачальником, стратопедархом Петром Фокой. В нем точно определены границы и названия местностей в Сирии, которые либо переходили во владения ромейского кесаря, либо становились к нему в вассальную зависимость: Антиохия перешла к империи, город Алеппо стал вассальным. Здесь в пользу императора была установлена подать с каждого обитателя Алеппо и подчиненной ему территории, за исключением всех христиан. Кроме того, была обложена данью вся земля, ежегодно приносившая империи доход в 44 тысячи золотых. Обеспечивалась свобода перехода христиан в мусульманство и наоборот: так, путем освобождения от налогов, было удобнее христианизировать местное мусульманское население. Во время правления Никифора Фоки, талантливого (удачливого) военачальника, как и его преемников на троне с двуглавым орлом — Иоанна Цимисхия (убийцы Никифора) и Василия II Болгаробойцы, — арабы, быть может, впервые за несколько веков сильно пострадали от византийского воинства, а сами военные экспедиции Никифора были радостью для его солдат, поскольку никто на них не нападал и им не сопротивлялся, и они делали во главе с кесарем что хотели.

Трудно сказать, хорошо ли жилось антиохийцам — и мусульманам, и христианам — под патро-

нате ромеев. Во всяком случае, со слов кремонского епископа Лиутпранда, посла лангобардского императора Оттона II в Константинополе в 968 г., оскорбленного Никифором Фокой, мы знаем, что некогда цветущая столица ромеев стала нищей, а жители — вероломными, лукавыми, хищными, тщеславными. Сам Никифор произвел на германского посла отталкивающее впечатление. Никифор был низкого роста, подобен пигмею с тяжелой головой и крошечными, будто у крота, глазками; широкая с проседью борода, длинные и густые волосы придавали ему вид кабана; цветом кожи он был подобен эфиопу. Пожалуй, несладко жилось покоренным народам под властью такого государя: а когда покоренным народам живется сладко? Его убийца — Иоанн Цимисхий — был куда более привлекателен внешне. Историк Лев Диакон изображает его белолицым, со светлыми волосами, рыжей бородой и голубыми глазами. Однако статность или низкорослость правителя в данном случае не при чем: покоренным всегда хуже, чем непокоренным. Но тогда о чем же станут скрипеть гусиные перья летописцев?

В 1822 г. сильное землетрясение разрушило остатки античной Антиохии. Население, численность коего в лучшие времена достигала полумиллиона человек, в начале 20 в. составляла всего 10 тысяч.

Впрочем, внимательный читатель наших очерков вскоре привыкнет (если еще не привык), что если в городе нечего показать, мы обращаемся к его письменной истории, — чтоб было хотя бы о чем почитать. Ведь наши очерки, повторяю, — своего рода конспект по истории культуры города, пользуясь которым, каждый может воссоздать в воображении его содержательную форму. Применительно

к Антиохии это удастся на славу: и в историко-культурном, и в военно-политическом смыслах.

Во-первых, Антиохия известна антиохийской богословской школой 5–6 веков, которую принято противопоставлять александрийской школе (мы помним, что от Константинополя Александрия и Антиохия находятся примерно на одном расстоянии). Если александрийцы (Климент, Ориген, Кирилл) стремились перевести христианский догмат на абстрактный философский язык, и при этом источники христианства приходилось трактовать аллегорически, то антиохийцы поступали наоборот. Сирийское плоскогорье с центром в Антиохии было родственно географической среде, в которой жил Иисус и где появились записи о Его деяниях, что позволяло антиохийцам представлять прошлое при помощи проекции на настоящее. Потому там оказался сильным экзегетический (сиречь герменевтический) момент — искусство толкования древних текстов. Основателем школы был несчастный пресвитер Лукиан Самосатский, знаток Св. Писания (он был брошен в тюрьму и замучен в Никомидии, в 312 году, в возрасте 92 лет, а в 326 г. мать Константина Великого — св. Елена — воздвигла над его мощами храм), исправлявший греческий перевод *Септуагинты*. Толкование Св. Писания заставляло антиохийцев быть внимательными к всякому оттенку мысли его авторов (свв Апостолов) и ценить строку. Антиохийцы считали, что умственная трезвость является не добродетелью, но обязанностью. Если александрийцам Библия говорила только о Боге, то антиохийцы не проходили мимо того, что говорится об Иисусе-человеке. Если александрийцы акцентировали проблему единства Божества при множествен-

ности Его ипостасей, антиохийцы с тенденцией слить эти ипостаси воедино умственно боролись. Когда же на вселенских соборах разгорелись христологические споры, александрийцы доводили свои умозаключения до поглощения двух природ Бого-человека (божественной и человеческой) в одном естестве, а антиохийцы, возражая им, останавливались на человеческих свойствах Иисуса, засвидетельствованных Новым Заветом, и подчеркивали раздельность Его естеств до полного обособления. Борьба выровняла крайности, и веросознание Церкви выбрало направление, среднее между александрийским и антиохийским. Впрочем, александрийский пресвитер Арий (ум. 336 г.), основатель арианства, называл своих единомышленников «со-лукианистами». (Прав С. С. Аверинцев, заметивший, что человеческий суд причастен Божьей правде только тогда, когда это суд над самим собой.) Кроме школы, город известен поместным Антиохийским собором, происшедшим в 341 г. Около ста отцов этого собора были приглашены императором Констанцием в Антиохию для освящения храма, заложенного еще при Константине; после торжеств собравшиеся пастыри образовали заседание, на котором составили 25 правил церковного управления, частично сходные с апостольскими.

С. С. Аверинцев подчеркнул, что общность судьбы обеих западно-восточных столиц — Антиохии и Александрии — примечательна. Ни тот, ни другой город не вырастал мало-помалу, из века в век, не проходил пути от локальной замкнутости к мировым контактам, не знал «священных лабиринтов» (М. Волошин) архаической планировки, к которой приходилось бы с трудом прилаживать изме-

няющуюся жизнь, как Афины и Рим до них, как Париж, Лондон и Флоренция — после. Они были сначала задуманы как столицы и возникли искусственно, по замыслу, плану и приказу; их связь с миром, то есть с дальними торговыми и административными путями, а через эти пути — друг с другом и прочими подобными столицами, — важнее и реальнее, нежели связь с краем, который их окружает. К этому типу столицы позже, в течение более тысячи лет, относился Константинополь.

Децим Магн Авсоний, сравнивая Александрию и Антиохию, пел:

Эта гордится, что Нил ей оплот, и в прикрытой долине
Расположила она свои плодородные нивы;
Та — оттого, что дала отпор вероломному персу.
Будьте и вы друг другу равны, македонские севы!
Ибо одну Александр Великий поставил у Нила,
А для другой основателем был Селевк, на котором
Было в бедро вождено клеймо, очертанием — якорь,
Знак родовой, от отцов к сыновьям идущий в потомстве.

(пер. с лат. М. А. Гаспарова)

Пожалуй, характерно, что именно в Антиохии жил знаменитый Иоанн Малала (7 в.), автор *Всемирной хроники* в 18-ти книгах, содержащей обзор событий от Сотворения Мира до 565 года. Хроника Иоанна Малалы, отличавшаяся даже среди других сочинений аналогичного жанра особым пристрастием к библейским сказаниям и чудесам, пользовалась незаурядной популярностью. Может быть, потому что была написана на общегреческом языке (койне), включавшем терминологию, классическому греческому не свойственную.

Во-вторых, Антиохия известна городскими страстями во времена Крестовых походов. Город

был взят уже во время первого (из восьми) Крестового похода (1069–1099 гг.) под водительством Готфрида Бульонского, Раймунда Тулузского, Боэмунда Тарентского и др., который завершился захватом у турок-сельджуков Иерусалима и образованием Иерусалимского королевства.

Город, самой природой поставленный в благоприятные условия для защиты от врага, к концу 11 века был снова отлично укреплен. Внутри было 360 церквей (мечетей), стены, снабженные 450 башнями, были столь толсты, что по ним могла проехать четырехконная колесница. Поскольку город был в то время оплотом мусульманского мира, защищал его антиохийский эмир (турок) с отборным войском. Осада продолжалась более года. Как всегда бывает, не обошлось без предательства начальника одной из цитаделей, который, желая отмстить эмиру за какое-то личное оскорбление, предложил Боэмунду, руководившему осадой, сдать одну башню. Воистину: «Нет лучше плана, чем тот, которого не знает враг, пока ты его не выполнил», — утверждал Флавий Вегеций Ренат в *Кратком изложении военного дела* (III 26). Так вот. В ночь на 3-е июня 1098 г. крестоносцы овладели башней, наполнили собой улицы, перебили мусульман, разграбили их дома и в три дня истребили всё съестное. Последовавший голод был мучителен — воины ели траву, кору и кожаные ремни. Этот крестовый поход, как и прочие семь, отличался дикостью нравов. К армии присоединилась шайка мародеров под началом Петра Пустынника, который сделался героем народных песен и чем-то вроде пророка, коему якобы сам Христос вручил водительство походом.

В *Песни об Антиохии* рассказывается, что Петр ответил своим людям, жаловавшимся на го-

лод: «Разве вы не видите турецкие трупы? Это отличная пища», и что воины эти трупы изжарили и съели. Анонимный автор *Песни* без всякой брезгливости риторически прибавляет: «Мясо турок вкуснее, чем павлин под соусом».

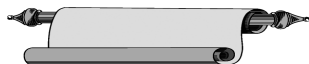
Крестоносцы оставались в Антиохии несколько месяцев, укрепляя раздоры между собой. А Боэмунд Тарентский, вскоре создав Антиохийское княжество, стал называться Боэмундом Антиохийским. Только в 1260 г. египетский султан Бейбарс I аз-Захир Сейф ад-Дин ас-Салихи вытеснил крестоносцев из города.

Чтобы завершить, отметим, что в ансамбле первой, классической Антиохии значительной была монументальная скульптура. Павсаний (*Описание Эллады* VI 2, 6) свидетельствует, что ученик великого Лисиппа — Евтихид из Сикиона (начало 3 в. до н. э.) — изваял для города огромную бронзовую статую богини Тихе (Случайность) — покровительницы города. Богиня была представлена сидящей на скале и опирающейся ногой на плечо юноши, олицетворявшего реку Оронт; на голове у нее — убор в виде городской стены, в руке — колосья (сохранилась римская мраморная копия с бронзового оригинала 290 г. до н. э.). Имя Тихе, океаниды и спутницы Персефоны, впервые встречается в Гомеровом гимне *К Деметре* (V 420), но этот персонаж ничего общего не имеет с богиней Случая. У Пиндара Тихе — дочь Зевса (*Олимп. од.* XII) и близка мойрам. Тихе персонифицируется в драмах Еврипида и «выступает важной движущей силой в эллинистической драме» (А. А. Тахо-Годи).

Осмелюсь предположить, что если бы Антиохии покровительствовало какое-нибудь иное бо-

жество — не богиня случая, выдвинутая эллинистическим временем и неизвестная времени классическому, — город не постигло бы столько несчастий. Впрочем, поскольку мир неустойчив, случаи случаются разные. Случай же (по слову Бальзака) — отъявленный плут и порядочных людей не любит.

АФИНЫ

Как нынешняя столица Греции и город, где чуть ли не впервые гармонично сочетались социальные и пространственные процессы, Афины начались городом-государством (полисом): каждый житель мог взобраться на холм и оттуда обозреть территориальную границу малой родины. Процесс объединения и сселения (синойкизм), сопровождавшийся подписанием договора (ретры), был начальной точкой его образования. В состав полиса входили земли, принадлежавшие общине свободных граждан, и город-центр — основное место проживания общинников.

Культурное значение Афин в истории европейской цивилизации определяется, в основном, «временем Перикла» (пятидесятилетием между греко-персидскими и Пелопоннесской войнами), начавшимся в 479 г. до н. э. после поражения персов при Платее и с основания Афинского морского союза (478 г.). Союзники жаловались: «За наш счет Перикл украшает свои Афины!» — на что Перикл отвечал: «Это не украшение, это памятник вашей и нашей победе и благодарность богам, которые ее даровали». И обманутым союзникам некуда было деться.

Три главных холма высятся в Афинах: Пникс, Ареопаг и Акрополь. Пникс — холм народа, на котором собиралось народное собрание. Ареопаг —

холм знати, где заседал совет девяти бывших архонтов (высшее должностное лицо полиса), некогда участвовавших в управлении городскими делами, а после греко-персидских войн только судивших убийц. Акрополь — холм богов, главное святилище Афин и всей Аттики. Недалеко от этих холмов находилась городская площадь, где высился храм Гефеста (Гефестейон), дом Совета и круглое здание для его заседаний. Четвертым холмом в Афинах был холм Муз (покровительниц поэзии, искусства и науки, дочерей Зевса и Мнемосины, памяти). На Акрополе до войны существовали храмы — персы же их разрушили, и афиняне решили воздвигнуть новые. Акрополь был священным участком города — теменосом.

Как и весь город, Акрополь был посвящен богине Афине — воплощению мудрости, рожденной из головы Зевса (согласно мифу, специальный бог-кузнец Гефест ударил Зевса молотком по темечку, и оттуда родилась Афина). Ей был посвящен главный храм Акрополя: Парфенон (храм Девы). В нем размещалась хрисозлефантинная (из слоновой кости и золота) статуя Афины Победительницы с фигуркой Ники (Победы) в руке, исполненная Фидием, величайшим из ваятелей. Посреди Акрополя, против Пропилей, высилась статуя Афины Воительницы с копьем и щитом. Золотой наконечник копья служил маяком и был виден далеко в море. «Невероятная машина Парфенона размалывает и властвует; уже издали, с расстояния четырех часов хода или часа морского пути его обращенный к морю куб приобретает доминирующее положение», — писал в 1911 году 20-летний Ле Корбюзье (тогда еще Шарль Эдуар Жаннере).

Колонны Парфенона — самого знаменитого древнегреческого храма — вшестеро выше человеческого роста и толще охвата. По западному и восточному фасадам их восемь (хотя обычно ставили шесть). Над колоннами — треугольные фронтоны, заполненные скульптурой. С восточной, главной, стороны изображен акт рождения Афины, с западной, второстепенной, — сцена диспута Афины с Посейдоном за обладание Аттикой: Посейдон, ударив оземь трезубцем, подарил афинянам соленый источник (море), Афина — оливковое дерево, символ плодородия (землю). Афина победила: но афиняне чтут и Афину, и Посейдона — морского хранителя, но Афину все-таки больше, потому что разум им дороже, чем стихия. Оба мифологических сюжета указуют как бы на горнее и дольнее, высокое и прагматическое. В такой дихотомии пребывает вся греческая культура классического времени: покой и движение, хаос и космос, но главное — мера, объединяющая крайности. «Все фронтоны отменены, кроме Парфенона, созерцающего море, глыбы из другого мира. Того самого, который захватывает человека и ставит его над миром. Акрополь, который внимает мольбам и возвышает!» — переводил дух молодой Ле Корбюзье (которого Иосиф Бродский наряду с другими мэтрами, называл «архитектурной сволочью», обезобразившей лицо Европы не хуже летчиков Люфтваффе — и, кажется, имел на это известные основания).

Каждые четыре года, на празднике Великих Панафиней (*пан* — весь, целый), из Элевсина по Священной дороге к Парфенону (по тропе, ведущей на Акрополь) следовала ритуальная процессия, и жрецы — единственные, кто имел право видеть ста-

тую Афины Победительницы и входить в храм, — возлагали на ее торс священное покрывало, ритуальный пеплос с изображением гигантомахии (битвы с гигантами), который ткался девочками семи-одиннадцати лет, аррефорами, в девичьей (собственно парфеноне) Парфенона (см. об этом прелюбопытнейшую статью академика С. А. Жебелёва «Парфенон в “Парфеноне”» 1939 г.).

Древнегреческий храм — самый настоящий дом божества, со своей прислугой, дворецкими и охраной. С точки зрения архитектуры это скульптура, поскольку внутреннее пространственное ядро имело исключительно сакральную функцию, и восприятие здания как архитектурной массы было только «наружным». Крыша греческого храма всегда двускатная: частные дома греков покрывались одним скатом.

Вторым по значению храмом Акрополя был Эрехтейон — храм Посейдона и Эрехтея, афинского царя, введшего Панафиней и привившего в Аттике культуру возращения пшеницы. Ради победы афинян в войне с Элевсином он принес в жертву Посейдону дочь Хтонию (другие его послушно воспитанные дочери принесли себя в жертву сами). Эрехтейон поставлен как раз на том месте, где, по преданию, Посейдон высек из земли источник, а Афина посадила оливу (враги много раз ее выкорчевывали, но она до сих пор там растет и плодоносит). Внутренняя планировка храма со святилищами Посейдона и Эрехтея сложна, многое в его функции загадка. Особенным в постройке оказывается портик с кариатидами, поддерживающими крышу, в которых, быть может, следует видеть дочерей Эрехтея, пожертвовавших собою ради победы. Сущность архитектурной композиции Эрехтей-

она заключается в том, что взаимоотношение архитектурной и скульптурной форм, которые в Парфеноне объединяются в целое, преднамеренно нарушено: ничего не поделать — мера.

Не могу удержаться от цитаты из «Путешествия на Восток» все того же мистического и парадоксального Ле Корбюзье. Она — самая длинная в нашей книге. — «Попробуйте лечь на живот около колонны пропилей и проанализировать ее начало. Прежде всего, вы лежите на покрытой плитами поверхности, горизонтальность которой так же абсолютна, как и теория. Крупные известняковые плиты лежат на искусственном грунте — на глубоком основании или, вернее, на высоком подъеме. База колонны, разрезанная двадцатью четырьмя каннелюрами, является цельной, как и охватывающее вас восхождение. И плита, уложенная вокруг наподобие своеобразной ванны, имеет край толщиной не более 2–3 сантиметров. Этот размер, достигнутый две тысячи лет назад — нимб рождения — еще ощутим и сегодня, и столь же свеж и чист, будто ваятель лишь вчера взял резец и молоток, чтобы тесать этот мрамор. Стена с тремя воротами, более широко открытая в середине, чтобы во время Панафины могли проехать колесницы (? — А. П.), представляет собой мраморную поверхность с многочисленными вкраплениями известняка, пригнанными до такой степени, что их хочется погладить, что рука словно тянется проникнуть в мираж этих тысячелетних слоев, — поверхность настолько ровная, что совпадают прожилки на соседних камнях... Как и меня, вас придавит несравненное искусство и охватит стыд, если подумать, что, увы, мы делаем в веке двадцатом». Последнее звучит самокритично.

В Парфеноне использован дорический и ионический ордера, в Эрехтейоне — только ионический: эти два ордера, мужественный и женственный, сопровождали древнегреческое строительство несколько веков кряду. При образованном римском императоре Адриане, боготворившем греческую культуру, в Афинах был достроен храм Зевса Олимпийского (Олимпейон) — в нем использован исполинский коринфский ордер, характерный для римской эпохи.

Храмы Греции были крашеными. Установлено, что наружные части греческого храма окрашивались в яркие простые цвета: синий, красный, желтый. Окраска сосредоточивалась в верхних частях храма — там, где было много скульптуры. Колонны оставались некрашеными, и в разные часы дня белозеленый пентелийский мрамор отливал на солнце оттенками зеленых микроскопических мхов.

Судьбы Парфенона и Эрехтейона плачевны. В 7 веке Парфенон превращен христианами в «храм св. Софии» (Премудрости Божией), в 1460 г. турками — в мечеть (с минаретами!), позднее в «пороховую бочку», склад боеприпасов, пущенный в 1687 г. на воздух венецианским войском адмирала Франческо Морозини. В начале 19 века храм был разграблен шотландцем Томасом Брюсом лордом Эльджином, который вывез многие скульптуры в Британский музей (чего не сделали готы, сделали скотты», — шутил по поводу эльджиновского поступка другой лорд — Джордж Ноэл Гордон Байрон). Эрехтейон в 12 веке, при крестоносцах, служил дворцом, при турках — гаремом местного правителя. Всем был удобен — всем хорош.

Театр Диониса у подножия Акрополя — главное зрелищное сооружение Аттики. Центральным

элементом его была орхестра, к которой примыкала с одной стороны сцена (сцена), с другой — амфитеатром расположенные зрительские места. Поначалу в комедиях и трагедиях (*трагос* — козлиная песнь) основным действующим лицом был хор, из которого выделился один актер. Этот актер появился в 534 г. до н. э. благодаря некоему Феспису из Икарии, который сам ничего не писал, но одного актера хору противопоставил, собственно, создав трагедию как жанр. Трагик Эсхил прибавил второго актера, трагик Софокл — третьего. На этих трех актерах и хоре в классической Греции развитие театра остановилось. Кстати, Софокл изобрел и театральную декорацию, а живописец Агатарх — перспективную живопись.

Жилище древнего грека было простым: роскоши взяться еще неоткуда. Дворцов в демократических Афинах не было, были глиняные дома из необожженного кирпича и храмы из пентелийского мрамора. Жилища теснились на кривых узких улицах: выходя из дому, нужно было постучать в дверь, чтобы не ушибить прохожего (см. об этом у Плутарха в биографии Публия Валерия Попликолы, XX). Дома стояли «спиной» к улице и «лицом» во двор — восточный принцип. На улицу выходили глухие стены или открытые лавки и мастерские, окон не было (в древнегреческом языке не было даже слова для обозначения окна). Комнаты освещались через маленькие форточки под крышами. Глина — материал недолговечный, потому дома просто было сломать и столь же просто восстановить. Воры не взламывали дверь, а подкапывали стену, потому в Афинах их называли стенокопами (по-нашему «медвежатниками»). Войдя с улицы (без стука), человек по узкому темному коридору попадал

в солнечный открытый дворик, обнесенный колоннадой, здесь стоял алтарь Зевсу Домашнему и проходила греческая повседневность.

Для питья не было ни чая, ни кофе, ни пива: потребляли вино. Кроме собственного, афинского, доброй популярностью пользовалось фалернское, цекубское, мессикское и хиосское: сухое вино готовили и пили по всей Элладе. Его смешивали с водой так, чтобы воды было больше (часто — вдвое), чем вина. По сути, как авторитетно утверждает М. А. Гаспаров, вино было средством обеззаражения гнилой воды афинских колодцев. Ни ложек, ни вилок не было, ели руками, а объедки бросали на пол. Перед тем как переходить к вину, умывали руки, надевали венки и отправляли возлияния богам. Существовала поговорка: «Застольников должно быть не менее числа Харит и не более числа Муз», то есть от трех до девяти. Свечей не было, но глиняные масляные лампы в несколько фитилей были достаточно светосильны. Расходясь после застолий темными немощными улицами, освещали дорогу факелами: уличного освещения за муниципальный счет еще не выдумали.

Интересно понятие, связанное с этим городом, — афинское воспитание (*пайдейя*): система воспитания мальчиков и юношей (кроме рабов), сложившаяся в 7–5 вв. до н. э. С семи до шестнадцати лет — обучение в грамматической школе, школе кифариста и палестре. Дети из наиболее состоятельных семей до восемнадцати лет продолжали занятия в гимназиях. Воспитание юношей восемнадцати-двадцати лет (*эфебов*) завершалось в *эфебии*. Мусическое воспитание сочеталось с гимнастическим, а физический труд вообще исключался (см. книжку Вернера Йегера «Пайдейя: Воспитание античного

грека»). Греки интересно определяли готовность детей к умственной работе: если ребенок мог правой рукой через голову достать до мочки левого уха, он считался созревшим для учения. Если нет — не считался.

Среди достопримечательных мест в Афинах вам обязательно покажут (с Акрополя) на северо-запад, за Дипилонскими воротами, в шести стадиях, — рощу Академ, где некогда располагалась Платоновская академия (закрытая императором Юстинианом в 529 г., что А. Ф. Лосев считает символом завершения античности), на восток, вблизи городских стен у Диохаровых ворот, — Ликей¹, где любви к мудрости (то есть философии) учил Аристотель, на юг — речку Илисс, возле которой под высоким платаном и вербой Сократ беседовал с Федром (*Федр* 229a – 230c), на восток — остатки Длинных стен, ог-

¹ Этимология греческого слова «ликей» любопытна: чаще всего его производят от корня «лик» (*lyc-*), от которого происходит слово «ликос» (*lycos*), «волк». В давние времена боги представлялись в виде животных (зооморфный фетишизм), Аполлон Ликейский (в Малой Азии) и Зевс Ликейский (в Афинах) почитались в виде волка. Это представление потом было переосмыслено, и боги сделались покровителями людей — истребителями волков, то есть волкоубийцами. Слово «ликей» производят также от греческого «левкос» (*leucos*) — «светлый», «белый», или от латинского «люкс» (*lux*) — «свет». В течение тысячелетий зооморфное и световое понимания божества чередовались и даже отождествлялись. Слово «ликей» — древнее слово, и сравнивать его с «лицеем» — названием привилегированного учебного заведения (Царскосельский лицей) — следует метафорически и потому осторожно (см.: А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. Платон. Аристотель. М., 1993. С. 246).

раждавших дорогу в порт Пирей, — главный порт Аттики. К сожалению, все это только остатки былой роскоши. Воистину, Гегель был прав, утверждая: первое, что мы видим, оглядываясь в прошлое, это руины. Зато сколь величественные!

Мне не хочется завершать этот очерк на оптимистической ноте. Многим покажется, что в солнечных Афинах, какими их застает современный турист, всегда было солнечно и благостно. Было так не всегда. Недаром ритор Исократ сравнивал Афины с гетерой. Плененные красотой гетеры жаждут обладать ею, однако нет такого безумца, который бы вздумал на ней жениться. Так и Афины: «город восхитительный и несравненный для приезжего, но далеко не сладкий для того, кто живет там постоянно». Этим, по Элиану, Исократ намекал на наводнявших Афины сикофантов (доносчиков) и козни городских демагогов (*Пёстрые рассказы* XII 52). Более того, спокойствие и уравновешенность для Афин были такой же редкостью, как и состояние мира. Война для античного жителя была делом более привычным и естественным, нежели мир. Война прерывалась миром, и это было диковинкой. Для нас теперь диковинка обратное (впрочем, едва ли).

Но чтобы не говорить непременно о войне, позволю привести описание повального мора, унесшего большую часть населения Афин в 430 г. до н. э., во время Пелопоннесской войны. Что это была за болезнь, так до конца и не выяснено.

Судя по Фукидиду (*История* II 47–52), этой смертельной хворью был сыпной тиф. И хотя аналогичные описания можно встретить у Вергилия (*Георгики* III 478 ff) и Овидия (*Метаморфозы* VII 518 ff), мы обратимся к поэме Тита Лукреция Кара

«О природе вещей» (VI 1138–1286).

Кожа горела больных на наружной поверхности тела;
 Нет, представлялась она скорей тепловатой наощупь;
 Точно ожогами, всё покрывалось тело при этом
 Язвами, как при священном огне, обнимающем члены;
 Внутренность вся между тем до мозга костей распалась,
 Весь распался живот, пламенея, как горн раскаленный.
 Даже и легкая ткань и одежды тончайшие были
 Людям несносны; они лишь прохлады и ветра искали.
 В волны холодные рек бросались иные нагими,
 Чтобы водой освежить свое воспаленное тело;
 Многие вниз головой низвергались в глубины колодцев,
 К ним припадая и рты разинув, над ними склонялись. <...>
 Капища все, наконец, святые богов бездыханной
 Грудью тел переполнила смерть, и завалены всюду
 Трусами доверху все небожителей храмы стояли
 Там, где пришельцев толпу призывали служители храмов.
 Ни почитанье богов, ни веления их в это время
 Не соблюдались уже: отчаянье всё ниспровергло.
 И позабыт был обряд похорон, по которому раньше
 В городе этом народ совершал погребенья издревле.
 Все трепетали тогда в смятении полном, и каждый
 В мрачном унынии своих мертвецов хоронил, как придется.
 Спешка и с ней нищета к делам побуждали ужасным:
 Так, на чужие костры, для других возведенные трупов,
 Единокровных своих возлагали с неистовым криком
 И подносили огонь, готовые лучше погибнуть
 В кровопролитной борьбе, чем с телами родными
 расстаться.

(VI 1164–1286; *пер. с лат. Ф. А. Петровского*)

Мор, конечно же, прошел, осевши на страницах сочинений испуганных историков. Афины с тех пор изменились, как изменились и сами греки (по забавной теории Я.-Ф. Фальмерайера), но золотой нако-

нечник копья Афины Воительницы, будто живое марево истории, встречает мореходов у мыса Суний, а метафоры все так же горчат на языке. Как в 4 веке — у римлянина Авсония:

Время пришло помянуть и Афины, удел земнородных,
 Город, когда-то явивший раздор меж Палладой и Консом
 И приобретший оттоль первый сев миротворной оливы.
 Здесь блистала чистейшая слава аттической речи,
 И не отсюда ли встарь с дружиною вышедших греков
 Вдаль по ста городам разлилось ионийское племя?

(*пер. с лат. М. А. Гаспарова*)

БАВИЛОН

Древний шумерский город в Месопотамии, к юго-западу от современного Багдада, в раскопках существующий с 1898 года, — пожалуй, один из самых известных городов, в котором ныне мало кому будет интересно. Теперь это бедная арабская деревенька Гиллах близ Багдада.

Сохранилось много сугубо вавилонских легенд: о сотворении мира, о потопе, об Иштар — богине плодородия, плотской любви, войны и распри (какова?!). Самая старая и самая известная легенда — о Гильгамеше, полулегендарном царе г. Урук в Шумере (27–26 вв. до н. э.).

Интересен такой сюжет. У одного ассирийского пастуха — смотрителя царских стад Симмаса — была дочь. Звали ее Семирамида (ассир. Шаммурат). Начальник царских войск — Оанн — увидел ее, влюбился, женился, взял в поход. Чтобы ее не узнали, она выдумала наряд, скрывавший тело: шапоровы, куртку, шапку — с тех пор это одеяние стало на Востоке общим для лиц обоего пола. Однако ассирийский царь — Нин — узнал в Семирамиде женщину, тоже влюбился и сказал Оанну: отдай! Тот не смел ослушаться, закололся мечом, а Семирамида стала царицей. Мужа-царя она не любила. Однажды Семирамида попросила его исполнить од-

ну просьбу: на день уступить царство. Царь вручил супруге скипетр и посадил на трон. Она призвала стражу и приказала царя казнить. Ее послушались (Элиан. *Пёстрые рассказы* VII 1).

Так Семирамида стала владычицей Азии. Сын Семирамиды и Нина — Ниний, выросши, затеял против коварной матери заговор. Но она была женщиной мудрой, и добровольно уступила сыну трон, а сама, став горлицей, улетела из дворца со стаей. С того часа почитали ее богиней, а голубь стал священной птицей. Чтобы не жить в ассирийской столице, Ниневии, Семирамида выстроила новую столицу — Вавилон, Ба Бел, Врата Бога. Ниневия была на реке Тигр, Вавилон — на реке Евфрат. Произошло это в конце 9 в. до н. э.

Стены Вавилона были втрое выше ниневийских, по ним могла проехать квадрига. Через Евфрат был устроен мост на каменных столбах («цементом» служили железо и свинец). Чтобы их воздвигнуть, воду отвели в большой пруд. На берегу стояло два царских дворца, каждый за тройной стеной. Рядом — холм, на его склоне — висячие сады, раскинутые как бы на ступенях исполинской лестницы. Правда, созданы они были в 6 в. до н. э., и традиция связывает их сооружение с именем царицы Семирамиды ошибочно. С вершины холма был виден Вавилон — город, похожий на страну.

Таким, видно, его и лицезрел Моисей, предложивший другую версию возникновения Вавилона. Из Книги Бытия всякий помнит рассказ про вавилонское столпотворение и Вавилонскую башню (*Быт.* 11 : 1–9). Разгневанный человеческой дерзостью Господь «смешал языки» (люди перестали понимать друг друга) и рассеял, то есть расселил по

земле. Так закончилась тихая, райская, допотопная история, и началась суетная современная: мыслью и преданием осязаемая. Недаром вавилонское столпотворение: синоним суматохи и беспорядка.

«Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» (*Быт.* 11 : 3–9). Казалось бы, что добавить? Сам Бог был в Вавилоне! Всё прозрачно: первый «послепотопный» город, первое рассредоточение человеческой популяции. Но нас интересует архитектурный процесс — сопровождение человека в его бытии, строительная форма, порожденная мировоззрением.

В 19–6 вв. до н. э. Вавилон — столица Вавилонии. Вавилония — государство начала II тысячелетия — 539 г. до н. э. на юге Междуречья (то есть между реками Тигр и Евфрат; территория современного Ирака). В период расцвета (при царе Хаммурапи, 18 в. до н. э.) — централизованное рабовладельческое государство. Дата «539 год» знаменательна. Это конец так называемого «вавилонского плена», то есть периода истории евреев от их насильственного переселения в Вавилонию после взятия Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором II и до возврата в Палестину после завоевания Вавилонии персидским царем Киром II. Расхождение свидетельств Ветхого Завета с прочими разительны. Впрочем, как заметил авторитетный современный ученый проф. Ю. Л. Мосенкис, аспект мифического представления о слове как магическом средстве творения довольно занимателен. Ассирий-

ские легенды более ветхи, нежели Ветхий Завет. Но едва ли возможно, чтобы между смешением языков, постройкой Вавилонской башни и рождением Христа минуло только шесть столетий, как между эпохой Ренессанса и нами. Пусть историки (в том числе на манер А. Т. Фоменко) разбираются. Нас все-таки интересует архитектура.

План Вавилона в 7–6 вв. до н. э. представлял вытянутый четырехугольник площадью около 10 км². Видимо, впервые в истории градостроительства город был выстроен по единому плану: потом такое практиковалось (см. очерки «Александрия» или «Милет»). Река Евфрат делила Вавилон надвое: старый и новый город, последний был «пригородом». Было в Вавилоне девять ворот, каждые из коих начинали одну из длинных улиц, деливших город на квадраты.

Улицы жилых кварталов были совсем узкими, до 4 м, чтобы создавать защиту от солнца. Важнейшие здания стояли в старой части. Основной магистралью была Дорога Процессий богини Иштар — Аибуршабу (шириною примерно 7,5 м), соединявшая главный храм — храм верховного божества местного пантеона Мардука, — Эсагилу — с северными воротами Иштар. Город был окружен со всех сторон глубоким рвом. Было в нем 676 квадратных площадей, окруженных жильем и садами. На стенах, сложенных из больших кирпичей на смоляном цементе, высились 250 башен. Самым высоким строением была Вавилонская башня. По научному башня называется зиккурат Этаменанки (Дом основания небес и земли). Зиккурат — архитектурная модель Горы (шум. *Куф*). Стояла эта девятидесятиметровая башня на древней равнинной земле Сеннаар (шум. *Шумер*) с IV

тыс. до н. э. Строили ее потомки Ноя, вернее, — Хама. Основание башни — 90 x 90 м. Нижний ярус имел в высоту 33 м. Возведена за один год: всякая легенда сжимает и мумифицирует историю.

После завоевания Междуречья (греч. *Месопотамия*) персами Вавилон низведен до уровня провинциального города в чужом для него царстве. При царе Асархаддоне (и его сыне Ашшурбанипале) зодчий Арадаххеш отстраивал башню последний раз. Но творение Арадаххеша было разрушено царем Ксерксом в 5 в. до н. э. Идея Александра Македонского, затеявшего было очередное восстановление зиккурата, осталась неосуществленной. Геродот, видевший постройку в 5 в. до н. э., записал: «Вокруг [восьми] башен [зиккурата] идет круговая лестница, по которой можно взойти наверх. В средней части лестницы находится место для отдыха со скамьями, дабы взбирающиеся могли перевести дух. В последней башне устроено большое святилище, в нем стоит выложенный подушками большой диван и стол из золота. Однако статуи бога в нем нет» (*История* I 183). Кроме Геродота, об этой башне писал вавилонский жрец и историк 3 века до н. э. Бероз (Беросс), который по просьбе Андроника I Сотера написал *Вавилонскую историю*. Статуя упоминается даже в тольтекском (Мексика) предании. Много фантазии положили позднейшие художники, чтобы запечатлеть ее. Например, Питер Брейгель Мужичский (16 в.) пытался сделать это дважды.

Следует думать, по меркам геродотовых времен башня действительно была «до небес» — другой такой постройки мир еще не видывал. Правда, великий историк ошибся в числе ярусов башни: их было не 8, а 7 — священное число. Вероятно, Геро-

дот так впечатлился монументальностью невиданного прежде сооружения, что просчитался. Ассирийцам и шумерам было известно семь небесных тел, движущихся по расчисленным орбитам, в том числе Луна и Земля. Наша неделя потому и насчитывает 7 (а не 8 или 9) дней, что мы до сих пор придерживаемся введенного древними счета. Чудес света тоже было семь. Традиция приписывает эпохе Семирамиды устройство в Вавилоне «висячих садов» — одного из таких чудес.

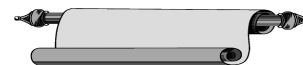
На самом деле сады были сооружены при вавилонском царе Навуходоносоре II (605–562 гг. до н. э.). В 605 г. Навуходоносор захватил территорию Сирии и Палестины, в 598-м совершил поход в Северную Аравию. В 597, а затем в 587 г. (или 586 г.) разрушил восставший Иерусалим, ликвидировал Иудейское царство, пленив множество евреев. Висячие сады Семирамиды царь велел разбить для любимой жены Альтис — мидийской царевны, тосковавшей в пыльном Вавилоне по зеленым холмам Мидии. Возможно, с ритуальной оглядкой на «отца истории» висячие сады в эллинистическую эпоху помещались в число наиболее прославленных сооружений.

Сады размещались на широкой четырехъярусной башне. Платформы террас были сложены из каменных плит, покрытых слоем камыша и залитых асфальтом. Далее шли прокладки из двух рядов кирпичей, скрепленных гипсом, и свинцовых плит, не пропускавших воду в нижние этажи. Сложное сооружение было покрыто толстым слоем плодородной земли, который позволял высаживать здесь густые деревья. Ярусы поднимались уступами, соединенные широкими лестницами с плитами розового и белого песчаника или мрамора. Ежедневно

тысячи рабов качали воду из глубоких колодцев на вершину в многочисленные каналы, откуда она стекала на нижние террасы. На выжженной солнцем равнине чудом казались журчание воды, тень и прохлада. Прямо оазис. Конструкция покоилась в основании на колоннах и перекрытиях, образующих своды. Именно в этих залах дворца, в нижнем ярусе сада, внезапно, в возрасте 33 лет, умер от малярии Александр Македонский. Похоронили его якобы в Александрии (см. очерк «Александрия»). После запустения Вавилона (наследники Александра — диадохи — уже в город не возвращались) наводнение разрушило стены дворца, вода размягчила плохо обожженную глину, террасы просели, рухнули своды, пошатнулись колонны. Единственный след когда-то грандиозного памятника инженерной мысли — открытая раскопками Р. Кольдевея (в 1898–1917 гг.) сеть пересекающихся траншей близ иракского г. Хилле (90 км от Багдада), в срезах которых видна полуразрушенная кладка. Грозным величием, блеском культурного богатства и глубиной нравственного упадка столица Вавилонии произвела на воображение человечества (особенно на древних иудеев) такое впечатление, что имя ее стало синонимом всякого безнравственного поселения, получив в Св. Писании апокалипсическую интонацию (*Откр.* 14 : 18–19; 2 *Пар.* 32 : 31). Пророк Иеремия восклицал, что Вавилон сделался «ужасом между народами» (*Иер.* 51 : 41, 50 : 23).

Можно спросить вслед за одним римским автором: «И где же ныне слава Вавилона?» (*Est ubi gloria nunc Babilonia?*) Ответим: слава его — в исторической памяти культурного европейца, то есть в нашей с вами памяти.

ГИЗЕ

Эль-Гиза — современный город в Египте, на западном берегу реки Нил, напротив Каира, административный центр мухафазы (губернаторства) с населением 1,9 млн. человек (1986 г.), табачной и радиотехнической промышленностью. Но нас интересует не это: в районе г. Эль-Гиза расположены пирамиды фараонов Четвертой династии и Большой сфинкс, считавшиеся одним из Семи чудес света. Без этих грандиозных построек город едва ли был бы известен.

То, что время боится пирамид, известно с тех пор, как наблюдательный человек предложил такую формулировку. «Все на свете боится времени, но только время боится пирамид», — гласит арабская пословица. А арабы как этническая общность известны с 6-го века.

Числом около восьмидесяти, на протяжении приблизительно 75 км, пирамиды тянутся по Мемфисскому плоскогорью (около Каира) у самого края Ливийской пустыни и реки Нил, образуя несколько групп, получивших названия от расположенных поблизости населенных мест: Эль-Гиза, Саккара и т. п.

Египтяне глубоко веровали, что человеческая душа, и притом со всеми потребностями в пище, пи-

тье и пр., продолжает жить после смерти до тех пор, покуда цел оставшийся от человека труп. Потому труп пытались сохранить в виде мумии. Мумифицировались не только люди, но и священные животные — кошки, крокодилы. Для мумий больших людей — фараонов (греч. *фарао* от древнеегип. *пер-о* — большой дом) и их приближенных — строились специальные погребальные здания. («Если вы не фараон, — учил Иосиф Бродский, — не претендуйте, чтобы стать мумией».)

Пирамиды — усыпальницы фараонов — главный архитектурный тип эпохи Древнего царства (примерно 3200–2270 гг. до н. э.). В Египте тогда настолько окрепла власть, что свидетельства тому — царские пирамиды — до сих пор смущают время присутствием. Самая первая пирамида сооружена в начале третьей династии для фараона Джосера (около первой половины 28 в. до н. э.). Сохранилось имя ее зодчего — Имхотеп (древнеегип. *Находящийся в довольстве*), верховный сановник, автор первого в истории Египта наставления — *Поучения Имхотепа* (не сохранилось). Имхотеп пользовался славой мудреца и чародея, а позднее был обожествлен как покровитель врачевания, чтившийся в Мемфисе (и в этом качестве ок. середины I тыс. до н. э. отождествлен греками с лекарем Асклепием). Но в режиме деспотии личность человека, который на самом деле сделал здание, — личность архитектора, — не имела значения, он был не более чем орудием в руках божества. Потому архитектура в Древнем Египте анонимна так же, как и в других восточных деспотиях. Имхотеп — завидное исключение.

Осип Мандельштам в 1914-м спрашивал:

Кто может описать сановника доход?

Бессмертны высокопоставленные лица.
(Где управляющий? Готова ли гробница?..)
В хозяйстве письменный я слушаю отчет.
Тяжелым жерновом мучнистое зерно
Приказано смолоть служанке низкорослой,
Священникам налог исправно будет послан,
Составлен протокол на хлеб и полотно...

Пирамиды выстроены на левом, западном, берегу Нила (поскольку Запад — «царство мертвых») и возвышаются над «городом мертвых». Возведение пирамиды, в которой греки и римляне видели памятник гордыни фараонов и ненужной трудовой жестокости, обрекшей целый народ на бессмысленное строительство и введшей выражение «египетский труд», — было главнейшим сакральным действием и должно было выразить тождество страны и ее повелителя. Население трудилось на строительстве гробниц в свободное от сельскохозяйственных работ время.

Величайшая пирамида — Хеопса — имеет высоту более 148,2 м, длина каждой стороны ее основания 232,805 м. По сообщению Геродота, пирамиду строили 100 тысяч человек в течение двадцати лет. Угол наклона ребра определен в 51°52'. Сложена она из 2 миллионов 400 тысяч каменных блоков, средний вес которых 2,5 т. Плиты не скреплялись раствором, их удерживает одна на другой точная подгонка. Ее автором был зодчий Хемон, имевший придворный титул брат царя, хотя был не братом, а племянником фараона. Инженерной находкой Хемона было сооружение в толще каменной кладки над погребальной камерой пяти разгрузочных камер, с помощью которых удавалось равномерно распределить колоссальную нагрузку на перекрытия.

Кроме того, пирамиды точно ориентированы по странам света, что свидетельствует об астрономических знаниях египтян, а расчет углов наклона граней просто удивителен. В пирамиде Хеопса этот угол таков, что ее высота равна радиусу воображаемой окружности, в которую вписано основание пирамиды. Сегодня она высится над пустыней на 137 м. Погибший во время Великой Отечественной войны архитектор В. Н. Владимиров в первом томе Всеобщей истории архитектуры (М., 1944; 2-е изд. — 1970) оставил главу «Пропорции в египетской архитектуре». Желающие могут посмотреть.

Второй по величине была пирамида Хефрена (высота 143,5 м), третьей — Микерина (высота 66,5 м). Близ пирамиды Хефрена — одна из крупнейших статуй древности: высеченная из скалы фигура лежащего сфинкса с портретными чертами самого фараона (правда, мавры, руководясь сурами Корана, расстреляли его физиономию). Сарацины называли сфинкса отцом ужаса. Лев — телесная «основа» сфинкса — считался хранителем священных мест и врат загробного мира, западного и восточного горизонтов.

«Что хотят сказать эти крупные, выпяченные губы, эти неподвижно-расширенные, вздернутые ноздри — и эти глаза, эти длинные, полусонные, полувнимательные глаза под двойной дугой высокими бровей?» — удивлялся в декабре 1878 г. Иван Тургенев (*Senilia: Стихотворения в прозе*). — А что-то хотят сказать они! Они даже говорят — но один лишь Эдип умеет разрешить загадку и понять безмолвную речь. Ба! Да я узнаю эти черты... в них уже нет ничего египетского. Белый низкий лоб, выдающиеся скулы, нос короткий и прямой, красивый бе-

лозубый рот, мягкий ус и бородка курчавая — и эти широко расставленные небольшие глаза..., а на голове шапка волос, рассеченная пробором... Да это ты, Карп, Сидор, Семён, ярославский, рязанский мужичок, соотчич мой, русская косточка! Давно ли ты попал в Сфинксы?.. Только где твой Эдип? Увы! не довольно надеть мурмолку, чтобы сделаться твоим Эдипом, о всероссийский сфинкс!» Не правда ли, забавно.

Египетский сфинкс не имеет ничего общего с греческим Сфинксом (Сфингой): чудовищем с лицом и грудью женщины, телом льва и птичьими крыльями. Эта Сфинга, посаженная Герой на горе вблизи города Фивы за соращение царем Лаием юного Хрисиппа, предлагала загадку: «Кто из живых существ утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?» Кто не отгадывал, погибал. Так пропало много знатных фиванцев. Загадку разгадал несчастный Эдип, которого фиванцы, избавленные от напасти, сделали царем, а Сфинга с горя бросилась в пропасть и насмерть разбилась. (Правда, Эдипу позже тоже досталось: целый Эдипов комплекс.)

По легенде, путешествие Солнца по стране мертвых начиналось из пасти западного льва, шло к восточному льву, от коего, омоложившись, возвращалось в мир людей. Так были связаны образы льва и бога Солнца, поэтому у сфинкса была чело-вечья голова с чертами фараона — божьего сына, который после смерти становился богом. Фараон Микерин (древнеегип. *Непоколебимы двойники [бога] Ра*), преемник Хефрена, согласно античным авторам, ослабил гнет, которому сооружением пирамид подвергали Египет его предшественники. Поэтому,

видимо, пирамида Микерина в Эль-Гиза не достигает и половины высоты пирамид Хеопса и Хефрена.

В древности пирамиды были облицованы полированными плитами белого и светло-желтого известняка, вершины покрыты медными листами, сверкавшими на солнце (известняковую обшивку сохранила только пирамида Хеопса, покрытие других арабы использовали при строительстве Белой мечети в Каире). Помимо погребальных камер, в пирамиде есть и другие пустоты — великолепные коридоры, проходы и галереи, входы в которые были тщательно замурованы или замаскированы от жуликов. Тем не менее, захоронения царей были разграблены, по-видимому, вскоре после погребения. Так, каменный саркофаг Хеопса найден пустым. Воры знали все ловушки, так что они, скорее всего, были связаны либо со строителями, либо со жрецами. Позднейшие грабители, вероятно, тоже были в сговоре с хранителями, искушенными в их устройстве, потому посягательства на фараоновы сокровища, как правило, увенчивались победой.

В основе формы египетской пирамиды лежал египетский треугольник — со сторонами 3 : 4 : 5 — единственный прямоугольный треугольник, стороны которого выражаются в целых числах. И поскольку в Египте архитектурная форма имеет магический, сакральный смысл, следует полагать, — жрец руководил зодчими больше, чем фараон.

Пирамиды легендарны. До сих пор не обнаружены следы тех каменоломен, из которых египтяне таскали камни для постройки, да и укладка многотонных квадров требовала бы специальных подъемных машин. Так, Дж. Давидович, профессор химии, анализируя состав монолитов, пришел к выводу,

что это бетон. Он назвал 13 компонентов, из которых этот «доримский» бетон мог изготавливаться; к тому же, была найдена опалубка, которая обычно остается при бетонировании. В 1987 г. Дж. Давидович расшифровал (по методу Ж.-Ф. Шампольона) иероглифическую надпись на одной из стел эпохи Джосера, где содержится подробный рецепт приготовления бетона. Таким образом, всего несколько бригад бетонщиков вполне могли бы управиться с постройкой пирамиды. Таких гипотез много, ведь всякое чудо предполагает большую научность отношения, чем очевидное.

Великие пирамиды окружены рядом небольших усыпальниц жен, детей и приближенных фараонов. Об одной из таких маленьких, «дочерних» пирамид упоминает Геродот: «А Хеопс в конце концов дошел до такого нечестия, по рассказам жрецов, что, нуждаясь в деньгах, отправил собственную дочь в публичный дом и приказал ей добыть некоторое количество денег — сколько именно, жрецы, впрочем, не говорили. Дочь же выполнила отцовское повеление, но задумала и себе самой оставить памятник: у каждого своего посетителя она просила подарить ей по крайней мере один камень для сооружения гробницы. Из этих-то камней, по словам жрецов, и построена средняя из трех пирамид, что стоит перед великой пирамидой (каждая сторона этой пирамиды в полтора плефра)» (II 126; плефр = 29,5 м). Таким образом, пирамиды были только частью сложного погребального комплекса, в который входили поминальные храмы и вынесенные к самой границе пустыни — реке Нил — преддверия, соединявшиеся с храмами длинными каменными переходами, занесенными песком. В комплекс входили

также святилища Верхнего и Нижнего Египта, большие дворы для проведения праздника сет, заупокойные храмы, служители которых должны были поддерживать культ умершего царя. Кстати, во время праздника сет фараон доказывал способность править Египтом: совершал изнурительный бег и поражал цель стрелой; самое смешное, что первое празднество справлялось только в тридцатую годовщину правления! Невиданное дело.

Храм у подножия пирамиды, окруженный стенами, посредством перехода соединялся с храмом на берегу Нила, где встречали мумию усопшего фараона и начинались церемонии. Так, заупокойный храм Хефрена подле пирамиды был соединен «дорогой восхождения» с нижним храмом Хефрена на берегу Нила. В структуре этих храмов наблюдается постепенное развитие тектонического мышления — разложение архитектурной массы на активные опоры и пассивные части, лежащие на опорах. Только в греческой архитектуре тектоника архитектурной формы достигнет апогея и чистоты (ордер, периптер). В египетской же архитектуре эпохи Древнего царства храм имеет пещерный характер, несущие столбы не отделены от несомых и нет даже световых отверстий.

Ливийская пустыня включена в архитектурную форму пирамиды не меньше, чем сама пирамида — в контекст пустыни. Только взятая на фоне песков, пирамида получает характер всеобъемлющего космического образа, что и соответствует замыслу создателя. Контраст пустыни и пирамиды связывает их друг с другом, делая пирамиду совершенно немислимой в каком-то другом пространстве. Она просто требует пустыни в качестве фона, а пустыня

вопиет о пирамиде. Пустыня и пирамида являются равноправными элементами архитектурного ансамбля. Космологичность пирамиды основывается на впечатлении, что она своим основанием глубоко уходит в недра земли: древний египтянин был уверен, что подземное царство находится «под Египтом». Контраст пирамиды с миром живых создавал впечатление, будто она есть кусок мира мертвых, принципиально отличного от мира живых. Пирамида — острый кусок подземного царства, который выдвинулся из-под земли в надземный мир (Н. И. Брунов). С экономической точки зрения может показаться, что пирамиды бесполезны. Но пирамида отчетливо видна из многочисленных селений, и из них-то именно открывается точка зрения на нее: умерший фараон, пребывающий в царстве мертвых и погребенный в пирамиде, господствует над землей, живой фараон есть преемник умершего, на которого он опирается. Деспотическое впечатление создано, а оно стоит многого. Потому столь долгой была династичность египетской цивилизации. А нам не следовало бы подходить к событиям 45-столетней давности с прагматической меркой да худым кошельком.

Последующие династии отказались от строительства больших усыпальниц, требовавшего напряжения сил населения и истощавшего государственный ресурс. Начиная с Пятой династии, царские гробницы стали значительно ниже и строились менее основательно, однако со времени последнего царя этой династии — Унаса — внутри пирамид на стенах ходов и склепов стали высекать заклинания, связанные с заупокойным культом. Благодаря этим надписям мы знакомы с представлениями Древнего

царства о загробном мире и действием египетских погребальных обрядов.

Сам размечая колышками размеры пирамиды, фараон должен был править столько, чтобы дожить до завершения строительства. Поэтому фараоны правили долго. Время их жизни — смертельный камертон строительства пирамид. Однако нет ныне ни тех, кто заказывал пирамиду, ни тех, кто десятилетиями нагромождал глыбы камня (или месил бетон). Имена их знамениты результатом усердия — именами пирамид. Воистину, эти грандиозные погребения не боятся ни людей, ни времени, поскольку сами — время, воплощенное в дерзком материале. А вечность загробного мира, и не только в Египте, — верный залог такой смелости.

ДЕЛЬФЫ

Город с названием Дельфы на современной карте показан совсем маленьким кружком, но о его экономическом положении, числе жителей и промышленности — не прочесть.

А во времена Гомера Дельфы были центром мира, «пупом земли»: Зевс, желая определить средоточие владений, выпустил с востока и с запада двух орлов, которые слетелись именно здесь. До войн с Персией грек представлял мир плоским, в виде круга: в середине — Дельфы, вокруг них — Греция, рядом — Эгейское море, а дальше — неведомые пространства Океана, по которым скитался Одиссей («от жены, от детей», вернее, наоборот). Дельфы были городом Аполлона — бога искусств, знания и света. И городом Диониса.

Это город одного архитектурного ансамбля, одной социальной функции: город-прорицалище. Конечно, кроме святилища Аполлона есть еще небольшое святилище Мармария с храмом Афины Пронайи (Предхрамовой, то есть ее храм предварял храм Аполлона), но это только подтверждение общесакральной функции.

Всего чуть более ста лет, с 1892 года, на месте Дельф археологи ведут раскопки. Чем же знамениты Дельфы?

Во-первых, дельфийским оракулом, с которым греки советовались по каждому мало-мальски важному вопросу. Во-вторых, пифийскими играми, вторыми по значимости после олимпийских: музыкальными и спортивными состязаниями при храме Аполлона Пифийского (считают, его архитектор — некто Спинфар, 5 в. до н. э.). Проводились игры раз в восемь лет, после 6 в. до н. э. — раз в четыре года, как в Олимпии.

Город, упоминаемый в гомеровских поэмах под именем Пифона, лежал в Фокиде на южном скате горы Парнас (в ее пещерах обитали нимфы) близ реки Плеист, между двумя кряжами Федриад. К Дельфам вели три главных священных пути: один с севера от Темпейской долины через землю малийцев, Фессалию и Дориду, другой с востока — из Беотии, Аттики и Пелопоннеса, третий с юга — от Криссейского залива, где высаживались приезжавшие в Дельфы морем. Угрюмое величие Дельф не в последнюю очередь обеспечивалось горами и утесами, которые наподобие стен ограничивают собой узкую дельфийскую долину от соседствующих с ней мест. С Запада, от Криссейского залива, путь в Дельфы шел за тот самый отрог Парнаса, который замыкал долину. С этого возвышения видна вся долина, и в ней, у ног путешественника или паломника как бы в глубокой впадине, как в утробе лежал священный город: старожилы говорят о деревне Хрисо (Hryso, древн. Kṛisa, Крисса) и селении Каспри (Дельфы), играя словами: *to Hryso, to xrysomeno, / to Kasari, to ggastromeno (eggastromenon)*. Спустившись в долину и ставши лицом к северу, паломник видит пред собой два утеса, стоящие отвесно и разделенные расселиной. Это и есть так называемые Федриады (faidriades

petrai), две скалы, образующие в этом месте южный склон Парнаса. Они ограждают дельфийскую долину с севера. Впечатление, которое производит на зрителя величавый и суровый ландшафт этих скал, усиливается воспоминанием о том грозном назначении их, какое они имели в древности: с них сбрасывали святотатцев, покушавшихся на собственность дельфийского храма Аполлона (об этом: *Евритид. Ион 1222; Плутарх*. Почему божество медлит с воздаянием, 12). Такой казни, по преданию, подвергся баснописец Эзоп. Плутарх повествует, что царь Крез (то самый, который стал метафорой баснословного богатства) послал Эзопа в Дельфы с большим количеством золота. Часть этой суммы Эзоп должен был употребить на пышные жертвоприношения Аполлону, а прочее раздать гражданам Дельф, по четыре мины на человека. Жертвоприношения были совершены им, как должно, «но с дельфийцами, — говорит Плутарх, — у него произошла какая-то ссора и получилось неудовольствие; и Эзоп отослал назад в Сарды назначенную им [дельфийцам] в подарок сумму, приговаривая, что они-де не стоят этого подарка. За это дельфийцы возвели на него обвинение в святотатстве (ierosylia) и сбросили мудреца с парнасской скалы. Но божество прогневалось на них за такой поступок, лишило их землю плодородия и насылало на них самые великие необычайные (atoron) болезни. Тогда дельфийцы стали посылать от себя вестников на все общественные игры и собрания эллинов с предложением, не согласится ли кто принять от них возмездие за смерть Эзопа». Некто Иадмон, сын Гефестополя (это — отчество), с о. Самос вызвался принять дельфийскую «пеню» за смерть остроумца Эзопа. По словам Геродота, Эзоп был рабом деда

этого Иадмона, также по имени Иадмон. Дельфийцы заплатили ему, и Аполлон примирился с ними. Но Эзопа уже было не воскресить, да и метафора «Парнас» как содружество поэтов после парнасской казни Эзопа имеет двусмысленный оттенок. Мне куда ближе употребление слова «Парнас» в контексте «Парнаса дыбом» в исполнении Э. Паперной, А. Розенберга и А. Финкеля (М.: Космос, 1927). Может, оттого замечательные пародисты замечательных поэтов выбрали для осмеяния популярный некогда мотивчик *«У пона была собака...»*, что в стихах смогут появляться выражения вроде *«Да, я убил! Иначе я не мог»* (Шекспир), *«Не знал я, как хрупко горло под ошейником медным твоим»* (Ахматова), *«Гибни, гибни, гибни, плут, — / Вот теперь тебе капут!»* (Чуковский), *«А поп со зла покфыл собаку матом / И тем ее, товарищи, убил!»* (Окуджава) и т. д. Неужели наши «парнасцы» не знали, что дельфийский Парнас знаменит смертью Эзопа больше, чем собственно метафорически? Знали, но помалкивали. А нам — разгадывай! Конечно, французские парнасцы середины 19 в. (Ш. Лекон де Лиль, Ж.-М. Эредиа, Ф.-А. Сюлли-Прюдом и проч.), декларировавшие «искусство для искусства», в эзоповом контексте были людьми лукавыми, но своими «прекрасными формами», «бесстрастной поэзией» и «напрасной нежностью», кажется, воздавали дань памяти безвинно убитенному хромому рабу не хуже алчных дельфийцев. В «Жизнеописании Эзопа» есть такие строки: стоит Эзоп перед парнасским обрывом, видит, что пришел его час, и обращается к дельфийцам: *«Уговариваю я вас на все лады, и все понапрасну: поэтому дайте мне сказать хотя бы только басню. Один крестьянин прожил всю свою жизнь в деревне и ни разу не был в го-*

роде. Вот он и попросил детей на старости лет отпустить его посмотреть город, покуда он жив. Запрягли ему домашние в телегу ослов и сказали: «Ты их только погоняй, а они уж сами тебя доведут до города». Но по дороге застигла его ночь и непогода, ослы заблудились и завезли его на самый край какого-то обрыва. Увидел он, в какую беду попал, и воскликнул: «Владыка Зевс, и за что мне такая злая гибель? Добро бы еще от лошадей, а то ведь от негодных ослов!» Вот и мне обидно, что я погибаю не от достойных людей, а от рабского отродья. Дельфийцы упрямылись, и тогда Эзоп проклял их, призвал водителя муз Феба в свидетели неповинной гибели и бросился вниз. О смерти Эзопа и проклятии дельфийцев услышали во всей Элладе, и в Вавилоне, и на Самосе, ... в Париже, и в России.

Город был без крепостной стены и без войска, как теперешняя Швейцария: окрестные державы договорились защищать Дельфы от вражеских посягательств. Название «Дельфы» происходит от имени героя, Дельфа, сына Аполлона и Фийи, причем Фийя (Безумствующая) Касталия — «рожденная Землей». Фийями и фиадами назывались служительницы Диониса. Сохранился специальный «гомеровский гимн» «К Аполлону», автором которого считается Кинеф Хиосский. «Особенно важно, — пишет Е. Г. Рабинович, — что Кинеф не упоминает Дельфы: он мог по той или иной причине умолчать о пожаре, бегах и чем-то еще, но местность он называл так, как знал — и ближайший к Пифийскому святилищу город у него всюду Криса, что соответствует историческим реалиям 7 в.» (Гомеровы гимны. М., 1995, с. 66). Строителями, сиречь архитекторами, храма Аполлона гимн называет не

Спинфара (*Павсаний*. Описание Эллады X 5, 13), а братьев Трофония и Агамида. Это были мифические лица вроде Дедала, которым греческие предания приписывали разные постройки, например, терем Алкмены в Фивах (*Павсаний*. Описание Эллады IX 11, 1), храм Посейдона близ Мантинии (VIII 10, 2), сокровищницы Ирея (IX 37, 5–6). Им воздавались божеские почести и в Ливадии близ оракула Трофония (IX 39). Однако имя Спинфара в тексте отчетов не упоминается, зато эти строительные отчеты, изученные проф. В. Д. Кузнецовым, позволяют назвать еще два имени архитекторов храма Аполлона, те, которые действительно строили: Ксенодор и Агафон. В начале работ в Дельфах жалование архитектора равнялось одной драхме в день, затем увеличилось до двух драхм (не берусь перевести этот оклад в современные валютные системы). При сооружении храма Аполлона архитектор имел в распоряжении помощника (*yparhitekton*), известно его имя — Каллин, жалование которого равнялось 4 оболам в день. Выплаты денег архитектору и его помощнику производились дважды в год, то есть каждую пилею-семестр, и размер жалования должен был быть таким, чтобы человек, не голодая, мог дотянуть до следующей получки. Архитекторы являлись на самом деле техническими экспертами, основная функция которых состояла в том, чтобы всесторонне контролировать работы на стройплощадке. Имя автора проекта становится известным, как правило, благодаря письменной традиции.

Причиной основания прорицалища послужило следующее: в одной из парнасских скал на небольшой площадке существовала глубокая трещина, из которой выходили холодные испарения, приводив-

шие всякого, кто приближался к ней, в состояние беспамятства; при этом он начинал лепетать несуразицы.

Храм Аполлона, главный храм святилища, был построен так, что трещина приходилась на его целлу (что-то вроде алтарной части в христианском храме). Первый храм Аполлона сгорел в 548 г. до н. э., считалось, что это был первый греческий храм — первое жилище, построенное для бога: священные пчелы Аполлона принесли новость откуда восковую модель чертога, обнесенного колоннами (6 x 15 шт.). Легенда гласит, что сначала он был сделан из лаврового дерева, потом из воска и перьев (*naos pterinos*), потом из меди и камня, потом из мрамора. Все античные храмы были копией именно с этого. Внутри храма возлежал огромный камень (видимо, аэролит) — Омфал, — тот самый «Пуп земли», некогда проглоченный Кроносом и потом изрыгнутый. Омфал ежедневно орошали маслом, а в праздники покрывали некрученой шерстью. Второй, еще более роскошный храм построен амфикионами (союзными городами, поддерживавшими Дельфы) и изгнанными из Афин Алкмеонидами. Его фронтоны украшали скульптуры главных дельфийских деятелей (Аполлон, его мать Лето, сестра Артемиды, Музы, Гелиос, Дионис, фийи), преддверие — изречения «семи мудрецов» и медная статуя Гомера. Изречения сохранились: «*Познай самого себя*» (спартанец Хилон), «*Лжи не в чем*» (митиленец Питтак), «*Мера важнее всего*» (линдиец Клеобул), «*Сдерживай гнев*» (коринфянин Периандр), «*Главное в жизни — конец*» (афинянин Солон), «*Худших везде большинство*» (приенец Биант), «*Ни за кого не ручайся*» (Фалес Милетский). «Теперь самый храм не пользу-

ется большим уважением, — писал Страбон на рубеже тысячелетий, — но он был прежде в чрезвычайном почете, что доказывается существованием сокровищниц, сооруженных народами и правителями; там хранились посвященные богу драгоценности и произведения лучших художников; доказывается это также пифийскими играми и множеством изречений дельфийского оракула, передаваемых из уст в уста» (*География* IX 3, 4, р. 419). Что это: пропагандистский центр? Едва ли Дельфы были пропагандистским центром, в котором разрабатывались идеологические доктрины: некому было этим заниматься, да и незачем. Но вот в ином смысле Дельфы — точно PR-заведение. Например, взяв на откуп строительство нового храма в Дельфах, Клисфен и Алкмеониды обеспечили себе возвращение в Афины; именно в Дельфах царский опекун Павсаний осмелился присвоить себе звание победителя во II Греко-персидской войне (*Фукидид* I 132) — кто бы осмелился возражать? Здесь лакедемоняне впервые в своей истории изобразили полководца-победителя Лисандра, которого венчает Посейдон (*Павсаний* X 9, 4). Для Эллады Дельфы были грандиозным, безукоризненно организованным рекламным агентством, экономический и политический эффект деятельности которого трудно оценить и тем более переоценить: объем «продаж» мировоззренческих услуг сказывался на жизнедеятельности каждого древнегреческого полиса классического периода.

Предсказания давались так. В центре храма Аполлона, прямо над трещиной, стоял высокий треножник, на который усаживалась пророчица, называвшаяся пифией. Пифии избирались сначала из молодых непорочных девиц, позже — из матрон не

моложе 50 лет. Поначалу прорицания содеивались однажды в год, позднее, когда вошли в моду, — по нескольку раз в месяц, в порядке живой очереди вопрошавших. При святилище состояли две штатные пифии и одна запасная: работа была для их жизни опасна и трудна. В день прорицания пифия, свершив омовение в Кастальском ключе (источник поэтического вдохновения), облачалась в златотканную мантию, возлагала на голову лавровый венок, на ноги надевала котурны (деревянные туфли на высокой подошве, в которых лицедействовали), пила воду из Кастальского источника («пить из него приятно», — свидетельствует Павсаний, X 8, 9), жуя лавровый лист. Придя в экстаз от испарений (несколько пифий от них погибли), она бормотала слова, которые, по мнению древних, исходили из уст пифии по божественному наитию. Эти-то тексты жрецы и излагали в стихах (гекзаметрами, элегическим размером или ямбическими триметрами), конечно, были они темны и загадочны. Двусмысленность ответа была гарантирована, потому и пифия, и жрецы не слишком рисковали. Форма вопросов: что мне сделать, чтобы случилось то-то; форма ответов: принеси жертвы богам, заручись поддержкой надежных людей и т. д. Никакой конкретики. Спрашивающий, как правило, оставался доволен. Данный в Дельфах совет признавался выражением непреклонной воли божества, и все греки старались свято исполнить его. Так рождалось политическое единодушие в поступках, необходимое для успеха. В незначительных, частных случаях гадали по шелесту листьев священного лавра, стоявшего над треножником пифии, по жребиям и т. д. Двусмысленный характер предсказаний позволял коллегии

жрецов влиять на всю греческую политику, удобряя почву для спекуляций. Потому Аполлона называли Локсийос, бог «околичностей» и «кривизны», «двусмысленности». Гераклит Темный (из Эфеса) характеризовал его как владыку, который не сказывает, не утаивает, но намекает. Так что дельфийский оракул — это не человек (как и Слава КПСС), а действо. Он был самым почитаемым элементом греческой культуры, героем повседневных рыночных разговоров, застольных симпозиев, послеобеденной сиесты. Платон в *Государстве* написал про Аполлона Дельфийского: «Этот-то отчий бог, истолковывающий надобное всем людям, сидит среди земли на пупе ее и объясняет». Конечно, было бы слишком прямолинейно, как это делал Эд. Курциус, говорить о форменном руководстве важнейшими предприятиями греков со стороны Дельф, но и чрезмерно скептическое отношение (Р. Пёльман) едва ли справедливо (Э. Д. Фролов).

Дельфийское святилище Аполлона было крупнейшим и самым богатым панэллинским святилищем. Даже для такого богатого святилища строительство храма потребовало значительного напряжения сил (не только строительных) и крупных денежных сумм. Нам неизвестна точная цифра расходов на это строительство, но речь идет о многих сотнях талантов (что-то вроде наших «тысяч долларов»). Далеко не каждый полис мог себе позволить такие расходы на строительство общественного здания. Ответ на вопрос «почему Дельфам повезло?» отчасти находим в магистерской диссертации проф. П. И. Люперсольского (1836–1903), слушавшего лекции Л. Ранке, Т. Моммзена и Э. Куциуса, бывшего профессором всеобщей истории сначала в Варшавском университете,

затем в Нежинском историко-филологическом институте. Его диссертация по традиции научно искреннего (то есть без-ВАКовского) времени была издана отдельной книгой, которая называлась «Храмовый город Афины с оракулом Аполлона Пифийского в Древней Греции: Историческое исследование» (СПб: Тип. В. Безобразова, 1869).

П. И. Люперсольский завершает труд двустраничными «Положениями», по-видимому, выносившимися на публичный диспут. Среди них для нас представляют живой интерес такие: (А) Дельфийский храм Аполлона не был местным храмом города Дельфы, но общим святилищем всех эллинов. (Б) Первоначально на месте города Дельфы был только храм Аполлона, а потом при нем постепенно образовался город. (В) Начало городу положили жрецы Аполлонова храма, и первыми жрецами при этом храме были пришельцы с о. Крит. (Г) Дельфы были храмовым городом, то есть главное там был храм Аполлона; город Дельфы находился при храме, так сказать, принадлежал храму, а не храм принадлежал городу. (Д) Гражданским управлением в Дельфах заведовали особые лица, а не жрецы (мудрые жрецы едва ли сбросили бы Эзопа со скалы). (Е) Устройство гражданского управления в Дельфах было копией с афинского государственного устройства. (Ж) Пророчица Аполлона пифия олицетворяла свободой высокий образ нравственной чистоты и непорочности. Вот почему Дельфы оказались в числе тех немногочисленных греческих градообразований, на строительство которых деньги всеми эллинами собирались по оболу.

Мы не в силах заглянуть в головы дельфийского жречества, но приписывать прорицательные манипу-

ляции целиком сознательной и циничной лжи в угоду политическому равновесию сил в Элладе кажется упрощением подлинного колорита картины. Всякий, знакомый с историей современного спиритуализма, согласится, что большинство мошеннических трюков может быть в совершенстве создано с помощью одной лишь веры присутствующих на сеансе (вспомним сюжет «Праздника святого Йоргена» Г. Бергстеда — Сиг. Кржижановского — Я. Протазанова). То же самое было и в Греции. Греки верили в свой оракул не потому, что были суеверными глупцами, а потому, что не могли в него не верить. И когда значимость Дельф в эллинистическое время стала меркнуть, главная причина этого, как считает Э.-Р. Доддс, заключалась не в том, что люди стали (как думал Цицерон) более скептическими, а скорее в том, что другие формы религиозного и духовного покровительства показались им более надежными.

Итак, после Пелопоннесской войны (между Афинами и Спартой) с упадком клерикального фанатизма и началом секулярного вольнодумства могущество Дельф ослабилось и постепенно, после нескольких грабежей, пришло в совершенный упадок. Римский кесарь Нерон в отместку за неблагоприятные предсказания позволил себе осквернить святилище (стыдно сказать, как именно). Ромейский император Феодосий Великий в 394 г. навсегда закрыл его. Но некогда в окруженном крепкой каменной стеной теменосе (священной территории) располагались святилища городов-государств: афинян, беотийцев, киренцев, книдян, коринфян, массалийцев, мегарян, потидейцев, сикионян, сиракузян, сифносцев, фиванцев; сокровищницы, множество статуй и прочих даров, пожертвованных набожными по-

клонниками Аполлона или теми, кто желал увековечить свое имя. Эти маленькие святилища были из мрамора, обычный «храм в антах»: три глухие стены, на месте четвертой — две дорические колонны.

Помимо места священных прорицаний, Дельфы знамениты пифийским праздником. Начало его древнее: по преданию, музыкальные состязания в Дельфах установил Аполлон после победы над многоголовым Пифоном. Кроме Больших Пифий, ежегодно справлялись и Малые: гимнические и конные ристания. Нужно было исполнить на флейте специальную песню (номос), воспев победу Аполлона. Позднее темы и виды состязаний разнообразились, усложнялись. Ветви для венков, которыми украшали головы победителей, золотым ножом срезал мальчик благородной крови, имевший в живых обоих родителей. Победителю вручались еще яблоки и разрешалась постановка статуи.

Но кроме пифийских празднеств в Дельфах были праздники в честь Диониса и других божеств. Аполлон на три зимние месяца покидал Дельфы, и они были городом Диониса.

Дионис после убийства его титанами погребен в Дельфах (а Эзоп погребен?), и его гробницу (!) долго показывали в целле храма Аполлона. В честь бога плодородия, растительности, любви, виноделия и винопития каждые два года свершалось празднество, при котором устраивалось таинственное жертвоприношение в святилище Аполлона, пелись дифирамбы Дионису, дельфийские и афинские женщины (фиады, фийи) выходили с факелами на Парнас и здесь в вакхическом экстазе совершали безумные сексуальные оргии. В Греции это было делом привычным. Недаром Платон считал покровителями

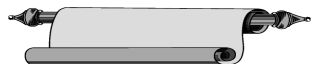
молодых людей до 30 лет Аполлона и Диониса, а до 50 лет — только Диониса. В труде «Рождение трагедии из духа музыки» (1872 г.) Фр. Ницше противопоставил два начала бытия — дионисийское (жизненно-оргиастическое) и аполлонийское (созерцательно-упорядочивающее), — наверняка будучи подвигнут к этому историей города. Впрочем, не знаю, не знаю... В трактате «Философия в трагическую эпоху Греции» (1873 г.) Ницше с ноткой зависти пишет, что греки сумели начать заниматься философией вовремя, и науку о том, как надо заниматься философией, они дают так ясно, как ни один народ. А именно — не под гнетом печали, как думают некоторые, выводящие философию из угнетенного состояния духа. Нет: в счастье, в зрелом, сильном возрасте, переходя огненную жизнерадостность смелой и победной поры жизни. «Тот факт, что в эту пору греки занимались философией, учит нас как тому, что есть философия и чем она должна быть, так и тому, каковы были греки. Если бы они были тогда такими ничтожными и не по летам умными практиками и весельчаками, как их охотно представляет себе ученый филистер наших дней, или если бы они жили только среди невоздержанных фантазий, звуков, дыханий и чувствований, как допускает неученый фантазер, — источник философии не пробился бы у них на свет». Дельфийский оракул, о чем бы не пророчествовала в нем записная пифия, приносил надежду, которая нужна и ученым, и простецам.

Некоторые храмы, разрушенные в первые века новой эры, в самом конце 19-го были восстановлены, то есть собраны по частям. Посмотрим на сокровищницу афинян. Небольшое здание (9,75 x 6,68 м) повторяет тип дорического храма в антах.

Оно было восстановлено в 1893–1894 гг. французским архитектором Ф. Репля, причем были разысканы и собраны почти все составлявшие его мраморные квадры. Установить их места в кладке оказалось возможным благодаря испещрявшим стены надписям, в которых заключались объявляемые во всеуслышание афинские государственные акты, а также ноты и текст гимнов в честь Аполлона. Но главный храм — храм Аполлона — до сих пор в руинах. И это правильно: никакой самой научной, самой точной реконструкцией, даже верно сложив разбросанный мрамор, нельзя вселить в ушедшую эпоху прежние дух и трепет. Ирландец Э.-Р. Доддс считает, что отношение Платона к Дельфам напоминало отношение современных «политических католиков» к Ватикану: Платон видел в Дельфах великую консервативную силу, которая могла быть использована в целях стабилизации греческой религиозной традиции и контроля за расширением материализма, так и за ростом еретических тенденций внутри самой традиции. Отсюда и его подчеркивание (в *Государстве* и *Законах*), что авторитет Дельф должен быть абсолютным во всех религиозных вопросах. А еще Дельфы ценны для нас тем, что в этом городе был изобретен гексаметр: римт действия оказывал давление на слово, и слово преображалось.

По нашим социально-экономическим меркам Дельфы — город трутней. Люди, жившие там, только и занимались, что принимали подношения и говорили двусмысленности, напуская на набожных греков туман, а на себя важность. Впрочем, грек эту их деятельность ставил высоко, и в город входил с тем же чувством, с которым современный человек входит в храм.

ИЕРИХОН

Доказано, что любая космологическая концепция сводит взгляд на градостроительную форму к единой всеобъемлющей идее. Миф объяснял происхождение города, магическая традиция растолковывала, почему город таков, как есть, указывала на причины неуспеха, на то, каким город должен быть, как разместить его на местности, усовершенствовать, поправить планировку. Пространство и ритуал в одинаковой степени были инструментами стабилизации поведения, утверждения и сохранения взаимосвязанности людей. Город возникал мифологически, когда человек был изгнан из рая и для него наступили «дурные времена» (В. Н. Топоров). Такой город и умирал «всем миром».

Это произошло и с Иерихоном — объектом не столько истории, сколько легенды. По археологическим известиям, Иерихон (на территории нынешней Палестины) возник в VIII или в IX тыс. до н. э., и по этой веской причине занесен в первое издание Книги рекордов Гиннесса (Guinness Publishing Ltd) в 1955 г. как древнейший в мире, как первое систематическое человеческое поселение, нареченное именем.

Жители Иерихона не знали гончарного мастерства, но умели возводить высокие городские стены со сторожевыми башнями, которые защищали их

жизнь и имущество от внезапных нападений. Но рухнули они, как известно, от «труб иерихонских».

Историк градостроительства Э. Грушка считал, что поселения возникали двух типов: «действительные» города и «города-убежища». Вторые служили укрытием для окрестных жителей во время неурядиц. По тому же функциональному принципу позднее устраивались средневековые крепости. Наш Иерихон, очевидно, возник как город-убежище.

Значение слова Иерихон — благоухающий, благовонный. По мнению иных толкователей, это слово означает месяц или луну, которую могли боготворить его основатели. Сведения о нем обильно сообщаются, в первую очередь, конечно, в Библии.

Впервые Иерихон упоминается в Четвертой Книге Моисеевой: «и отправились сыны Израилевы, и остановились на равнинах Моава, при Иордане, против Иерихона» (*Числ.* 22 : 1). С небольшими вариациями это сведение повторено в Числах еще несколько раз. Гора Нево в земле Моавитской, равно как и вершина горы Фасги, ветхозаветно фиксированы как «лежащие против Иерихона» (*Второзак.* 32 : 49; 34 : 1). Оттуда же видно, что Иерихон назывался «городом пальм» (*Второзак.* 34 : 3), что встречается также в Книге Судей Израилевых (*Суд.* 1 : 16; 3 : 13), но, видимо, речь идет не об одном и том же месте. Городом пальм зовется Иерихон во Второй книге Паралипоменон (*2 Пар.* 28 : 15) в связи с временами Ахаза — правителя, поклонявшегося языческим богам и тем навлекшего на себя и царство Иудейское гнев Божий. Прежде чем евреи перешли Иордан, Иисус Навин (сподвижник Моисея), послал двух молодых соглядатаев осмотреть в корыстных целях Землю Обетованную и Иерихон, ко-

торый стоит на ней. Царь Иерихона, узнав о прибытии в город чужестранцев, велел Раав-блуднице их выдать, чтобы наказать. Город был окружен стеной, имел ворота, а дом Раав, в котором юноши скрылись на ночлег, располагался на крепостной стене, — обстоятельство, споспешествовавшее их незаметному бегству. Раав спустила молодцев на веревке через окно, и они, три дня прятаясь в горах, благополучно вернулись к Иисусу Навину, рассказав ему о виденном (*Нав.* 2 : 1–24). После этого Иисус Навин перевел народ через р. Иордан против Иерихона (*Нав.* 3 : 17) и поставил стан в Галгале, на восточной стороне Иерихона, где евреи на Иерихонских равнинах совершили Пасху (*Нав.* 4 : 19; 5 : 10).

«Тогда Господь сказал Иисусу [Навину]: вот, Я предаю в руки твои Иерихон и царя его, и находящихся в нем людей сильных. Пойдите вокруг города все, способные к войне, и обходите город однажды в день; и это делать шесть дней» (*Нав.* 6 : 1–2). На все воля Господня, и люди Иисуса Навина не могли, да и не желали послушаться: обходили.

По семидневном обхождении священников, трубивших в «юбилейные трубы», вокруг иерихонских стен с Ковчегом Завета (Моисея с Богом) стены города чудесным образом пали. Никак иначе его взять было нельзя. Что это были за трубы, которые обладали мощностью стенобитных орудий (реконструкция бессильна) остается догадываться. Быть может, это был известный грекам духовой инструмент, сальпинкс, объявленный Аристидом Квинтилианом в трактате «О музыке» «мужским» из-за мощи звучания? (С. Sachs)

Все в Иерихоне было предано огню, мечу, истреблению (*Нав.* 6 : 10–24): и мужья, и жены, и мо-

лодые, и старые, и волы, и овцы, и ослы. Только серебро, золото, медь и железо отдали в сокровищницу Дома Господня (*Нав.* 6 : 23). Апостол Павел позже среди прочего констатирует: «Верою пали стены Иерихонские по семидневном обхождении!» (*Евр.* 11 : 30). После кровавого взятия Иерихона Иисус Навин в фанатичном неистовстве изрек гневное проклятие тому, кто дерзнет восстановить город: «На первенце своем он положит основание его, и на младшем своем поставит врата его. И Господь был с Иисусом [Навином], и слава его носилась по всей земле» (*Нав.* 6 : 25–26). Велика, видать, была к Иерихону ненависть и Всевышнего, и его земных приспешников.

Пророчество Иисуса Навина сбылось: когда некто Ахиил из Вефиля попробовал восстановить Иерихон, то «на первенце своем Авираме он положил основание его, и на младшем своем сыне Сегубе поставил врата его, по слову Господа, которое Он изрек чрез Иисуса, сына Навина» (3 Цар. 16 : 34). Завоеванную Землю Обетованную люди принялись делить, и, конечно, поделили.

Следующее свидетельство об Иерихоне — времен царя Давида (2 Цар. 10 : 5). Здесь, в уединенном пустынном месте, жил пророк Илия (евр. *Бог мой Ягве*), вблизи жилища коего выстроено было «училище пророков», где обретались сыны пророческие (4 Цар. 2 : 4, 5, 15). Каждый помнит из Апокалипсиса, что во время Преображения Христова именно Илия (вместе с Моисеем) был одним из свидетелей Его Божества, и, кстати, сначала именно Илию стоит дожидаться перед Вторым Пришествием (*Откр.* 11 : 2–3).

В Иерихоне бил из земли источник, зловредные воды которого некий пророк Елисей превратил в

полезные. «И сказали жители того города Елисею: вот, положение этого города хорошо..., но вода нехороша и земля бесплодна. И вышел он к истоку воды, и бросил туда соли, и сказал: так говорит Господь: Я сделал воду сию здоровою, не будет от нее впредь ни смерти, ни бесплодия» (4 Цар. 2 : 19–22). Этот источник бьет и ныне. Правда, Елисей оказался человеком нехорошим: когда он направился из Иерихона в Вефиль, малые дети вышли из города и стали насмехаться, говоря: «Иди, плешивый! Иди, плешивый!» Подумаешь, событие. Однако пророк осерчал, проклял детишек Именем Господним, наслал на них двух медведиц, которые и растерзали 42 ребенка (4 Цар. 2 : 23–24). Хорош!

Иерихон неоднократно упоминается и в апокрифических книгах: «Я возвысилась, как пальма в Енгадди, — говорит Премудрость, — и как розовые кущи в Иерихоне» (*Премудр. Иисуса, сына Сирахова* 24 : 15; 1 Мак. 9 : 50; 2 Мак. 12 : 15 etc.).

В Новом Завете указания на Иерихон немногочисленны, но особенно любопытны в части известий о посещении города Самим Господом (Мф. 22 : 29; Мар. 10 : 46; Лук. 18 : 35; 19 : 1). При римлянах Иерихон был царской резиденцией. Здесь умер жуткой смертью (заживо съеден червями¹) Ирод Великий — устроитель избиения (умерщвления) 14 тысяч вифлеемских младенцев (Мф. 2 : 1). Макробий в Сатурналиях сохранил изречение императора Августа, который, услышав, что Ирод в числе малышей умертвил и собственного сына, воскликнул:

¹ Подробности см. в единственном историко-медицинском трактате А. П. Чехова «От какой болезни умер Ирод?» (А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1979. Т. 16. С. 259–260).

лучше быть свиньей Ирода, нежели его сыном! На территории Иерихона до сих пор сохранились руины т. н. дворца Ирода — зимней резиденции иудейских царей. Об Иерихоне писали Иосиф Флавий, Страбон, Птолемей и прочие древние: одни обращали внимание на исторические судьбы города, другие — на плодородие иерихонской земли (Елисей постарался?). Ныне вблизи развалин Иерихона расположена бедная и грязная деревенька, называемая арабами Эр-Риха, с несколькими хижинами и жильцами числом до трехсот. Пальм и роз, упоминаемых в Писании, нет: один дикий колючий кустарник. Кустарник да раскопанные археологами руины прежнего величия. Но — «осторожно, оваяно веками!»

Чуть более ста лет назад на месте Иерихона (араб. *Телль эль-Султан*) были открыты остатки укрепленных поселений эпохи неолита и бронзы, руины города с мощными стенами 18–16 вв. до н. э., захоронениями и пр. Эти раскопки дали богатый урожай и позволяют судить об архитектуре Иерихона.

Расположен он так, что одна сторона защищена стремительным потоком реки Иордан и крутым обрывом. Территория внутри крепостных стен по тем временам была значительной — 36 тыс. м². Обнесен был стеной толщиной 1,75 м и высотой от 3,6 до 6 м. Нижняя ее часть сооружалась из каменных глыб неправильной формы с забутовкой промежуточных земель и щебнем. Верхняя часть, выложенная из кирпича, была отвесной, нижняя — наклонной. Стена, перестраивавшаяся 17 раз, укреплялась круглыми башнями 8,15 м высотой, диаметром 12 м и с 22 ступенями. Характерной чертой городов, выстроенных, как и Иерихон, без определенного плана, была необыкновенная скученность поселения.

Это не планировочно строгий Вавилон. Узкие (до 2 м) и кривые улочки заканчивались тупиками, жилые дома лепились по склонам холма так, что плоские крыши нижних домов часто приходились вровень с фундаментами зданий, стоявших выше. Две иерихонские улицы поднимаются на холм в виде широких, мощеных галькой ступеней. Вдоль улиц устроены сточные канавы. Из-за отсутствия места Иерихон не имел даже площади: вся общественная жизнь протекала у городских ворот. Нижние этажи домов занимали лавки и мастерские, которые обычно не были связаны с другими помещениями дома.

Жилые дома редко были деревянными. Преобладали постройки глинобитные или из односторонне-выпуклого сырцового кирпича, причем форма его варьировалась — преимущественно была сигарообразной с незатейливым узором из оттисков ногтя большого пальца. Для защиты стен от почвенной сырости жилье возводилось на невысоком каменном фундаменте. Планировка дома была самой традиционной, «восточной»: вокруг внутреннего двора располагались жилые и хозяйственные помещения. Пол и стены покрывались тонкой обмазкой из глины кремового или розового цвета. В жаркое время года крыши домов служили террасой. Жилье освещалось через двери и внутренний двор, в некоторых домах (в отличие от афинского жилья) были окна, в богатых домах — даже большие.

Однако наряду с обычной схемой плана применялась т. н. схема бит-хилани, характерная для Северной Сирии и Месопотамии. Бит-хилани — тип дворцового здания, на длинной стороне которого устроен вход в виде крытого портика с колоннами, фланкированный двумя выступающими башнями

(ризалитами). Типовым примером бит-хилани является царский дворец. Интерьер зажиточного дома был роскошным: стены облицованы дорогим привозным кедром, местными породами сикоморы и оливы; двустворчатые двери инкрустированы. Потребность в уюте — одна из древнейших.

Библейский сюжет оказался чрезвычайно живучим. Особенно — в истории европейской живописи. Став классическими, библейские истории стали едва ли не единственным объектом для академического иллюстрирования. Так, французский живописец Жан Фуке (15 в.) увидел взятие Иерихона совсем в духе раннего Возрождения. И костюмы, и дома, и ландшафт — все выдает в художнике североевропейца Нового времени, не представлявшего (или не желавшего представить) выжженную ханаанским солнцем равнину с глинобитными хибарками.

ИЕРУСАЛИМ

Как никакой другой город, Иерусалим обладает стойкой метафорической аурой. Вот его описание из Апокалипсиса: «А город был чистое золото, подобен чистому стеклу... А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин... Улицы города — чистое золото, как прозрачное стекло. Храма же я не видел в нем; ибо Господь Бог Вседержитель — храм его, и Агнец. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец» (*Откр.* 21 : 18, 21–23). С точки зрения современного способа символизации мира предложенная анаagogическая (сверх-смысленная) метафорика, вероятно, представляется достаточно произвольной и искусственной. Однако с точки зрения средневекового символизма она оказывается не только логичной и естественной, но и «теоретически обоснованной», поскольку точно соответствует средневековой теории «четырех смыслов».

Согласно последней Иерусалим в буквальном смысле — это город в Иудее, в аллегорическом — христианская церковь, в моральном — душа верующего, в анаagogическом — Царство Небесное. В «Апокалипсисе» Новый Иерусалим — царство святых на небе (*Откр.* 3 : 12), Град Божий. Скажем, Ки-

ев для Руси так же свят и изначален, как старый Иерусалим для начала мирового христианства, а «Новый Иерусалим — Константинополь» — для греко-византийского православия. «И не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (*Откр.* 21 : 27). Понимая и признавая это, мы работаем с первым смыслом.

Иерусалим в переводе — основание, жилище мира. В древности назывался Иевус (*Нав.* 18 : 28) — по имени родоначальника иевусеев Иевуса. Наиболее полные свидетельства о городе оставили двучленный Иосиф Флавий и придворный историк (и, как показала практика, фантазер) императора Константина Великого Евсевий Кесарийский.

Первые упоминания о городе находим в середине II тыс. до н. э. Позднее он входил в состав разных держав: Иудейское царство, Рим, Ромейская империя, Арабский халифат и пр. Период с 586 по 539 гг. до н. э. после взятия Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором II и насильственного переселения евреев в Вавилонию и до возвращения его населения в Палестину и Иерусалим после завоевания Вавилонии персидским царем Киром Великим назван «вавилонским пленом». С начала 16 в. был под властью Османской империи, и только в декабре 1917 г. был занят английскими войсками. В 1920–1948 гг. — административный центр английской подмандатной территории «Палестина». По решению ООН (1947 г.) должен был стать самостоятельной административной единицей под управлением ООН. После арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Иерусалим был разделен на две части: восточная отошла к Иордании, западная — к Израилю.

В 1950 г. правительство Израиля, вопреки решению ООН, объявило его западную часть столицей Израиля (западная часть города — местопребывание израильского Парламента и Правительства). В 1967 г. Израиль захватил и восточную часть Иерусалима, а в 1980 г. провозгласил город «вечной и неделимой столицей» Израиля...

Полагают, что древность Иерусалима восходит ко времени Авраама, предполагая в нем г. Салим, в котором царем и первосвященником был Мельхиседек (*Царь правды* — *Быт.* 14 : 18; *Евр.* 5 : 6). Город Иевус был завоеван у иевусеев царем Давидом, который превратил его в метрополию и воздвиг с северо-запада старого города крепость, названную Иерусалим. Так город стал столицей Иудеи. Упоминание о «первобытном» городе встречаем в Ветхом Завете: он находится в земле Мории, на одной из гор, на которой Авраам был готов принести в жертву сына Исаака (2 *Пар.* 3 : 1). Сейчас гора Мория занята мечетью Омара, стоящей на месте прежнего Храма царя Соломона. В свою бытность, в 10 в. до н. э., Соломон по образцу, указанному Богом (*Исх.* 25 : 9–10), обнес гору стеной, приготовив место для строительства Храма, и воздвиг его в форме скинии, в которой стоял ковчег с двумя каменными скрижалями Завета Моисея с Богом. Именно в Иерусалимском храме в 621 г. до н. э. верховный жрец Хелкия нашел Пятикнижие Моисеево. Храм этот многожды разрушали («ибо — истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено», *Мф.* 24 : 2). В северо-западном углу образовавшейся площади находилась башня, названная Иродом (тем самым, быть свинойей которого — по слову Макробия — безопаснее, чем сыном) башней Антония

(Марка Антония). Гора Сион находилась к юго-востоку от Мории.

Вообще Старый город (в начале 20 в. в нем было около 20 тыс. жителей) можно назвать квадратным в плане. Близ изгиба крепостной стены с западной стороны находятся Вифлеемские (б. Яффские) ворота, на южной — ворота Давидовы (б. Сионские), на восточной — врата Стефана, именуемые также Овчими или Св. Девы Марии, на западной стороне — между Голгофой и Везефой — врата Дамасские. Когда-то существовали и Золотые ворота, чрез которые Иисус вошел в Храм Божий во время Своего въезда в Иерусалим. В городе много памятных врат. Западная стена — Стена Плача — часть стены Второго Храма, построенного Иродом Великим и разрушенного римлянами в 70 году.

Близ горы Голгофы стоит храм Гроба Господня — главная христианская святыня, здание священнейшее. Самое старое упоминание о Храме находим у Евсевия Кесарийского, сообщающего о его постройке императором Константином. Паломничество глубоко веровавшей во Христа матери Константина, св. Елены, открывшей, по преданию, рядом со Св. Гробом и Св. Крест, упоминается лишь позднейшими историками. Он выстроен Константином (или, что более вероятно, его матерью — св. Еленой) несколько на запад от улицы, ведущей к Дамасским воротам, непосредственно над Гробом Господним. Храм этот тоже несколько раз разрушали, и в теперешнем его виде он принадлежит к позднему времени. В Храме сосредоточены все священные места, связанные с воспоминанием о земной жизни, смерти и погребении Спасителя: Голгофа, Камень помазания и Св. Гроб, в котором было положено Тело Ии-

сусово. В Храме вам покажут захоронения Мельхиседека, место, на котором стояла Дева Мария во время помазания Тела Христова и место, где Христос явился по Воскресении Марии Магдалине и Богоматери и где спустя триста лет был найден (обретен) Животворящий Крест Господень.

Пожалуй, самым страшным было взятие Иерусалима персами в 614 г. Они сожгли его церкви, монастыри, приюты, сионские церкви, базилику Девы Марии, Храм Св. Гроба, базилику Константина, вывезли реликвии. — Персидское нашествие 7 века разом снесло «наносную искусственную греко-римскую культуру Палестины» (Н. П. Кондаков), razорило города, прекратило торговлю. А когда активизировались арабы, их иерусалимские завоевания довершили дело. Так вот, Животворящий Крест сначала был отдан персидским шахом Хосровом любимой жене христианке Ширин, которая поставила его запечатанным в своем дворце, а потом благодаря разным детективным усилиям был возвращен императором Ираклием в Храм Св. Гроба — в марте 630 г. (см. статью Ю. А. Кулаковского «К вопросу о дате возвращения Креста Господня в Иерусалим из персидского плена» 1914 г.). Среди иных реликвий, хранившихся в Храме Св. Гроба, — копьё, которым воин ранил Спасителя (*Иоан.* 19 : 34), и губка (которую «один из них» поднес на трости к устам умиравшего Иисуса — *Пс.* 68 : 22; *Мф.* 27 : 48) даже побывали в Константинополе: губка выставлена в храме св. Софии 14 сентября 614 г., копьё 26 октября... Находившиеся подле Храма Св. Гроба в 336 г. постройки состояли из ротонды, заключавшей окруженный двенадцатью колоннами Св. Гроб и носившей имя Анастасис (Воскресение), и базилики, посвященной знамению Креста.

От пропилеев и лестниц, окружавших оба строения, сохранилось несколько разрозненных деталей. После сожжения персами в 614 г. настоятель монастыря св. Феодосия Модест построил в 616–626 гг. новый Анастасис, церковь св. Креста (Матририум) и церковь Лобного места. Во времена султана Мамуна (813–833 гг.) патриарх Фома расширил купол Анастасиса. В 936, 969 и 1010 гг. снова произошло разрушение Св. Гроба. В начале 12 века крестоносцы построили на пространстве всех святых мест большой храм в романском духе. После разрушений 1187 и 1244 гг. снова появляются известия (1310 г.) о «прекрасной церкви»; в следующие столетия она разрушилась, возобновлена в 1719 г. В 1810 г. заново выстроена архитектором Комнином Кальфой из Митилены.

Среди иных достопримечательностей Иерусалима — Абиссинский монастырь (к югу от Храма Св. Гроба), где показывают масличное дерево, в ветвях коего запутался рожками агнец, принесенный Авраамом в жертву вместо Исаака. Гробница царя Давида (Ель-Неби-Дауд) — не менее замечательное строение. Оно существовало еще в 4 в. до н. э. над местом погребения Давида и почиталось как Сионская горница, в которой Спаситель совершил с учениками Тайную вечерю и установил таинство Св. Причастия. Вообще Иерусалим — это материальный, тактильный комментарий, сходя к Священному Писанию.

Гефсиманский сад (*Мф.* 26 : 36; *Мар.* 14 : 32; *Лк.* 22 : 39; *Иоан.* 18 : 1) с восемью древними масличными деревьями — свидетель молитвы Иисуса и Его душевных страданий перед казнью. Сад лежит у подножия горы Елеонской, за Кедронским ручьем,

протекавшим между горой и городом, «на вержение камня» от первой (Лк. 22 : 41). Именно здесь у Спасителя вырвалось: «Душа моя скорбит смертельно!» (Мф. 14 : 34). Вам покажут место, где молился Господь перед Своими страстями, и — в 60 шагах — высокую скалу с пещерой, где заснули Его апостолы. Здесь же — зала с Гробом Девы Марии.

Жилые дома в Старом городе большей частью каменные, с плоскими кровлями или террасами. Окна в них небольшие и, огражденные железными решетками, выходят на улицу. Улицы узки и неправильны — вспомним *via Dolorosa*, Скорбный путь Христа на Голгофу (Лобное место).

Рассуждая о Иерусалиме из Киева, нельзя не вспомнить роман «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, в котором ландшафты Ершалаима «придают повествованию острый и терпкий привкус добротной достоверности». По словам Мирона Петровского, «некоторые исследователи называют груды и вороха библиографических раритетов и уникалов. При этом как бы предполагается знакомство Булгакова чуть ли не с манускриптами из монастырских библиотек Западной Европы»¹. Почтенный исследователь делает вывод, что у Булгакова просто не могло быть времени для столь подробного изучения источников, и что он пользовался одной-единственной книгой: изданием трагедии «Царь Иудей-

¹ *Мирон Петровский*. Мастер и город: Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев, 2001. С. 125. Книга Мирона Петровского может и должна служить образцовой моделью методики выявления пространственного и территориального контекста культурных явлений, рефлектируемых «внутри городских стен» при помощи пера.

ский» великого князя Константина Константиновича (президента ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии наук, академика по разряду изящной словесности, адмирала, актёра и стихотворца, известного как «К. Р.») и вышедшей в 1914 году двумя изданиями (обыкновенным и роскошным) в типографии Министерства внутренних дел (!).

«Авторский комментарий показывает, как основательно К. Р. освоил литературу вопроса, в том числе те редкостные и труднодоступные источники, знакомство с которыми будто бы обнаруживается у Булгакова: все они процитированы в книге К. Р. и снабжены ссылками. Возможно, на мысль взять в руки печатное издание «Царя Иудейского» Булгакова навела память о спектакле, увиденном некогда в Киеве. Авторкомментарий К. Р. к этому изданию — самый простой (и уже потому заслуживающий внимания) ответ на вопрос о религиозных источниках «Мастера и Маргариты»: вместе с ним Булгаков получал почти исчерпывающую сводку интересующих его материалов, представленных как раз теми выдержками, фрагментами, цитатами, которые... использованы в романе». Трагедия «Царь Иудейский» — единственный источник соответствующих мест «Мастера и Маргариты», — констатирует Мирон Петровский.

«Если я забуду тебя, Иерусалим, — пел Псаломпевец, — забудь меня десница моя. Прильпни язык мой к гортани моей, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего» (Пс. 136 : 5–6). «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели» (Мф. 23 : 37), — взывал Спаситель.

Иерусалим не забывали. В 1464 г., во Флоренции он был даже сценирован: сделаны шатры волхвов, на площади Сан Марко — дворец Ирода из дерева, украшенный коврами. «Волхвы» собрались на площади Синьории и многолюдной процессией, в которой участвовали виднейшие фамилии Флоренции, двигались к дворцу Ирода. «Ирод» выходил навстречу, усаживался в трон, и разыгрывалась светская сцена приема посольств, впрочем, мало напоминавшая евангельскую историю. С Небесным Иерусалимом дело тоже обстояло театрализованно. Не напоминая о труде св. Аврелия Августина «О Граде Божием» (412–426 гг.), сложном для нашей беседы, скажем о проекции реальной средневековой ситуации («у городских ворот») в ренессансной живописи (Джотто, Мазолино, Мазаччо, Перуджино, Боттичелли, Гирландайо), где здания образуют преграду, являя образ неприступности охраняемых серафимами врат, с фигурой ап. Петра в роли ключника.

КАРФАГЕН

Жизнь Карфагена — как жизнь человека — имеет крайние даты: 825 г. до н. э. — 146 г. до н. э. После насильственной «смерти» от рук Сципиона Младшего, Карфаген — обычный город с римским акведуком и страшным прошлым, где по Рождестве Христовом строилась новая жизнь и забывалась старая.

«Карфаген должен быть разрушен» (*Carthago delenda est*) — одна из самых популярных латинских фраз, имеющая ярко городскую и — я бы сказал — даже градостроительную ориентацию, впрочем, от созидания далекую. Вообще говоря, фраза должна произноситься так: «*Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*». По свидетельству Плутарха (в греческой передаче), выражение принадлежит Марку Порцию Катону (Старшему), римскому цензору, «огненно-рыжему, кусучему и голубоглазому», прадеду не менее знаменитого Катона Утического (Младшего), который, будучи противником Цезаря и потерпев неудачу, покончил с собой в г. Утик (это о нем сказал Лукан: «Мил победитель богам, побежденный любезен Катону!»). Так вот, о чем бы Катон Старший ни говорил в сенате, — прибавлял: «А кроме того, я полагаю, что Карфаген не должен существовать». Об этой привычке сенатора, пылав-

шего ненавистью к Карфагену, писал не только Плутарх в *Сравнительных жизнеописаниях*, но и Плиний Старший в *Естествознании* (XV 18, 20), и Флор в *Очерке римской истории* (II 15). Тот же Катон считал, что римляне, заразившись греческой ученостью, погубят свое могущество, и поносил Сократа, называя пустомелей. За что же Катон не любил Карфаген?

Карфаген — город-государство (полис) в Северной Африке (в районе современного города Тунис, столицы Туниса), напротив — через Средиземное море — Апеннинский полуостров. По территориальному и политическому положению — буквальный антагонист Рима. Задолго до того, как Ашшурбанипал сжег Вавилон, до того, как пала Ниневия, а среди иранских пастухов на козьем молоке взрастал Кир Великий (завоеватель Мидии, Лидии, Малой и Средней Азии, Вавилона и Месопотамии), — на западном берегу Африки поднялся Карфаген. Он основан примерно тогда же, когда в Мексике возникла ольмекская культура, а этруски занялись постройкой Рима. Дата основания известна точно: 825 г. до н. э. (правда, не менее точной считается также 814 г.). Будущий соперник Рима заложен выходцами из Тира, финикийцами, самыми успешными мореплавателями и негодьями Средиземноморья. По преданию, строителей возглавила царица Дидона (Элисса), сестра царя Тира. Ее возлюбленный — Эней (троянец, спасшийся после разгрома Трои) — бросил Дидону и отбыл в Италию, где позднее его потомки основали Рим. Покинутая, не будучи в силах снести горя, самосожглась на костре. А Энею Вергилий с Котляревским посвятили по *Энеиде*. Первый — серьезную, второй — бурлескную.

К началу 3 в. до н. э., захватив Северную Африку, Сицилию (кроме Сиракуз), Сардинию и Южную Испанию, город превратился в могущественную державу, что — естественно — привело к столкновению с Вечным городом и Пуническим войнам. Ведь фраза Катона — первое, чем известен Карфаген. Второе — Пунические войны между Римом и Карфагеном, закончившиеся падением последнего.

Дело было так. Согласно традиции, первый торговый договор между римлянами и карфагенянами был заключен в 6 в. до н. э., и Карфаген столетиями бился с греками за господство на Сицилии, юго-западная часть которой была традиционной сферой влияния пунийцев (*punicus* — латинское название карфагенян, означает также — совсем по-византийски — *пурпурный*). В начале 3 в. до н. э. сицилийские греки, не способные справиться с экспансией Карфагена, стали искать помощи извне, в частности, у Пирра (царя эпирского; того самого, который в битве при Аускуле ценой больших потерь одержал ставшую нарицательной Пиррову победу), а затем, после покорения римлянами юга Италии, — к Риму. Мало-помалу римский интерес оказался затронутым, и Рим пошел на Карфаген войной. В результате взаимных поражений, побед и перемирий, после проигрыша в трех Пунических войнах (264–146 гг. до н. э.) город пал, основная карфагенская территория вошла в римскую провинцию Африка, остальная передана Нумидии.

Можно рассказывать о непобедимом карфагенском полководце Ганнибале, который, будучи все-таки побежден другим непобедимым полководцем, римским проконсулом Сципионом Африканским Старшим у г. Замы во второй пунической вой-

не, умер в изгнании, приняв яд. Можно говорить о захватнических вояжах карфагенян в Испанию, о том, как Ганнибал разбил при Каннах (216 г. до н. э.) и почти полностью уничтожил 80-тысячное римское войско, о том, как это вызвало в Риме панику и как путь на столицу империи был открыт, но самонадеянный Ганнибал не сумел воспользоваться победой. О том, наконец, как Сципион Младший материализовал *idea fix* Катона Старшего. Но наша задача в другом.

Карфаген был сожжен дотла, памятники его культуры погибли. Сохранились руины и скудные свидетельства современников. Греческие историки — Геродот и Полибий — молчат (хотя из Геродота мы знаем даже о ливийцах, о которых известно только, что, поймав блоху, они ее в отместку сначала кусают). Страбон пишет (XVII 7, 15), что город насчитывал 700 тыс. жителей. Он был окружен огромными стенами шириной до 8,5 м с мощными четырехэтажными башнями. Вдоль стен тянулись помещения для боевых слонов, арсеналы, конюшни. Застройка Карфагена ничем не напоминала греческий или египетский город с небольшими домами и прямыми улицами. Он был построен по аналогии с метрополией, Тиром, а улицы последнего — это узкие проходы между четырех- и пятиэтажными домами, жмущимися друг к другу. Настоящий восточный город. Но в отличие от Тира, карфагенский дом достигал даже шести этажей. Внутри сверкавших золотом и слоновой костью храмов высились колонны из изумруда, который излучал свет даже в темноте. У дверей возлежали ручные змеи, поблескивая чешуйками, — немые стражи жутких финикийских божеств. Среди культурных учреждений

построили одеон (греч. *odeion*, от *ode* — песня) — театр с упрощенным устройством сцены для музыкальных и поэтических представлений перед избранными. Одеоны по всей территории римского средиземноморья были типовыми — как советский дом культуры. В правление Антонинов (2 в.) был воздвигнут акведук, крупнейший не только в Северной Африке, но и вообще в античном мире. Он брал воду на расстоянии более 130 км от города и подходил к нему в виде двухъярусной аркады, по высоте достигавшей 40 м.

Особый интерес составляли две гавани Карфагена, описание которых сохранил Аппиан в *Римской истории* (VIII 1, 96): «Две гавани лежали друг против друга, так что из одной можно было проплыть в другую. Вход в обе гавани с моря был один и имел в ширину семьдесят футов; преграждался он железными цепями. Одна из гаваней была предоставлена купцам и имела множество прочных причальных канатов. Во внутренней гавани, лежащей напротив, был остров, окруженный, как и вся гавань, высокими дамбами. Эти дамбы были полны стоянок для судов в количестве двухсот двадцати, а над ними — множество складских помещений для предметов снаряжения трирем. У входа в каждую стоянку находилось по две ионические колонны, придававших гавани и острову вид портика». (Ну, чем не описание платоновской Атлантиды? — *Критий* 113с — 119а, *Законы* VI 778с — 779d)

Появлявшиеся на узких улицах города вельможи шокировали иноземцев вычурностью одеяния. На смуглых руках, ногах, пальцах, в ушах, в носу сверкали золотые кольца, с плеч ниспадали пестрые одежды. Жили они в дворцах, что утопали в зелени,

а вокруг тянулись плантации виноградников, маслин и прочих плодов.

Торговля и работоторговля делали свое дело: морской разбой и огромная дань, которой город обложил окрестности, были плановой статьей дохода. Для карфагенян нет постыдной прибыли, — гласил местный тезис, и мздоимство, за которое в Риме карали смертью, здесь не преследовалось вовсе. Народное собрание, не в пример афинской буле и римскому сенату, легко впадавшее как в ярость, так и в отчаяние, являло занимательно шумное зрелище. На площадях стоял беспорядочный гул: кричали женщины, дети, разнообразная живность. Войны карфагенян были скорее похожи на торговые операции, чем на битвы. Армия покупалась дешево (греки, баlearы, ливийцы, иберы). Войско можно было собрать за день. И Карфаген воевал, не теряя сограждан (а враг истекал кровью), покуда отцы города не находили, что средств на войну затрачено изрядно и пора сию забаву прекратить.

Наиболее известный нам слой карфагенской культуры — финикийская религия: неожиданно страшная и непривычно коварная.

Финикийцы чтили мужское божество — Ваала — и женское — Астарту. (Читатель, конечно, помнит «художеств. стихотворение» Остапа Бендера «Тринадцатый Ваал».) Диодор Сицилийский в «Исторической библиотеке» сообщает: «Карфагеняне приносили в жертву сто детей, публично выбранных из числа первой знати... У них есть медная статуя Кроноса [Ваал-Хаммона]; она протягивает свои полые руки, наклоненные к земле таким образом, что помещенный на них ребенок скатывается и летит в чрево, полное огня» (XX 14, 4–6). Такие жертвы

приносились ежегодно. Во время нашествия Агафокла — начало 4-го в. до н. э. — было сожжено пятьсот младенцев, «возраст которых даже у врагов обычно вызывает жалость». Принесение в жертву в тофете (священном месте) считалось великим праздником, поэтому матери должны были присутствовать, веселые лицом и в нарядном одеянии. По природе лживые, карфагеняне и здесь лукавили, обманывая ненасытного бога: покупали детей, «выращивали и выкармливали», а потом сжигали под видом собственных. Самые блестящие и непристойные празднества в честь Великой богини Астарты происходили близ храма Библос в долине р. Адонис. Вообще же карфагенская (финикийская) религия отличалась мрачностью и, пожалуй, не имела нравственного влияния на паству, остававшуюся жестокой, корыстолюбивой, недоверчивой и доверия не внушавшей. Греки называли их алчными и властолюбивыми, римляне — жестокими и вероломными.

Вот чем провинился Карфаген перед миром и римским сенатом, и вот почему Катон так негодовал по поводу того, что город все еще существует. Впрочем, в самой кровавой битве победит тот, кто первым начнет прощать.

Однако во время Третьей Пунической войны горожане защищались с отчаянием обреченных, и лишь после трехлетней осады в 146 году до н. э. Сципион Младший овладел городом, разрушив его до основания, а уцелевших продал в рабство.

Рассказ о городе был бы неполон, если бы мы умолчали о Карфагене «по Р. Хр.». Первым христианским епископом Карфагена (город, конечно, после войны ожил) был Оптат (202 г.), а его преемники — единственными постоянными митрополитами

Северо-Западной Африки. Североафриканская клерикальная литература благодаря Квинту Септимию Флоренсу Тертуллиану (родился в Карфагене в семье римского центуриона), еп. Киприану и Аврелию Августину (Блаженному) занимает видное место в истории христианства: именно карфагенская латинская Библия вытеснила из Рима Библию греческую. В 399 г. епископ Аврелий поставил кафедру в храме «Небесной» богини (базилика разрушена в 421 г.). Многочисленные карфагенские церковные соборы (3–5 вв.) имели поучительное значение: в частности, в деле утверждения антипелагианского учения Августина, епископа Гиппонского. В 484 г., при ромейском императоре Зеноне, в Африке началось преследования христиан (исповедовавших так называемый «Никейский символ веры») вандалами-арианами. Особенно жестокими они стали при Гунерихе, правившем в 477–484 гг. В Карфагене, где спасались мученики, «можно было видеть, — говорит Прокопий Кесарийский (*De bella vandalica*), — множество искалеченных людей, без рук, без ног, без глаз, с отрезанным носом, без языка... От императора [Зенона] прибыл в Карфаген посол просить Гунериха смягчить гнев; но он устроил зрелище истязания на той самой улице, по которой посол должен был направляться во дворец». Впрочем, в 533 г. в Северную Африку вторглась армия оскорбленного королем Гелимером императора Юстиниана Великого под командованием гениального Велисария, и с вандальским королевством было покончено. В 535 г. карфагенский епископ получил сан патриарха и стал на одну ногу с епископами римским (папой) и царьградским. Последние сведения о христианстве в Карфагене относятся к 11-му веку. Промежуточ-

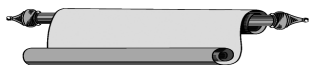
ные — все-таки к 4-му: не раз цитированный выше римский поэт Авсоний сравнил Карфаген с Константинополем:

Встав, Карфаген уступает черед Константинову граду.
Но не на целый он шаг отступил от прежнего места —
Хоть не дерзает назваться вторым, но гнушается третьим.
Оба одну разделяют ступень: тот древним богатством,
Этот новой удачей силен; тот — был, этот — ныне
Свежею славой заслуг затмевает старинную славу,
Пред Константином своим заставляя склониться Элису,
И Карфаген укоряет богов, потому что позорно,
Риму не уступив, уступить второму за Римом.
Полно! пусть древний удел утишит новые страсти!
Будьте равны и помните впредь: не без божеской воли
Стала иною у вас и доля и скромное имя —
Ты ведь Византием звался, а ты — пунийскою Бирсой.

(пер. с лат. М. А. Гаспарова)

Мы, как и прежде, не приводим здесь схемы города (любопытные могут посмотреть ее в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, статья академика Б. А. Тураева): во-первых, потому что он «был разрушен», во-вторых, чтобы сохранить некую таинственность, вообще присущую истории.

Тайная гармония ведь всегда теплее явной, как учил «темный» Гераклит?

КНОСС¹

«Остров есть Крит посреди виноцветного моря прекрасный», — пел слепой Гомер. От времени падения Критского царства его отделяли всего пятьсот лет, а от нашего времени — целых три тысячелетия. От Афин же он — в получасе лёту на юг.

В 67 г. до н. э. остров завоеван Римом, в 395–823 и 961–1204 гг. — в составе Ромейской империи, в 823–961 гг. — под властью арабов. В 1204 г. захвачен крестоносцами и продан Венеции. С 1715 г. — под властью сарацинов. Критяне Нового времени участвовали в Греческой революции 1821–1829 гг., в антиосманских мятежах 1866–1869 и 1896–1897 гг., в результате коих в 1898 г. остров получил административную автономию «под покровительством» великих держав, а с 1913 г. пребывает в составе Греции. Цифры всегда красноречивы, но в культурном смысле главное не это.

Столицей критской цивилизации, процветавшей посреди виноцветного моря, от III до середины II тыс. до н. э., был г. Кносс. Археологические раскопки, проведенные лордом Артуром Джоном Эвансом (1851–1941), показали, что человеческое

поселение существовало на кносском холме уже десять тысяч лет назад. А. А. Молчанов предположил, что и название Кносса связано с этим холмом (погреч. *конос* — шишка, выпуклость, отсюда и слово конус). В действительности имя города скорее всего является вариантом греческого слова *гнотос*, *гнос-тос* — знаменитый (родственно русскому знатный). Его название фиксируется уже в древнейшей критской письменности — иероглифах.

Именно в Кноссе находилась резиденция царя Миноса, чей дворец описан в устных легендах и произведениях греческих писателей как лабиринт. Один из многочисленных феноменов критской культуры в том, что дворец (как в майяской цивилизации) выполнял функцию городского центра. Здесь концентрировалась религиозная и светская жизнь, хозяйство и искусство. Как минимум с середины IV тыс. до н. э. в Кноссе уже существует постройка на высоком каменном фундаменте, включающая множество жилых, сакральных и хозяйственных помещений. На рубеже III и II тысячелетий вся поверхность кносского холма была усеяна постройками (до четырех этажей) общей площадью около 25 тыс. м². Комплексы помещений со временем объединились в один огромный дворец, который не раз подвергался переделкам. Аналогичные дворцы на Крите были в Фесте, Гурнии, Маллии и Като-Закро. Однако они все разные. В Кноссе, скажем, усилена северная, парадная часть; мощным блоком выделены «магазины» (склады) западной. В Като-Закро большая площадь отведена под ритуальные бассейны. В других городах постройки дворца мало обособлены от жилых кварталов и почти срослись с ними. Но всюду, несмотря на разницу масштабов, ме-

¹ Очерк написан вместе с доктором филологических наук, профессором Ю. А. Мосенкисом; печатается с дополнениями.

стоположение и качество отделки стен, дворов и помещений, есть общие черты. Это прямоугольная форма внутреннего двора, размеры которого повсюду одинаковы: 52 x 28 м. Кроме того, почти все дворцы ориентированы по странам света: главный двор вытянут с севера на юг. Установлено, что каждый дворец был связан с горным святилищем, устроенным в пещерах, ориентирован на священную гору, видимую из него. Так, кносский дворец связан с горой Юкта, на которую выходят его «магазины», фестский — с горой Ида, где, согласно мифу, родился Зевс, вскормленный божественной козой Амалфеей (по Агафоклу Вавилонскому — свиньей). Кстати, главный бог и похоронен на Крите — вам покажут несколько Зевсовых пещер (Dios antron).

Дворцы существовали, покуда действовали горные святилища. Очевидно, последние считались земным отражением мест обитания небожителей: к ним причисляли богинь, которым поклонялись в святилищах. Там совершали жертвоприношения, учиняли обрядовые трапезы, преподносили богествам дары в виде посуды и терракотовых статуэток.

В кносском дворце было все, необходимое тогдашней знати: широкие лестницы и световые колодцы, ванные комнаты, канализация, водопровод и казематы. Как пишет Г. Бокиш, кносский дворец «представляется не подражанием восточным образцам, а продуктом самостоятельного развития критской архитектуры, которая, напротив, сама оказывала влияние на египетскую и сирийскую». Но это не все: некоторые считают, что критский архитектор участвовал в строительстве загадочного британского Стоунхенджа.

Критские Дедалы славились мастерством: ка-

чество обтесывания камня и их кладки (включая точную подгонку бута) до сих пор внушают уважение. Но точки над «i», как всегда, расставила всевластная природа: в 17 и 15 вв. до н. э. на Крите случились катастрофы (землетрясение, вулканический взрыв), в результате чего теперь от величественного кносского дворца сохранились лишь развалины. Впрочем, и они величественны — именно как развалины.

Юго-восточная часть дворца была «женской половиной» (гинекон), а северная — «мужской» (андрон). Женщина-богиня и женщина-жрица в критской культуре были значительны до такой степени, что несчастные мужчины, совершая обряды, вынуждены были переодеваться женщинами. Правитель, происхождение которого мыслилось божественным, выступал только в роли сына или супруга (а часто и сына-супруга) богини. Главной была она (скрытый матриархат?). И как жена правителя — была жрицей, представлявшей богиню в важнейших ритуалах. Об этом говорят памятники критского искусства. Фигура женщины всегда наделена чертами матроны: у нее подчеркнуто выразительный бюст, обнажаемый по ходу важных ритуалов (пра-стриптиз?), она выше ростом и вообще выглядит мощнее рядом с тщедушными паредром — супругом-царем. Она — ведущее лицо всех действий, юноша-муж — пассивный, влекомый ею ритуальный персонаж. Так, в дворцовом Коридоре Процессий изображено шествие дароносцев — юношей, которые несут сосуды и дар — критскую юбку-брюки для «новорожденной» богини. Жрица принимала дары стоя, держа в руках критские символы власти — двойные секиры, лабрисы, от которых, видно,

и произошло название дворца — Лабиринт (Дворец Лабрисов?). Самое празднество предполагало и богоявление (эпифанию), и констатацию священного брака богов (браки ведь до сих пор заключаются на небесах), без которого критяне не представляли продолжение жизни. И мы вместе с ними едва это представляем. Кносский дворец, по мысли позднейших греков, был лабиринтом с живущим в нем чудищем: человеко-быком Минотавром. Легенда гласит, что Пасифая, супруга Миноса, воспыкала страстью к быку, зачала от него и результатом этой похоти стал бычок Минотавр. Выросши, он превратился в чудище, которым пугали и детей, и взрослых. Бог-бык и был изображен в Коридоре Процессий мчащимся — в привычной позе «летучего галопа». Он представлен также в ритуальной игре-битве с «тореадорами» — таврокатапсии. Можно говорить о критской религии долго, но одно остается бесспорным: мистериальность, таинственность ее были усвоены классическими элинами и воплощены в их мистериях (Элевсинских, Самофракийских, орфических). Но, в отличие от классических эллинов, критские мистерии Зевса и Куретов были доступны для всех (*Диодор Сицилийский* V 77); от участников требовалось целомудрие, воздержание в мясной пище и от прикосновения к трупам; содейвалось поминовение усопших, свершались воинственные пляски в полной амуниции — *pirrihe* (см. отрывки из новейшей трагедии Еврипида *Критяне*).

Не меньшим трудом, чем постройка дворца, явились его раскопки. Богатейший материал собран А. Эвансом, открывшим Кносс западноевропейской науке (см. его четырехтомный труд «Дворец Миноса в Кноссе», 1921–1935 гг.). По подсчетам ученого,

население города и его гавани составляло в пору расцвета около 100 тыс. человек. Сейчас Кносс с дворцом (собственно, это город, в котором только дворец и любопытен) — городок недалеко от главного критского города-порта Ираклион. Кносский лабиринт сохранился достаточно, чтобы отчетливо различить два и три этажа дворца. Реконструкции А. Эванса корректны, деревянные раскрашенные колонны расставлены на прежних местах. Минойская колонна — это отпиленный кусок ствола, поставленный верхушкой вниз. Стволы распиливали крупными бронзовыми пилами, которые хранятся в Ираклионском музее. Хорошо отмечены реставраторами и утраченные деревянные части, связанные с конструкцией каменных стен. Как считал акад. Б. Б. Пиотровский, хуже получилась восстановленная роспись, она не соответствует сохранности памятника и выглядит грубовато. Опытному директору Эрмитажа виднее!

Помещения Кносского дворца имеют разные уровни, что предопределило многоэтажность постройки. Эта разница в уровне была настолько велика, что А. Эванс прекратил работы, не заметив восточную, ниже лежащую часть дворца. Характерной чертой минойской архитектуры являются открытые двери, по несколько штук в ряд, что определялось системой перекрытия и размером деревянных балок. Общий вид грандиозного сооружения был ступенчатым, имел много световых дворики и крытых галерей. Полукруглого амфитеатра для зрелищ в минойское время не существовало, основные действия были процессионными, на что указывают панельные вымостки во дворах. Нечто вроде сцены усматривается у северо-западного фасада, где во дворе

сходятся дороги процессий и имеется площадка наподобие балкона. Дворец имеет четыре разных по характеру входа соответственно сторонам света. Полагают, что северный служил для входа иноземных торговцев и что Колонный зал был таможней. Именно там находится роспись, изображающая быка, сбивающего оливковое дерево. Эту сцену объясняют как «сила против мира» и предлагают считать своеобразным анотропеем.

Многие помещения, и в первую очередь темный Тронный зал с сохранившимися у стены алебастровым тронном и скамьями по периметру, производят известное впечатление. Если роспись реконструирована правильно, она изображает фантастическое существо больших размеров с птичьей головой (небо), лвиным туловищем (земля) и змеиным хвостом (подземное царство). Культ змеи на Крите был весьма распространен: вспомним женские статуэтки. Поскольку Крит подвержен землетрясениям, дворец не раз рушился, и его приходилось отстраивать. Поэтому особо почитали подземных богов, которых надлежало время от времени ублажать. Но, может быть, не только землетрясения были причиной гибели крито-микенской культуры.

От росписи осталось мало, и реконструкция во многом условна. Можно без конца бродить по развалинам и восстановленным залам дворца, подниматься и спускаться по лестницам, ступая на древние ступени, разглядывать детали и воспроизведения росписей, которыми славен Кносс. Удивительно лишь, что в росписях почти отсутствуют морские сцены, изображения кораблей, что должно было иметь место в островном городе. Может, жители так были пресыщены морем, что каждодневно ви-

деть его, да еще и воспроизводить, — было выше их визуальных сил; тянуло к суше?

А может, и по другой причине: жуткий Минотавр, наводивший ужас на афинян, которому они должны были регулярно платить дань семью девушками и юношами, был умерщвлен, согласно мифу (*Аполлодор Дамасский* III 1, 3–4; *Диодор Сицилийский* IV 6, 1), Тесеем, который приплыл на корабле под черными, то есть траурными парусами. Эгей от отчаяния бросился в море. Море называли Эгейским, а кноссские живописцы темы моря вообще старались избегать. Может, и так.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ СЕКУЛЯРНЫЙ

Единственное, о чем мы сейчас не скажем, — это храм св. Софии. Во-первых, потому что Константинополя, где этот храм размещался, на современной карте нет, — есть турецкий Стамбул, а великий собор называется Айя-София; во-вторых, об этом храме знают все, и потому еще один рассказ о нем оставим до следующего раза. Впрочем, как и прогулку по Константинополю клерикальному.

Император Константин воспользовался христианским учением как средством для мировластительства, как политическим оружием, и потому собственно божественность евангельского учения мало коснулась его умонастроений: он жестоко расправился с родней, умертвив сына Криспа, племянника Лициниана и сварив живьем супругу Фаусту. Это, правда, не помешало римскому сенату признать его после смерти великим, а Церкви — святым и равноапостольным. Константину было по-старому, по-римски удобно.

Почему Константин выбрал именно Босфор и Золотой Рог? Он не мог не знать слов Полибия относительно мегарской колонии: Полибий писал, что без воли жителей Византии ни одно торговое судно не сможет ни войти в Понт, ни выйти из Понта, и что византийцы держат в руках все полезные

для жизни продукты, предоставляемые Понтом. Правда, император лелеял мечту создать новую столицу на месте древней Трои, откуда, по преданию, прибыл в Лациум «человек судьбы» — Эней — и положил начало Империи. Государь лично отправился в знаменитые ландшафты, где разметил границы задуманного поселения. Как известно, император был обуреваем видениями, и вот, когда возвели городские ворота, Константину привиделся Господь, убедивший его искать для столицы иное место. Указ о правах и привилегиях Нового Рима был высечен в мраморе и выставлен близ здания, носившего со времен Септимия Севера название стратигия, где прежде отправляли обязанности стратиги, составлявшие муниципальное правительство Византии. Название поселения происходило от имени главы мегарской «экспедиции», Визы (Byzas).

Решив в 324 г. заложить крепостную стену на месте южной границы Европы и Азии, Черного и Средиземного морей, Константин назвал мегарскую колонию Византий Вторым (или Новым) Римом, *Novae Romae*, но имя не прижилось, и город именовался Градом Константина. Для вящего сходства с Римом на плоской территории Нового Рима нашли семь холмов, и город, подобно Риму, где Август ввел 14 врачебных (*archiatri*) должностей, состоявших на казенном жаловании, по числу регионов, — был разделен на четырнадцать *regiones*. 60 тыс. фунтов золота (по нашим меркам) истратил кесарь на возведение городских стен — от Золотого Рога до Мраморного моря, — постройку крытых колоннад, терм (Зевксиппа), цистерн и водопроводов. В 8-ом регионе Константин создал Капитолий и форум своего имени с роскошными экседрами, воз-

двигши порфирную колонну со статуей. Ипподром, заложенный в Византии Септимием Севером, оказался Константину тесным и был расширен.

Своим блеском Новый Рим был обязан разграблению Рима старого: громадное число статуй было вывезено из прежней столицы и других городов в Константинополь. Божеские статуи, лишившиеся прописки в храмах Рима, Афин, Александрии, Эфеса и Антиохии, стали украшать площади, улицы, бани и портики. Не в подложном Миланском эдикте заслуга Константина: кто-нибудь да должен был даровать христианам свободу исповедания. Перенеся столицу Мира в Новый Рим, Константин спас все еще бывшее дорогим его слегка христианизировавшемуся сердцу язычество и создал благоприятствие для отправления новой веры.

Разнообразные торговые и денежные льготы создали условия для привлечения жителей — часть имперской знати покинула Старый Рим ради Нового. К весне 330 г. работы настолько продвинулись, что подоспел срок официального открытия новой столицы. Это событие, *Natalicium Novae Romae*, состоялось 11 мая 330 г. и сопровождалось разными христиано-языческими празднествами в течение 40 дней. В мае-июне 330 г. христианский Новый Рим оказался наложенным на языческий Византий. Юридически город был выделен из пределов провинции Фракии, ему даровано было италийское право, *ius italicum*, право квинитской (то есть полной гражданской) собственности на землю с освобождением населения от налогов и повинностей, лежавших некогда на провинциальном населении.

К западу от ипподрома был выстроен императорский дворец, крытым ходом соединенный с им-

ператорской ложей на ипподроме, площадь перед дворцом названа Августеон, на ней воздвигнут мильевой столб, *milion*, от коего начинался счет миль по Эгнациевой дороге, ведущей вглубь материка. В центре ипподрома Константин поставил знаменитую Змеиную колонну из Дельф, так называемый дельфийский треножник, выполненный в дар Аполлону за победу в сражении при Платее. На 7 миль, за городской стеной, устроено было Военное поле с лагерной стоянкой для войска. Эта местность носила латинское имя *Septimum* и греческое *Evdomon*.

С 330 г. Константин разделил консульство, дабы уравнивать старую столицу с новой. В Новом Риме создали сенат, основа которого — старая римская знать, переселенная в Новый Рим по воле государя. Константин сооружал за державный счет сенаторские дворцы и дарил тем, кто вынужденно повиновался приказу. Римский даровой хлеб был сохранен как исконная привилегия римского населения: кесарь сделал его премией за постройку дома, дабы ускорить рост города. Хлеб выдавался с особых подмостей, *gradus*, расположенных в разных частях города.

Константин умер 22 мая 337 г. в предместье Никомидии. Наследниками он считал трех сыновей — Константина II, Констанция II, Константа — и двух племянников — цезаря Далмация Младшего и Аннибалиана, женатого на Августе, дочери Константина. Дети основателя Ромейского царства оказались ничтожными — они набросились на Империю, стремясь каждый оторвать кусок: самым ловким был Констанций II, успевший обосноваться в новой столице и истребить почти всю родню. Толерантности отца ему не доставало: «Да прекратится суеверие, да уничтожится безумие жертвоприношений!»

— гласила строка в одном из указов. Когда в 361 г. (после 24 лет правления) во время персидского похода, Констанций умер (в Киликии), блаж. Иероним выразил чувства по этому поводу веселыми словами: «Господь пробуждается, он повелевает буре, зверь умирает и спокойствие восстанавливается». Однако волею S. P. Q. R. (*Senatus Populusque Romanus* — сенат и народ римский) был причислен к сонму богов. Каких? Тех самых, против коих он так восставал, умерщвляя жрецов и весталок.

В городе было грязно. Честно говоря, Константинополь был обычным восточным городом. Чума и холера делали дело, самостоятельно занимаясь санитарией города и карая грязненькую смертью. Города вымирали, очищаясь. Простая вода продавалась за деньги. Хроники не раз упоминают о кризисах во время засухи или порчи водопровода: около цистерн происходили побоища измученных жаждою людей. Потому удивительно, что в Чудесах вмч Артемия 7 в. столица именуется «всеблаженным царственным градом», в Житии преп. Василия Нового — «богохранимою, богоохраняемою царицею городов». Эти формулы — щит, самоиммунитет. Действительно, тысячу лет Империя прожила в этой-то грязи. При всем внешнем великолепии Новый Рим был на редкость антисанитарен. Так же, как и нынешний Стамбул.

В Житии преп. Саввы Освященного сообщается про одну больную женщину, долгое время лежавшую у церковной ограды и исторгавшую ужасное зловоние. Представляете, как она должна была пахнуть, чтобы попасть на страницу хроники! А в Патерике рассказывается об авве Агафоне, который подобрал на улице валявшихся без призора

прокаженных (любопытно, что он с ними делал.) Палладий повествует, что схоластик Евлогий нашел на рынке прокаженного, лишенного рук и ног. Больные бедняки обоего полу ютились на крытой паперти церкви, выпрашивая милостыню, — но это нынче не слишком удивительно. У ворот города — куча навоза с трупами дохлых животных, юродивые испражняются где попало и на виду у всех. Вот, скажем, в Житии Афанасия Афонского написано, как на церковной паперти, зимой, среди грязи и снега, роженица разрешалась от бремени. Только Юстиниан и Феодора (6 в.) выстроили в Столице Мира огромные гостиницы-приюты, странноприимные дома для влекомых в столицу или делами, или надеждою, или судьбою.

Санитарное состояние имперской столицы — контраст с ее пышностью: по Житию преп. Андрея, узкие, тесные, застроенные двух-трех-этажными домами улицы были покрыты отбросами и источали неаппетитные ароматы. Значительное число клоак мало способствовало опрятности Нового Рима по причине восточной неряшливости населения, которое заботилось о чистоте жилищ и тела, но пренебрегало чистотою публичной. Истинным рассадником заразы были кладбища казненных, которые, если судить по Житию преп. Стефана Нового, были просто огромными ямами на окраинах города, куда сбрасывались трупы, сгнивавшие под открытым небом. Надо сказать, император своими указами на исполнение таких ям стимулировал.

На рынках и в прилегающих к ним переулках было сосредоточено большинство константинопольских распивочных и закусовых (*kataropotia*), посещавшихся охотно. В них с утра мог выпить и заку-

силь, утолив вчерашнюю жажду и сегодняшний голод, столичный пролетариат; сидели за вином завсегда. Кроме обычного вина, в тавернах подавалось приправленное для аромата смирной (*esmirnismenon*), а привычная восточная любезность и вежливость трактирщика были причиной, что многие из граждан поденную выручку домой не приносили. Преп. Андрей пристыдил одного клиента, узрев, что тот ушел из дому с семьей оболами и, истратив два из них на пищу, остальные пять спрятал за пазуху, чтобы по бесовскому наущению спустить на вине. Харчевни-кабаки были столь многочисленны, что являлись как бы клубами по интересам царьградских простолюдинов, где любили проводить время не только пришедшие выпить, но и праздношатающиеся.

Проституция была легитимизирована. Преп. Пелагия, бывшая грешница, преп. Панселена, бывшая антиохийская гетера, бравшая с клиента — невероятно! — 10 литр золота за ночь — куртизанки высшего ранга. Для сравнения: преп. Виталий, в поте лица трудясь целый день, зарабатывал 11 оболов, а вот бедная гетера Мария Египетская, продававшая себя за гроши (2–3 обولا), должна была прирабатывать на пропитание прядильным ремеслом. Вообще, нищенствуя, можно было добыть на порядок больше, нежели честным трудом поденщика. Некий нищий Марк вымаливал в день до 100 оболов, на пропитание же тратил десять. Знаменитая 14-я Новелла Юстиниана против торговли телом повествует о необычайном изобилии публичных домов (*kata-gogai*), даже в непосредственном соседстве с церковью (есть что-то в этом соседстве сакральное). В 9 веке в 6-ом *regiones* столицы существовал целый квартал проституток со статуей Афродиты посре-

дине, который очистил только император Феофил, выгнав блудниц и соорудив приют для бедных. Другим пристанищем столичных гетер был так называемый Кифи, превращенный Львом VI Философом в убежище для стариков (конец 9 в.).

Блудниц называли «мимами» за то, что их ремесло родственно ремеслу актрис. Пример из жизни преп. Андрея: юродствуя, он зашел в мимарий, где двенадцать блудниц, стащив с преподобного хитон, продали его за милиарисий и поделили между собой деньги по 2 обولا. В 6 в. императрица Феодора, супруга Юстиниана, сама бывшая жрица любви, смилостивилась над площадными девицами, которые отдаются прилюдно за 3 обولا, и построила для них пристанище.

Однако история Константинополя первых веков существования бытом не исчерпывается.

Значение Константинополя секулярного даже после падения Византийской империи и переименования ее бывшей столицы в Стамбул, не стало меньше. Один позабытый поэт начала XX века, Николай Яковлевич Агнiewicz (1888–1932), будучи в Константинополе, ностальгически вспоминал о Петербурге — другой столице:

В Константинополе у турка
Валялся, порван и загажен,
«План города С.-Петербурга»
(«В квадратном дюйме — 300 сажен...»).

И вздрогнули воспоминанья!..
И замер шаг.. И взор мой влажен...
В моей тоске, как и на плане:
— «В квадратном дюйме — 300 сажен!..»

Похоже, примерно так же, но с иным знаком, оглядывались на историю города и Ромейской им-

перии сотрудники Русского археологического института в Константинополе (1894–1914 гг.), с началом первой мировой войны вынужденные покинуть берег Босфора: Ф. И. Успенский, Б. А. Панченко, Ф. И. Шмит, Б. В. Фармаковский, Р. Х. Лепер, А. И. Пападопуло-Керамевс. Планировка Константинополя была для них не менее родной, нежели планировка Петрограда.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ КЛЕРИКАЛЬНЫЙ

При Константине во главе управления Константинополем стал префект — судебно-апелляционная инстанция, — выбор которого, в отличие от Рима, был делом усмотрения императора. Щадя языческий дух, государь соорудил в портиках личного форума два святилища, в одном поставив статую Матери богов — Реи, а в другом — Фортуны. Но святилища эти не были местом отправления культа. Богорасположение христианству Константин засвидетельствовал воздвижением на Августеоне храма святой Софии и невдалеке — св. Ирины, поблизости собственного форума — свв Апостолов, который был назначен стать местом упокоения его праха и останков его наследников. Мать богов, Рея, правящая львами, была легко преобразована в Оранту с воздетыми руками; статуя Судьбы города и скульптура Аполлона получили христианский характер. Церковь св. Мокия была воздвигнута на месте храма Зевса, св. Мины — на месте храма Посейдона, а св. Ирины — на акрополе.

Но давняя цель кардинально изолировать человека в доме божьем от дома земного была достигнута в храме св. Софии. Случилось это в 532–537 гг. На стенах храма сохранилось пророчество (приводимое Вл. Соловьёвым, вообще довольно сдержан-

но восхищавшегося ромейскими делами, в сочинении «Великий спор и христианская политика»):

Радуйся, Дево, и сердцем възиграй, ибо дал тебе радость,
Вечную дал тебе радость Создавший небо и землю.
Ты — Его место, в тебе воссияет свет не вечерний.
Снова мужей богомудрых восстанет священное племя,
В оное время и храм твой в величии новом восстанет.

Величие храма стало трюизмом: даже турки, захватив в 1453 г. Константинополь и превратив его в Стамбул, не смогли нарушить традиции преклонения перед храмом св. Софии. Правда, они, как водится, пристроили четыре минарета: но такие минареты в свою бытность окружали многие великие сооружения — Парфенон, например.

Храм был выстроен Юстинианом Великим после знаменитого восстания 532 г., получившего название *Ника* (Побеждай!). Оппозиция императору была троякой: династической, общественной и религиозной. Династическая: племянники почившего императора Анастасия притязали на корону. Общественная: взяточничество, попрание законов, жестокость и вообще непримерное поведение юриста Трибониана и префекта претория Иоанна Каппадокийского. Религиозная: удаленные Юстинианом с исторической сцены монофиситы — придерживавшиеся утверждения, будто Христос, хотя и рожден из двух природ (естеств), не в двух пребывает, поскольку в акте воплощения неизреченным образом из двух стало Одно. Все это в целом привело к мятежу на ипподроме. Лучшие постройки города (бани Зевксихпа, портик Августеона) подверглись разрушению, базиликального типа церковь св. Софии сожжена, погибли многие дома богатых людей и большие богатства и многие храмы (Прокопий. *Вой-*

на с персами I 24, 9). Хотя испугавшийся Юстиниан обещал уволить Трибониана и Иоанна Каппадокийского, толпа на ипподроме продолжала буяннить, мол: «Ты даешь ложную клятву, осёл!» (*Chronicon Paschale*, vol. I, p. 624), и провозгласила императором Ипатия. Юстиниан думал было бежать, но его пристыдила мудрая супруга Феодора: «Если ты желаешь спасти себя бегством, государь, это нетрудно. У нас много денег, и море рядом, и суда есть. Но смотри, чтобы спасшемуся тебе не пришлось предпочесть смерть спасению. Мне же нравится древнее изречение, что царская власть — лучший саван» (Прокопий. *Война с персами* I 24, 35–38). После этих слов император воспрял духом, призвал верного полководца Велисария и устроил на ипподроме резню: погибло 30–40 тыс. человек (при общем числе жителей города — 375 тыс.). Ипатий был казнен, мятеж подавлен. Юстиниан же правил еще тридцать лет и три года, создав «эпоху Юстиниана».

Нет худа без добра: развернувшееся вскоре после восстания грандиозное строительство, требовавшее большое число рабочих, сузило круг (оставшихся в живых) недовольных, смягчив социальные противоречия в городе. Началось строительство нового храма св. Софии.

С. С. Аверинцев объясняет это так: «Роскошь и нищета [Константинополя] обуславливали друг друга. Как ни странно, между кровопролитием 532 г. [восстание Ника] и возникновением прекраснейшего из памятников константинопольской архитектуры в 537 г. существовала непосредственная причинная связь: дело в том, что уличные схватки и поджоги повлекли за собой гибель старого церковного здания и расчистили место для нового, более

блистательного. Это — выразительное напоминание о контрастах эпохи Юстиниана».

Проектировали храм двое: Анфимий из Тралл и Исидор из Милета — архитекторы, лица свободных профессий. Прокопий Кесарийский утверждал, что Анфимий превосходил искусностью всех современников и много возвышался над механиками прошлого (*О постройках* I 1, 24). Агафий Миринейский сказывал, что знаменитый зодчий Анфимий и его сосед, не менее знаменитый ритор Зенон, дома которых были рядом, часто ссорились, и Анфимий, не имея возможности победить противника словесно, устроил в доме Зенона искусственное землетрясение (*Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque*, V 6–9). Как? Анфимий тайно уложил под домом Зенона систему труб, по которым циркулировали горячий воздух и водяные пары. Напор их привел в сотрясение риторское жилье, и Зенон не на шутку испугался. Анфимий пугал Зенона молниями и громом, пользуясь вогнутыми зеркалами и «громозвучными телами». Впрочем, «диспут» Анфимия и Зенона послужил поводом к выяснению причины землетрясений, в котором сторонники Аристотеля ссылались на происшедшее событие как на доказательство, что Аристотель прав, поясняя землетрясения испарениями. Не мудрено: человек, придумавший храм св. Софии, мог выдумать и землетрясение. Ромейский поэт Павел Силенциарий, придворный сановник (*силенциарий* — «блюститель тишины») и автор эротических эпиграмм, которому Юстиниан поручил воспеть храм св. Софии, указал на ценное качество Анфимия — умение выбирать центр и вычерчивать формы, обеспечивая прочность и надежность конструкций, и потому назвал

его «многоизобретательным» (*polymechanos*). Анфимий сочинил трактат *О парадоксах механики*, о котором с трепетом вспоминают его современники. От него дошел до нас текст, посвященный устройству зажигательных зеркал. Коллега Анфимия — Исидор Милетский — тоже был человеком незаурядным, высоко поднялся по социальной лестнице и был удостоен титула *magnificentissimus et illustris*. Автор труда *О конструировании арок*. Прокопий отмечает, что Юстиниан советовался с Анфимием и Исидором не только при строительстве храмов, но и при рассмотрении проекта арочной плотины, выполненной Хрисом Александрийским (*О постройках* II 3, 7–15). Подробнее с фигурами Анфимия и Исидора любознательный читатель может познакомиться в обстоятельном сочинении Василия Павловича Зубова «Византийский архитектор (по данным литературных источников)», помещенном в томе его «Трудов по истории и теории архитектуры» (СПб, 2000).

Задумав храм намного больших размеров, нежели прежний, Юстиниан, дабы расширить площадь и расчистить место, скупил принадлежавшие частным лицам соседствующие строения, что потребовало изрядных расходов и сопровождалось разными трудностями. Эти трудности и затруднения позднее стали легендарными. Даже турки, искажив храм и снаружи, и внутри, сохранили множество таких рассказов. Очень они их удивили. Такие рассказы собрал проф. В. Д. Смирнов в книге «Турецкие легенды о св. Софии и о других византийских древностях» (СПб, 1898).

Юстиниан торопился, и как только место было расчищено, совершил закладку храма, лично поло-

жив первый камень. Под водительством Анфимия и Исидора состояло сто опытных мастеров, каждый мастер имел в распоряжении сто рабочих. Таким образом, над возведением храма усердствовали десять тысяч человек. Принимая живейшее участие во всем, что касалось храма, император отказался от послеобеденной дрёмы и каждый день посещал строительство. Впрочем, с таким же рвением он относился и к прочим начинаниям: в 529 г. наблюдал за составлением и изданием *Codex Iustinianum*, конфискацией имущества Платоновской академии в Афинах, в 533 г. вел христологические споры с монофиситами, издавал *Институции* и *Дигесты*, завоевывал вандалское царство и т. п. Деятельный был человек.

Желая соорудить невиданное, император разослал правителям провинций приказ разыскать самые ценные материалы и привезти оные в столицу для сооружения Богом хранимого дивного храма. Так, были присланы (римской патрицианкой Марцией) 8 колонн красного порфира из храма Солнца в Баальбеке, из Эфеса — 8 колонн гладкого зеленого мрамора, принадлежавшие храму Артемиды (который был одним из Семи чудес света и который якобы сжег Герострат). Из Нумидии был доставлен желтый мрамор, из Фессалии — крапленый зеленый мрамор. Гранитные колонны были вытесаны в Египте. Если зодчие Парфенона ценили в камне чистоту и белизну, которые потом закрашивались, то ромеи — многоцветность и причудливость естественного узора.

Всего в храме 107 колонн из ценных пород разноцветного камня. Осип Мандельштам, поминая эти колонны, конечно, поэтически «грешил» против подлинного состояния дел. Но на то и великая поэзия:

И всем векам — пример Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила эфесская Диана
Сто семь зеленых мраморных столбов.

Цифра 107 — магическая. Каждая из ста семи колонн носила имя одного из 107 ромейских патриархов, возглавлявших христианскую церковь до воздвижения храма. Каменные опоры, по замечанию Бориса Бродского, были как бы уподоблены «столпам Церкви».

Одним из главных ритуалов, совершавшихся в храме, кроме обычной литургии, была коронация императора патриархом. После установленного традицией действия ромейскому цезарю вместе с символом земной власти — золотым шаром (державой) — вручался символ тленности бытия — мешочек пыли.

В отличие от римских верховных властителей, ромейские не обожествлялись, — только уподоблялись солнцу. Когда патриарх возлагал на голову новоявленного государя корону, в глазах ромеев коронованный обретал космическую сущность. Византийский ритуал, начиная с великого князя Ивана III, сохранился и при московском дворе — вплоть до Петра Великого: недаром Москва называлась Третьим Римом, после первого и второго — Константинополя. Да и двуглавый орел в главном символе Российской империи — ромейский.

Павел Силенциарий начал поэму «Описание храма святой Софии», сложенную гекзаметром, с описания ночной иллюминации купола и мифологическим образом Фаэтона, сына Солнца-Гелиоса:

Все здесь дышит красой, всему подивится немало
Око твоё; но поведать, каким светозарным сияньем

Храм в ночи освещен, и слово бессильно. Ты молвишь:
Некий Фазтон сей блеск излил на святыню!..

(пер. с греч. С. С. Аверинцева)

Об этом великолепном куполе писали многие. В
20 в. это, конечно, Осип Мандельштам:

Айя-София — здесь остановиться

Судил Господь народам и царям!

Ведь купол твой, по слову очевидца,

Как на цепи, подвешен к небесам¹.

Чтобы облегчить тяжесть купола, был найден особый материал — кирпич из пористой глины, изготовлявшийся на о. Родос (Георгий Кодин. *De structura templi S. Sophiae*, 140–141). Действительно, огромный купол, вознесенный на высоту 55 м от пола, производил, «по слову очевидца» Прокопия Кесарийского, впечатление не лежащего своей тяжестью на субструкциях, а подвешенного на золотой цепи к небесам (*О постройках* I 1, 42–46). Пролет его 31,5 м, стрела подъема — сначала 8 м, после землетрясения 7 мая 552 г. — 14 м (при толщине в замке 0,6 м). В основании купол прорезан 40 окнами (4,6 x 1,6 м), простенки между ними имеют ширину в 1 м при глубине 2,6 м. Красивые цифры.

¹ Касательно этого стихотворения акад. С. С. Аверинцев отметил, что «Византия — эфемерная фантазия молодого человека, полного впечатлений, может быть, от лекции знаменитого византиниста Д. В. Айналова (как предположил бывший товарищ Мандельштама по университету В. Вейдле)... Слово «христианство» тоже введено в стихотворение о Нотр-Дам, в то время как Айя-София увидена как бы в стилизованной языческой перспективе — с точки зрения Артемиды Эфесской или ее поклонников, Юстиниан строит этот храм «для чужих богов» (С. С. Аверинцев. Поэты. М., 1996. С. 225–226).

Первоначально купол был гладким, при восстановлении сын Исидора — тоже Исидор — сделал его ребристым, увеличив прочность. В 989 г. армянский зодчий Трдат, автор кафедрального собора в Ани, выполнял в храме св. Софии ремонтные работы. В куполе красовался большой золотой крест, а в южном портале — лик Богородицы с младенцем на руках — между Константином Великим, который подавал ей город, и Юстинианом Великим, подносившим храм. Пожалуй, прав был немецкий искусствовед Ганс Зедльмайр: «Даже если выделить из мировой сокровищницы духовного творчества самое поразительное в смысле новаторства, то всего лишь два или три имени в архитектуре можно будет сравнить с именем Анфимия» (1933 г.).

Св. Софию освятили 27 декабря 537 г.: «Хвала Богу, удостоившему меня докончить такое дело! Я победил тебя, Соломон!» — воскликнул, обратив руки к небесам, растроганный император. Великолепие храма поражало воображение. Рассказывали, что Юстиниан хотел покрыть золотом все стены, но его удержали астрологи, сообщившие, что если он сделает это, преемники впоследствии ограбят храм и сруют его. Юстиниан опомнился.

Сохранилась благочестивая легенда. Как-то раз, во время обеденного перерыва, мастер Игнатий оставил на лесах смотреть за рабочим инструментом 14-летнего сына, запретив ему сходить с места. К юноше подошел некто в белых одеждах, похожий на евнуха, с горевшими огнем глазами, и спросил, почему остановлена работа, почему не спешат возводить, и приказал пойти позвать рабочих. Охраняющий ответил, что ему не велено покидать леса. Тогда незнакомец поклялся, что не сойдет с места,

пока юноша не возвратится. Спускаясь вниз, паренек встретил отца и поведал ему о странном евнухе. Тот поспешил к императору, обедавшему в это время в баптистерии, и рассказал обо всем. Юстиниан созвал придворных евнухов и предложил юноше узнать, кого из них он видел. Тот не признал. Тогда присутствующие поняли, что это был ангел. Юстиниан отослал юношу на далекие острова, приказав никогда не возвращаться в столицу, чтобы навсегда оставить связавшего себя клятвой ангела хранителем храма св. Софии.

После 1204 года «Константинополь, этот акрополь Вселенной, царственная столица ромеев, бывшая с соизволения Божия под властью латинян, снова очутилась под властью ромеев — это дал им Бог через нас», — такие слова мы читаем в автобиографии Михаила Палеолога, первого государя восстановленной в 1261-м году Византийской империи¹. Сохранилось показательное описание (экфрасис) Константинополя, сделанное возвращавшимся из Иерусалима паломником, бургундским рыцарем Бертрандоном де ла Брокьером, который посетил столицу Палеологов в начале 1430-х гг. Он хвалит хорошее состояние стен, особенно сухопутных, но указывает на некоторое запустение города. Например, поминает о развалинах и остатках двух дворцов, разрушенных, по преданию, одним императором, от которого этого будто бы потребовал турецкий султан. Де ла Брокьер осматривал кон-

¹ *Imp. Michaelis Palaeologi De vita sua opusculum*, VIII // Христианское чтение. 1885. Т. II. С. 556. Цит. по: А. А. Васильев. История Византийской империи: От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб, 1998. С. 271.

стантинопольские церкви и другие столичные объекты, присутствовал на торжественных службах, видел в храме св. Софии представление мистерии о трех еврейских отроках, брошенных Навуходоносором в огненную Вавилонскую печь¹ (вспомним сцену «пещного действия» в «Иване Грозном» С. М. Эйзенштейна), восторгался красою императрицы, которая была родом из Трапезунда, и поведал им-

¹ «Навуходоносор исполнился ярости, и вид лица его изменился на Седраха, Мисаха и Авденаго, и он повелел разжечь печь в семь раз сильнее, нежели как обыкновенно разжигали ее, и самым сильным мужам из войска своего приказал связать Седраха, Мисаха и Авденаго и бросить их в печь, раскаленную огнем. И как повеление царя было строго, и печь раскалена была чрезвычайно, то пламя огня убило тех людей, которые бросали Седраха, Мисаха и Авденаго. А сии три мужа ... упали в раскаленную огнем печь связанные. Навуходоносор царь изумился и поспешно встал... Тогда подошел Навуходоносор к устью печи, раскаленной огнем, и сказал: «Седрах, Мисах и Авденаго, рабы Бога Всевышнего! выйдите и подойдите!» Тогда Седрах, Мисах и Авденаго вышли из среды огня. И собравшись сатрапы, наместники, военачальники и советники царя усмотрели, что над телами мужей сих огонь не имел силы, и волосы на голове не опалены, и одежды их не изменились, и даже запаха огня не было от них. Тогда Навуходоносор сказал: «благословен Бог Седраха, Мисаха и Авденаго, Который послал Ангела Своего и избавил рабов Своих, которые надеялись на Него и не послушались царского повеления, и предали тела свои огню, чтобы не служить и не поклоняться иному богу, кроме Бога своего! И от меня дается повеление, чтобы из всякого народа, племени и языка кто произнесет хулу на Бога Седраха, Мисаха и Авденаго, был изрублен в куски, и дом его обращен в развалины, ибо нет иного Бога, который бы мог так спасти» (Дан. 3 : 19–29).

ператору, заинтересовавшемуся судьбой незадолго пред тем сожженной в Руане Жанны д'Арк, «всю правду» об «орлеанской девице»... Территория, признававшая власть последнего византийского императора Константина XI Палеолога, ограничивалась Константинополем с его ближайшими окрестностями во Фракии и большей частью лежавшего в стороне от столицы Пелопоннеса или Мореи, где правили государевы братья. Сильным и страшным врагом Константина был молодой, 21-летний турецкий султан Мехмет II, соединявший грубые порывы суровой жестокости, жажду крови, низменные пороки, склонность к науке (особенно астрологии) и образованию, энергию, военный, государственный и организаторский таланты; говорил, кроме турецкого, на пяти языках (может быть, и по-славянски). Ну, что мы хотим: это уже не какое-нибудь «мрачное средневековье» — XV век на дворе: Филиппо Брунеллески уже четверть века как воздвиг купол над флорентинским собором Санта Мария дель Фьоре, Иоганн Гутенберг в Майнце отпечатал т. наз. 42-строчную Библию, уже изобретена гравюра на дереве, уже умер Мазаччо, еще трудятся Гибберти, Донателло и Бенедикто Готтоли, а Леон Баттиста Альберти пишет *De re aedificatoria* — *Десять книг о зодчестве*. Именно перед таким человеком предстояло держать осаду византийской столицы благородному Константину XI.

23-го мая 1453 г. император посылает султану, стоявшему под стенами города, примирительную ноту: «Я восхваляю Бога, если ты захочешь жить в мире с нами, как жили твои праотцы; они относились к моим предшественникам с сыновним почтением, а к этому городу с величайшим уважением.

Кто бы из них ни обратился к нам, в беде он всегда находил у нас надежное прибежище, но кто бы ни поднял руку против нашего города, никогда не знал счастья. Удержи за собой как твои законные владения земли, несправедливо отнятые тобою у нас, назначь сумму дани, которую мы постараемся уплатить тебе ежегодно, и ступай с миром. Помни, что посягая на захват чужих владений, ты сам можешь стать добычей других! Сдать город — не в моей власти и ни в чьей здесь власти. Мы все приготовились умереть, и умрем без страха». Мехмет, прочитав, только ухмыльнулся.

Рано утром 24 мая император по обыкновению выехал осматривать позиции своего войска. В разных пунктах он сходил с лошади, поднимался на стены, наблюдая огромный огненный пояс, оцеплявший столицу; прислушивался к монотонному звуку барабанов и дикому шуму в турецком лагере. Константин и немногие другие храбрецы, разделявшие с ним бремя ответственности за оборону города, догадались, что это зрелище предвещает общий штурм. Говорят, что глядя на турецкую иллюминацию, император стоял молча, погруженный в задумчивость, между тем как слезы катились по его щекам: он их не стыдился. Ему вообще нечего было стыдиться, поскольку он отказался покинуть город и твердо решил исполнить царский долг до конца. Константинопольский люд ничего не знал о ликованиях и потешных огнях в турецком стане.

Некоторые граждане, возвращаясь из церкви со Всенощной, заметили внезапное появление красного света у основания купола св. Софии. Свет тихо скользил вверх и вокруг купола, покуда не достиг позолоченного креста. Там он помешкал несколько

мгновений, затем яркий отблеск стал бледнеть, подождал некоторое время над зданием храма и исчез. Словно Солнце, запоздавшее на западе, выглянуло снова из-за черной завесы ночи, чтобы приласкать лучом главный храм православного мира и приветствовать сиянием крест, которому вскоре было суждено быть замененным на полумесяц. Позднейшие историки считают, что это было не более как отражение ярких огней турецкого лагеря, которых не могли видеть горожане, стоя на улице. Два очевидца этого события, Николай Барбаро и автор *Славянской хроники*, говорят, что граждане, видевшие свет на куполе св. Софии, прониклись страшным предчувствием. Барбаро описывает эту сцену, как бы похожую на лунное затмение, и напоминает народу старинное пророчество, согласно которому город должен пасть в те дни, когда Луна покажет знамение. По *Славянской хронике*, монахи истолковали это событие таким образом: «Святое сияние, осенившее храм св. Софии, и ангел, которого Господь приставил во времена императора Юстиниана стеречь святую церковь и город, в эту ночь отлетели на небо среди сияния, виденного многими. То было знамение, что Господь передает город в руки врагов».

Мне непонятно сомнение Чедомила Миятовича, автора специальной книги о падении Константинополя, основанное на его недоверии к Божьему знамению, тем более что дальнейшее его повествование опровергает неуверенность в знаковой истинности происшедшего. В Библии имеем сходное свидетельство: Иисус Навин избавляет гаваонитян из руки пяти аморрейских царей и поражает их, повелевая Солнцу и Луне остановиться. «Иисус воззвал к Господу в тот день, в который предал Господь Аморрея

в руки Израилю, когда побил их в Гаваоне, и они побиты были пред лицом сынов израилевых, и сказал пред израильтянами: стой, Солнце, над Гаваоном, и Луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось Солнце, и Луна стояла, доколе народ мстил врагам своим. Не это ли написано в книге Праведного: «Стояло солнце среди неба, и не спешило к западу почти целый день?»» (*Нав.* 10 : 12–13). За четыре дня до падения Константинополя Господь ниспослал его жителям знамение, выражавшее Его волю, пути Которой неисповедимы.

25 мая военный совет собрался очень рано под председательством Константина. Слова патриарха Григория, настаивавшего на оставлении императором города, глубоко тронули присутствующих, а удрученный тем, что даже верховный пастьер потерял надежду спасти Византию, император, придя в чувство после обморока, обратился к присутствующим: «Друзья мои, если угодно Богу, чтобы город пал, то можем ли мы избежать Его гнева? Сколько императоров до меня, великих и славных, должны были страдать и умереть за свое отечество! Неужели я буду единственным, который убежит от него? Нет, я останусь и умру здесь, вместе с вами». Наверное, Константину припомнились слова, по преданию, обращенные императрицей Феодорой к супругу, Юстиниану Великому, во время бунта «Ника» в январе 532 года: для императора пурпурная порфира и есть его саван.

По свидетельству *Славянской летописи*, вечер 28 мая был пасмурный и мрачный: по мере наступления ночи темные, грозные тучи стали собираться над городом, точно покров, брошенный с неба на этот великий мавзолей из мрамора и золота. Штурм

города начался 29 мая около 2-х часов ночи, и около 8 часов утра Константинополь был во власти турок. Султан Мехмет, днем въехав в захваченный город, запретил разрушать храм св. Софии, а тело императора, найденное среди горы трупов и обезглавленное янычаром, велел греческому духовенству похоронить со всеми почестями, которые подобают императорскому сану. Чтобы еще более показать уважение к Константину, Мехмет приказал, чтобы масло на лампаду, которая теплилась на его могиле, покупалось из его собственной казны. Голова Константина была выставлена некоторое время на порфировой колонне, стоявшей на площади перед императорским дворцом. «Поблизости от мечети Веффы, — патетически писал в 1895 году Чедомил Миятович, — во дворе, окруженном жильем и лачугами бедных мастеровых, стоит старая ива, ветви которой обвиты ползучими розами и диким виноградом. В тени дерева лежит белая мраморная плита без надписи, в изголовье которой теплится лампада, зажигаемая каждый вечер. Это место должно быть священо для каждого, кто уважает верность долгу и патриотизм и кто питает сочувствие к мужественному герою этой великой исторической трагедии. Мраморная плита покрывает останки греческого императора, патриотичного и доблестного Константина»¹.

¹ Ч. Миятович. Константин, последний византийский император, или Завоевание Константинополя турками (1453 г.). СПб, 1895. С. 211.

См. также новейшее издание: Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году / Под ред. Я. Н. Любарского и Т. И. Соболя. СПб: Алетей, 2006.

Так политические и исторически закончилась Византия. Но территория ее столицы, постепенно то ли переделываясь, то ли приходя в запустение, осталась той же территорией, и потому константинопольский храм Софии Премудрости Божьей породил множество подражаний. В середине 16 века гениальный турецкий зодчий Коджа Мимар Синан (1489–1600?), по-своему развивая планировочную традицию храма св. Софии, создает в Константинополе (уже — Стамбуле) мечети Шах-Заде (1548 г.), Сулеймание (1550–1557 гг.) и в Адрианополе — мечеть Селимие (1569–1575 гг.), а его ученик, бывший янычар Мехмед-ага, — стамбульскую мечеть Ахмедие (1609–1617 гг.).

Но храм св. Софии все равно лучший.

КОРИНФ

На перешейке между средней и южной Грецией, меж двух морей — Эгейским и Ионическим — был город Коринф (Korinthos) с гаванями — Кенхрейской и Лехейской — на обоих морях. Городская крепость возносилась на неприступной скале так высоко, что с нее можно было увидеть с одной стороны Афины за широким проливом, с другой — Парнас над далекими Дельфами. Через город, лежащий на западной части Пелопоннесского перешейка, шли пути и сухопутные (с юга на север), и морские (на запад и восток). Его экономический подъем, начавшийся уже в древности, вне сомнения, связан со стратегически выгодным положением на перешейке, разделяющем два греческих моря. (Недаром Платон говорил, что греки расселись вокруг моря, как лягушки вокруг болота.)

По мифу, основателем города был Сизиф (Сисиф), вызвавший гнев богов и в наказание вынужденный закатывать на гору камень: *сизифов труд* (по одному из вариантов мифа гора эта — Акрокоринф). В действительности, место было обитаемо еще в эпоху неолита, а в 7–6 вв. до н. э. Коринф, основавший колонии на Керкире, в Потилее и Сиракузах, достиг апогея. Им правили могущественные тираны Бакхиады, Кипсел и Периандр.

Так, в 657–627 гг. до н. э. в Коринфе царствовал тиран Кипсел, при котором город ощутил экономический, политический и культурный расцвет. С Кипселем связана красивая легенда. У одного из Бакхиадов была хромая дочь Лабда. Ее никто не хотел брать в жены, и поэтому ее выдали за крестьянина. Когда родился сын, Лабда послала к оракулу спросить о его судьбе. «Камень тобою рожден: раздавит он лучших в Коринфе», — ответил оракул. Бакхиады испугались и, решив умертвить младенца, послали к Лабде в деревню десятерых солдат. Посланные сговорились: кому первому она даст ребенка, тот и ударит его головой о камень. Лабда радостно вынесла мальчика навстречу убийцам, но ни один из них не смог исполнить приговор: так он доверчиво им всем улыбался. Но когда Лабда унесла ребенка в дом, мужи устыдились своего малодушия и решили все-таки исполнить приказание. Мать, услышав их сговор, спрятала ребенка в ларец, и таким образом спасла (по-гречески *кипсел* значит ларец). Выросши, Кипсел узнал про оракула и захватил власть, перебив всю городскую знать. «Благословен, о Кипсел, ты и дети твои, но не внуки», — продолжали ему пророчествовать из Дельф.

В 625–585 гг. до н. э. правил его сын, тиранн Периандр (греч. *пери* — со всех сторон, *андр* — муж; то есть *со всех сторон муж*), который, считаясь одним из Семи мудрецов и продолжая политику отца, ликвидировал многие родовые пережитки и развернул обширное строительство. Он отличался жестокостью и был убит — старый и всеми ненавидимый — по собственному приказу. Его сын, внук Кипсела, Ликофрон рассорился с отцом, который умертвил любимую жену Мелиссу, и после нескольких пери-

петий сам был убит, так и не став коринфским царем. Во время правления Периандра жил в Коринфе прославленный поэт Арион, с именем которого связана легенда — дельфин, зачарованный пением Ариона, вынес его на берег, — вдохновлявшая поэтов (см. «Арион» Пушкина).

Постоянным соперником Коринфа на море были Афины, сумевшие в эпоху спартанской гегемонии его подчинить.

В 52–53 гг. в Коринфе полтора года жил и проповедовал св. апостол Павел, которому предстояло вывести христианство из палестинско-арамейского захолустья на просторы Средиземноморья. Уехав отсюда, возмущенный сектантством коринфян, в 57 г. ап. Павел сочинил (в Эфесе) два учительных «Послания к Коринфянам». В память о св. апостоле был воздвигнут собор св. Павла, а «Послания» вошли в канонический состав Нового Завета. Считается (Л. А. Беляев), что выбор ап. Павлом Коринфа для проповеди мог иметь глубокий смысл: именно отсюда управляли Грецией (римляне уничтожили город в 146 г. до н. э., но в 44 г. до н. э. Юлий Цезарь вывел сюда колонию римских ветеранов). Новый Коринф быстро сделался провинциальной столицей и крупнейшей римской метрополией в Греции, которая в шесть раз превосходила по численности населения любой иной греческий город. Коринф был центром служения обожествленному императору и перекрестком потоков населения, товаров, ценностей и идей со всего Средиземноморья. План города-колонии и новые римские дороги, связавшие города и порты Коринфии, выказали успех римского градостроения.

Во время посещения ап. Павлом Коринф был местопребыванием римского проконсула Галлиона

(брата Анея Луция Сенеки), но в цветущие дни своего существования город был уже сильно развращен: безнравственность его жителей стала притчей. Истмийские игры и разные зрелища привлекали в Коринф толпы веселых чужеземцев, а при храме Венеры находилась тысяча жриц, предававшихся известному ремеслу в честь римской богини. Самые низкие страсти боготворились в лице языческих богинь в том самом городе, который был колыбелью архитектурного величия и самой античности, и позднейшей эпохи европейского классицизма благодаря находке коринфского ордера. Дело в том, что так называемые новые столицы — Александрия в Египте, Антиохия в Сирии, Пергам в Малой Азии — предъявляли художникам несколько иные требования, нежели это было в Греции. В архитектуре заказчиков не удовлетворяли ни простота дорического ордера, ни грациозность ионического: предпочтение отдавалось колонне с капителью новой формы, появившейся в начале 4 в. до н. э. и получившей название от города Коринф — коринфская. Но и это не всё.

Пресловутая бочка, в которой возлежал и грел на солнышке бока знаменитый аскет-киник и первый космополит Диоген Синопский, служила самым красноречивым протестом против неумной похоти, тщеславия и роскоши. Правда, Диоген был юродивым, и потому оставил по себе множество анекдотов. Их собрал его тезка Диоген Лаэртский в сочинении *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* (конец 2 — начало 3 вв.). Вот один из них: когда Диоген однажды загорал, Александр Македонский, остановившись над ним, сказал: «Проси у меня, чего хочешь»; Диоген отвечал: «Не заслоняй мне солнца» (VI 38). Или вот: когда Пла-

тон дал определение, имевшее большой успех, что человек есть животное о двух ногах, лишённое перьев, Диоген ощипал петуха и принес в Академию со словами: «Вот платоновский человек!» (VI 40). Платон его назвал безумствующим Сократом. Когда Диоген умер 90 лет от роду (кстати, в один день с Александром Македонским), его похоронили у городских ворот, ведущих к Истму.

Консул Муммий в 146 г. до н. э. сжег Коринф, а Юлий Цезарь восстановил и, сделав римской колонией, населил вольноотпущенниками и ветеранами, тем инициировав экономический рост.

Но во 2–1 вв. до н. э. греческий поэт Антипатр Сидонский оставил жалобную эпиграмму «Нереиды на развалинах Коринфа»:

Где красота твоя, город дорийцев, Коринф величавый,
Где твоих башен венцы, прежняя роскошь твоя,
Храмы блаженных богов, и дома, и потомки Сизифа —
Славные жены твои и мириады мужей?
Даже следов от тебя не осталось теперь, злополучный.
Все разорила вконец, все поглотила война.
Только лишь мы, Нереиды, бессмертные дочери моря,
Как алькионы, одним плачем о доле твоей.

(пер. с др.-греч. А. Н. Блуменау)

Другой представитель александрийской поэтической школы, Полистрат, тоже комментировал гибель Коринфа:

Акроринф величавый ахейцев, светило Эллады,
Как и Истмийский двойной берег, дотла разорен
Луцием. Кости умерших, разбитые копьями, кроет
Груда большая одна нагроможденных камней.
Так отомстили ахейцам за гибель Приамова дома
Внуки Энея, лишив их погребальных торжеств.

(пер. с др.-греч. А. Н. Блуменау)

Какие бы невзгоды ни посещали город, свободный нрав его жителей в сторону целомудрия не изменился: силен был культ Афродиты. Женская скромность сделалась почти неизвестной, а название коринфянка стало синонимом барышни свободных нравов. Это подтверждает сюжет «Коринфской невесты» — поэмы Иоганна Вольфганга Гёте (1797 г.) — описание чудесного происшествия, найденное Гёте у позднегреческого писателя 2 века Флегонта из Тралл (вольноотпущенника императора Августа, автора исторической хроники «Олимпиады» и двух сборников: *О невероятном, или Удивительные истории* и *О долголетних людях*; его сочинения дошли в отрывках), и служит для противопоставления жизнелюбия языческих верований суровому аскетизму христианства. Некая коринфская барышня с младенчества была обещана некоему афинскому юноше. Юноша прибывает в Коринф, останавливается в ее доме, укладывается спать, и ночью вдруг узнает, что его девушка обречена на гибель:

На одре болезни роковой
Поклялася мать
Небесам отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!

(пер. с нем. А. К. Толстого)

Мать — христианка, и потому в доме:

Одному Распятому хвала!
Агнцы боле тут
Жертвой не падут,
Но людские жертвы без числа!

Однако молодой афинянин одерживает верх и лишает барышню невинности. Тут, как всегда не-кстати, за дверью проходит (умирающая) мать и

слышит сладострастные звуки. Отперев дверь, она застаёт молодежь в бурном веселии, и только собирается произнести слово порицания, как девушка тут же переходит в наступление:

Мать, о мать, нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
С этой теплой ты меня постели
В мрак и холод снова гонишь прочь?
Затем она просит мать:
Костёр воздвигнуть нам, чтобы вместе с любимым
В пламе, в искрах мы
К нашим древним полетим богам!..

Апостолу Павлу действительно было чем заняться: врачевать моральные язвы коринфян и личным примером, и эфесскими посланиями. Современный исследователь античной проституции, Е. Дюпуи, отмечал, что из всех проституток Греции наибольшей известностью по продажности пользовались коринфские матроны, у которых культ проституции достиг высшей меры. «В этом городе, — пишет Дюпуи, — почти все женщины занимались проституцией; все дома представляли в большей или меньшей степени диктерионы: все население приносило жертвы Венере. Искусство, с которым они обирали чужеземных купцов и мореплавателей, стало просто легендарным». Гораций описывает его в знаменитом стихе из послания к Сцеве: *Non cuivis homini contingit adire Corinthus* (Не всем смертным можно отправляться в Коринф). Афинские куртизанки изучали ремесло именно в Коринфе. Теория и практика обольщения были на высоте: вызывающие позы, вздохи, специфический смех, взгляды, полные томности и обещания, и т. д. Не отставали от них и эротические поэты, переводить которых нынче не столь-

ко «неловко», сколько трудоемко: то многое, чем славен древний мир, нам просто неизвестно.

Главным божеством Коринфа был Нептун: это и понятно, поскольку город приморский. В честь Нептуна имелся специальный источник. Храмов и статуй в Коринфе было так много, что светские историки свидетельствовали о нем как о светиле и украшении всей Греции. Руины античного Коринфа, в непосредственной близости от современного городского центра, и ныне находятся у величественного утеса Акрокоринф (575 м над уровнем моря).

В 1358 г. городом овладели франки; в 1395 г. при императоре Мануиле II Палеологе ромеи сумели его отбить, но пятью годами позже уступили Ордену рыцарей-госпитальеров (Мальтийский орден). В 1458 году Коринф захвачен турками, и лишь в 1822-м он вновь стал греческим.

Один из путешественников, посетивших Коринф в 1821 г., пишет, что небольшое число обитателей состоит преимущественно из солдат, и что хотя еще и были налицо величественные развалины, они быстро исчезали, так как турки из обломков древних капителей и колонн строят себе дома (турки и в Греции турки!). Во время греческого восстания город так часто подвергался нападениям, что в нем не осталось ни одной колонны коринфского ордера, — и это в городе, по имени которого этот ордер был назван! Осталось семь колонн храма Аполлона (6 в. до н. э.), да и те дорические. Руины с коринфскими капителями, которые мы видим на современных фотокарточках, — дело рук реставраторов, навезших их из разных мест.

Кстати, об изобретении коринфской капители есть забавная история (конечно, легендарная), по-

веданная Витрувием в *Десяти книгах об архитектуре* (*De architectura libri decem*, 1 в. до н. э.): «одна девушка, гражданка Коринфа, уже достигшая брачного возраста, заболела и умерла. После похорон ее кормилица, собрав несколько вещичек, которые эта девушка берегла при жизни..., уложила их в корзинку, отнесла к гробнице и поставила на могилу, а чтобы они подольше сохранились под открытым небом, покрыла их черепицей. Эта корзинка случайно была поставлена на корень аканфа. Тем временем, с наступлением весны корень аканфа, придавленный этой тяжестью, пустил из своей середины листья и стебельки, которые, разрастаясь по бокам корзинки и прижимаемые в силу тяжести углами черепицы, принуждены были загнуться в виде оконечностей волют. В это время [архитектор] Каллимах..., проходя мимо гробницы, обратил внимание на нежность обвивших ее молодых листьев. Восхищенный видом и новизною формы, он сделал для коринфян несколько колонн по этому образцу, определил их соразмерность и установил с этого времени правила для построек коринфского ордера» (IV 1, 10). Человек любит сказки, а сказка, отраженная в камне и овеванная материей тысячелетней традиции, вообще бессмертна.

Позднее в Коринфе Немецким археологическим институтом были начаты раскопки, продолженные Греческим археологическим обществом и американцами. Археологи извлекли на свет множество остатков колонии ветеранов Юлия Цезаря, но очень мало — доримского времени. Среди последних, впрочем, на агоре (главной площади) главенствует храм Аполлона, который 38-ю монолитными колоннами послужил образцом для храма Парфе-

нона. Дорога Лехайон (Лехио), с портиками, лавками и общественными банями по сторонам, соединяла агору и древний порт. К западу от монументальных ворот — фонтан Пирины, один из самых пышных памятников императорской эпохи. Он назван по имени мифологической героини, которая, пролив много слез над мертвым сыном, вполне логично обращена Артемидой в источник. Недалеко от фонтана — ионическая колоннада периболы Аполлона (1 в. до н. э.), к северу от которой раскопаны термальные бани Эврикла, воспетые Павсанием. К западу от дороги Лехайон — руины римской базилики. В центре агоры, ограниченный с юга фундаментами стой, возвышается бема (мраморный постамент), с которой римские чиновники обращались к народу, а также проповедовал ап. Павел. Самый значительный памятник агоры — храм Октавии, обожествленной римской императрицы.

Из акрополя, укрепленного средневековыми фортификациями, открывается захватывающая дух панорама. Здесь же, на самой высокой точке этой природной цитадели, — остатки храма Афродиты, богини, столь ценимой в этом веселом и далеком от ханжества истинно греческом городе.

МИКЕНЫ

После Коринфа дорога покидает побережье Ионического моря, и примерно через час лихой езды вглубь Пелопоннеса можно добраться до древнего города Микены, находящегося (по древнегреческим масштабам) далеко от моря — в 30 км.

Между двумя тяжеловесными горами распластались грозные крепостные стены, сложенные из огромных блоков грубых неотесанных камней. Все производит впечатление древности и силы: тяжелой, коренастой, злобной.

Этот город — некогда каменное гнездо-крепость свирепых и бесстрашных людей, гнездо разбойничья, где «меднобокие мужи» копили в темных высеченных в скале подземельях отнятое в бою золото, а под низкими навесами маленьких внутренних дворов с монотонной песней рабыни ткали одежды владыке и его войску. Плети высушенной ежевики да ветер — вот спутники современного туриста.

Греческий поэт Алфей уже в I в. до н. э. писал про Микены:

Стали пустынное вы всякого пастбища коз.

Вас пастухи только знают. «Здесь некогда золотом обильный,
Город киклопов стоял», — молвил мне старец один.

(пер. с др.-греч. А. Н. Блуменау)

Этнический состав Греции в III тыс. до н. э. был

пёстрым: пеласги, лелеги и пр., которых оттеснили и ассимилировали протогреческие племена — ахейцы и ионийцы. Первые государства «ахейских мужей» (Кносс, Фест, Микены, Тиринф, Пилос и др.) образовались в начале II тыс. до н. э., в «эпоху бронзы». Хотя век «бронзовый», все переводчики Гомера пишут не о бронзе, но о меди, а Илиада — эпилог «бронзового века» и пролог «железного» (М. А. Гаспаров).

Микены (Мусенае) возникли в долине реки Инах (Инахос), у северо-западного края богатой долины Аргоса, в географически выгодном месте: опоясанные ущельями Кокоретсас и Ховос, под укрытием гор Агиос Илиас и Зара, Микены укреплены самой природой. В продолжение четырех столетий (17–13 вв. до н. э.) этот город был самым могучим в Греции. Именно в Микенах обрела почву богатая критская культура, поэтому ее стали называть позднее крито-микенской.

Мифы повествуют, что город был заложен Персеем, сыном Зевса и Данаи, а его стены из огромных камней возвели циклопы вроде Полифема. Потому кладка называется «циклопической», а сами циклопы обязаны городу мифом о своем существовании. Царство попало в руки Атрея (смирителя коней) и Фиеста, детей Пелопа, нашедших в городе прибежище. Атриды положили начало знаменитого, но злосчастного рода, заслужившего гнев богов после мрачной трапезы, за которой Атрей угостил соперника-брата мясом его детей.

Очарование Микен обессмертил Гомер, воспевавший царство другого, самого известного микенского властителя, — Агамемнона и его «златообильный» и «многолюдный град». «Пространно-властительный

пастырь народов», коварный и кровожадный (правда, иногда поигрывавший на лире) «мощный сын Атрея» Агамемнон — царь Микен и Аргоса, брат спартанского царя Менелая. Менелай был мужем Елены, организовавшим поход на Трою, чтобы вернуть похищенную троянцем Парисом супругу. Под Троей Агамемнон был верховным вождем союзного ахейского войска. В день возвращения из-под Трои был коварно (и бесславно) убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгисфом, сыном Фиеста, который был воспитан при дворе своего дяди Атрея (однажды поручившего ему убить отца), которого Фиест потом умертвил. Агамемнон и Менелай после смерти Фиеста изгнали своего двоюродного брата из Микен, однако во время Троянской войны, когда Агамемнон отсутствовал, Эгисф вступил в связь с его женой Клитемнестрой и вместе с ней убил царя по его возвращении в Микены. И Клитемнестра, и Эгисф пали от руки сына Ореста, отмстившего за отца (судьба и Ореста, и Клитемнестры — сюжет античных трагедий). Правда, Агамемнон тоже не был целомудрен: его пленницей и наложницей в Трое стала Кассандра, дочь царя Приама, предостерегавшая Париса от похищения Елены (но ее, как заведено Аполлоном, никто не послушал).

О смерти же Агамемнона, столь показательной для проклятого богами рода Атридов, первым после Гомера (и Стесихора в *Орестее*) написал трагик Эсхил (*Агамемнон*, ст. 855–1576), последним — в тетралогии 1941–1946 гг. «Атриды» — лауреат Нобелевской премии Герхард Гауптман («Смерть Агамемнона»).

Эсхил принял более позднюю версию поэта Стесихора, и убийство Агамемнона приписал одной

только Клитемнестре. К тому же он перенес место действия из Микен в Аргос. Дело было так: когда Агамемнон шел на Трою, он, дабы добиться попутного ветра своим кораблям (список которых — у Гомера во второй песне Илиады), вынужден был принести в жертву богине Артемиде дочь Ифигению. И вот когда победивший троянцев Агамемнон вместе с пленницей Кассандрой возвратился на колеснице к микенскому дворцу, его льстивыми словами напыщенно приветствует Клитемнестра. Кассандра в порыве пророческих видений говорит о близкой смерти и своей, и Агамемнона. Через несколько мгновений после того, как царь с Кассандрой вошли во дворец, раздались предсмертные вопли Агамемнона (А. Ф. Лосев отмечает, что греческая трагедия избегала убийств на сцене). На сцену выбегает Клитемнестра с забрызганной кровью секирой и возвещает, что «порешила» мужа и его любовницу в отместку за жертвоприношение Ифигении. Хор потрясен, стонет и возлагает надежду, что еще жив Орест, способный отмстить за отца. Мучения Ореста, вынужденного (через десять лет) убить мать, Эсхил описал в трагедии *Хоэфоры*, а суд над Орестом — в трагедии *Эвмениды*. Получилась занимательная трилогия *Орестея*, поставленная на афинской сцене в 459 г. до н. э.

Богатство «скиптроносца» Агамемнона и его заметное положение среди греческих вождей отражают возвышение Микен в 14–12 вв. до н. э. и их господствующую роль среди ранних государств Пелопоннеса. В. Н. Ярхо показал, что ритуальный эпитет «Зевс-Агамемнон» свидетельствует о «владыке мужей» как о полубожественном герое-покровителе ахейцев, функции которого с образованием

олимпийского института богов (пантеона) перешли к настоящему Зевсу.

В 11 в. до н. э., после двух — один за другим — сокрушительных дорийских набегов, микенская цивилизация пришла к упадку. Участвовавшие в персидских войнах, в 486 г. до н. э. Микены были захвачены аргивянами (аргосцами), а затем римлянами. Так Микены погибли в огне. — «Аргивяне обратили микенцев в рабов, десятую часть их посвятили богу, Микены сравнивали с землей. Таков конец этого города, который в древности был цветущим, имел великих мужей и совершил достопамятные деяния и который до нашего времени не был заселен вновь», — сокрушался Диодор Сицилийский (XI 65).

В 1874–1876 гг. Генрих Шлиман (вместе со второй женой, гречанкой Софией, и коллегой Вильгельмом Дёрпфельдом) раскапывал давно забытые микенские гробницы в надежде найти захоронения героев гомеровского эпоса. Он обнаружил большое число золотых предметов, среди которых — т. наз. «маска Агамемнона» (Национальный музей в Афинах), множество надгробных стел и эпиграфических памятников. В 1877 г. грек К. Стаматакис открыл шестую царскую гробницу, а в 1876 г. он закончил раскопки т. наз. «Сокровищницы Атрея». Всего в Микенах найдено 9 купольных гробниц. Открытия Шлимана (и Дёрпфельда) и Стаматакиса 1870–1880-х гг. доказали, что Троя, Микены и ахейские цитадели вовсе не легендарны. Шлимановых современников поразили буквальные соответствия ряда его находок в четвертой шахтной гробнице в Микенах с описаниями у Гомера. Впечатление было столь мощным, что эпоха Гомера надолго стала ассоциироваться с периодом расцвета Ахейской Гре-

ции в 14–13 вв. до н. э. В *Илиаде* и *Одиссее*, помимо того, прослеживаются многочисленные археологически засвидетельствованные черты культуры «героического века», как, например, упоминание о железных орудиях и оружии или обычай кремации. Начиная с 1880 г. раскопки в Микенах ведутся методично.

Полная перестройка цитадели относится к 14–13 вв. до н. э. Помимо стены (длиной около километра и толщиной в 6 м), в крепости находился дворец, зернохранилище и дома богатеев. Несложный план дворца организован вокруг большого двора, окруженного коридором, и палатами, из которых через тронный зал, прихожую и портик можно попасть в мегарон. Благородный и богато украшенный мегарон имел четыре колонны, окружавшие очаг, выложенный из расписного стукко. Микенские живописцы любили изображать сцены охоты и воинских ристаний, потому фрески дворца отражают характерные черты жизни воинственных ахейских бонз. В стене было двое ворот: Львиные на западе и Задние на севере. Именно через Задние ворота, согласно мифу, спасся бегством Орест, убивший преступную мать и замкнувший, таким образом, трагическую судьбу Атридов. От восточной части, пристроенной в 1200 г. до н. э., потайная лестница вела к подземному водохранилищу, снабжавшемуся водой из источника Персейи.

Самое примечательное, на что глядят в Микенах туристы, это, конечно, Львиные ворота, названные так по рельефу на архитраве: львицы лапами опираются на двойной алтарь с колонной в центре, олицетворяя могущество династии Атридов. Квадратный проем 3 x 3 м обрамлен четырьмя гигантскими блоками, из которых нижний — порог. Большой блок

(перемычка над пролетом) повышается к середине; при длине в 4,5 м его вес — около 20 т. Возможно, ворота имели две створки и закрывались с помощью скользящей балки, что можно предположить по наличию отверстий на косяках.

Другим главным объектом, привлекающим внимание, является купольная гробница, которую Павсаний именовал «Сокровищницей Атрея», а Шлиман — «гробницей Агамемнона». Это толос (круглый зал) высотой в 13,2 м и диаметром 14,5 м, в который ведет специальный коридор (дромос) шириной 6 м и длиной 36 м. Можно долго говорить о развитии погребальных камер микенской эпохи, но нам важно констатировать, что «Сокровищница Атрея» — значительный памятник мировой архитектуры, равных которому среди купольных построек не было вплоть до возведения Аполлодором Дамасским римского Пантеона (ок. 125 г.).

Именно в Арголиде мог быть подхвачен и развит строительный опыт древнейшего периода греческой культуры — крито-микенского, поскольку перед глазами аргосских мастеров еще маячили остатки многих сооружений «раньшего» времени. Эти мастера могли видеть микенскую (эгейскую) колонну не только на 11-метровом фасаде гробницы Агамемнона или на рельефе Львиных ворот, но и во многих еще сохранявшихся тогда, но не дошедших до нас постройках.

Остается одно: удивиться вместе с Осипом Мандельштамом —

Куда плывете вы?

Когда бы не Елена,

Что Троя вам одна, ахейские мужи?

МИЛЕТ

Хотя среди семи городов, соревновавшихся за именование «мудрого корень Гомера» (Смирна, Родос, Колофон, Саламин, Хиос, Аргос и Афины), Милет не числится, у него есть все основания быть первым во многом другом. Этот малоазиатский городок в Ионии (между Приеной и Галикарнасом), больше других античных городов пребывающий в руинах, гораздо более прочих может гордиться первенством в сложении античной культурной традиции. Ведь он, некогда главный город Ионии, раньше называвшийся Лелегендой, Питиусой и Анакторией, — «матерь более девяноста городов, основанных на всех морях» (Плиний Ст. *Hist. Nat.* V 29, 31).

Древнегреческая философия, представленная именами, в первую очередь, Платона и Аристотеля, зародилась не в древней материковой Греции, не в Афинах (хотя Платон и Аристотель — афиняне), а в Милете: среди Семи мудрецов (которых то ли девять, то ли двенадцать) всегда упоминается Фалес Милетский, первый из первых. Архитектурная практика обязана одному видному милетцу 5-го в. до н. э. — зодчему Гипподаму Милетскому — зарождением градостроительной «гипподамовой системы». Гипподам внес в хаос античного города строгость логического построения, изобретя т. наз.

«шахматную» планировку, когда улицы пересекаются под прямым углом. (Принципы регулярной планировки роднят Милет не только с Пиреем, Фурием и Родосом, но с Нью-Йорком и Барселоной.) Впрочем, самый прием выработался, похоже, раньше, в 7 и 6 вв. до н. э. Но в лице Гипподама он обрел своего теоретика, и его родной город был распланирован «по Гипподаму» (после 479 г. до н. э.). Милетские кварталы имели размеры 51,6 x 29,5 м (175 x 100 футов), и в пределах города были неизменны, за исключением случаев примыкания их к площадям, занятым общественными постройками. Кварталы (по 1520 м²) имеют сильно удлиненную форму, и поэтому перерезаны переулками, размеры которых не всегда одинаковы. Рыночная площадь в Милете занимала шестнадцать кварталов (в Приене — всего два).

Среди философских школ античного мира милетская (или «ионийская») школа — одна из первых. Второй историки называют элейскую школу, но город Элея находится на противоположном берегу Средиземного моря — на Апеннинах, в Южной Италии. Между Милетом и Элеей лежала тогда еще архаическая Греция — Балканы и Пелопоннес. Они сошлись в мудрости классического грека. Фалесу Милетскому (640–564 гг. до н. э.) приписывают выражение: «Ни за кого не ручайся». Над ним смеялись, что он не может совладать с земными заботами и потому притворяется, что занят небесными. Обиженный философ, чтобы проучить насмешников, рассчитал по приметам и «звездам», когда будет большой урожай оливок, загодя скупил все окрестные маслодавильни и, когда урожай случился и маслодавильни понадобились, нажил состояние (Аристотель. *Политика* А IV 4, 1259 а 6–30). Види-

те, — издевался над простецами мудрец, — разбогатеть философу легко, но неинтересно. Он был торговцем, ездил в Египет, набрался там «мудрости древних» (для древних греков египтяне сами были «древними») и исчислил высоту пирамид. Предсказал солнечное затмение 585 г. до н. э. во время битвы медов с лидийцами, доказал несколько геометрических теорем (помните: в равнобедренном треугольнике углы при основании равны), придумал метод вычисления расстояний до недоступных предметов и считал, что Луна получает свет от Солнца.

Фалес был основателем «милетской школы» философии — собственно, трех древнегреческих натурфилософов и естествоиспытателей 6 в. до н. э.: себя, Анаксимандра и Анаксимена. Многообразие явлений и вещей он сводил к единой основе-первоначалу, которым считал воду. Именно с имени Фалеса Евдем начинает историю астрономии и геометрии, а Аристотель — историю метафизики. Так, Стагирит приводит 4 тезиса, которые восходят к учению Фалеса: все произошло из воды; земля плавает по воде как бревно; все полно богов, или душа размешана во вселенной; магнит имеет душу, поскольку движет железо (*О небе* II 294 а 25–35). Эллины признали Фалеса дважды мудрейшим среди них. Действительно, ведь это Фалес сказал: «Старше всего — бог, ибо он вечен. Прекраснее всего — мир, ибо в нем все строго. Разумнее всего — время, ибо оно всему учит. Неотъемлемей всего — надежда, ибо она есть и у тех, у кого больше ничего нет. Полезнее всего — добродетель: с нею все на свете хорошо. Вреднее всего — порок: с ним все на свете плохо. Сильнее всего — неизбежность, ибо она всем властвует. Легче всего — мера, ибо без меры даже

наслаждение бывает в тягость». Ученик Фалеса Анаксимандр был автором первого философского сочинения на греческом языке *О природе* (впрочем, тогда каждый пишущий философ называл свой главный трактат *О природе*; даже Платон диалог *Тимей* подзаглавил *О природе*), предложил геоцентрическую модель космоса, составил первую географическую карту и высказал идею о происхождении человека «от животного другого вида» — от рыбы. Он придумал понятие для обозначения беспредельной материи — апейрон — материальный элемент, несводимый ни к какому другому, все в себе содержащий и всем управляющий. Учеником Анаксимандра в свою очередь был Анаксимен, который первоначально вещей считал воздух, из сгущения и разрежения которого вещи и возникают.

Еще в Милете в 6 в. до н. э. жил логограф (греч. писатель-прозаик, точнее — историк) Гекатей Милетский¹. Он создал на ионийском диалекте много разных трудов и прославился как политик: сочинил *Кругосветные путешествия* (описание стран Европы и Азии) и 4 книги *Генеалогий* (в которых изложена история благородных греческих родов). В исторических трудах Гекатея широко использовал мифы, легенды и сказки, часть из которых переделал (в частности, мифы о Геракле); оказал влияние на Геродота в приеме изложения: взаимосвязь географии, этнографии и истории.

Нелишним будет вспомнить, что Аспасия — подруга знаменитого Перикла, к чьему мнению он прислушивался, — была родом не из Афин, а из Ми-

¹ Термин *логограф* введен Фукидидом для обозначения авторов исторических сочинений, включая, по-видимому, и Геродота.

лета, где женщины чувствовали себя вольнее. (Афины вообще не дали миру ни поэтесс, ни общественных деятельниц, в то время как Лесбос гордился Сафо, а Беотия — Коринной.) Не удивительно, что именно в богатых, быстро развивающихся ионийских городах создались наилучшие условия для научного досуга и необязательных размышлений.

Итак, Милет (Miletos), родина столь выдающихся людей, — в 11 в. до н. э. был заселен греками, к 8 в. до н. э. превратился в полис (более 30 тыс. чел.), ставший крупнейшим греческим посредником между европейской Грецией и странами Востока. В нем развивались ремесла (обработка шерсти) и овцеводство, чеканка монет и письменность. Здесь же ткали лучшие в Малой Азии строматы (узорчатые, с геометрическим и растительным орнаментом ковры), одежды из фригийской шерсти, добывали улиток и делали пурпурную краску для тканей. Милетцы изобрели свою монетную систему: тяжелая милетская мина весом в 873 г делилась на 60 статеров по 14,6 г каждый. По милетской системе в самом Милете чеканились монеты с изображением льва, в Эфесе с пчелой, на острове Хиос — со сфинксом. Экономический подъем города обусловил бурную колонизаторскую активность его жителей: около 90 милетских колоний было основано в проливе и на побережье Черного моря. Назовем Синопу на малоазийском побережье Понта Эвксинского, родину Диогена Синопского; город Томы, прославившийся много веков спустя как место унижительной ссылки поэта Овидия; Ольвию, Пантикапей, Тиру, Феодосию, Эдессу. В одном месте милетцев опередили мегарцы — на Босфоре, где основали колонию Византий, через несколько столетий ставшую Константи-

нополем, столицей тысячелетней Ромейской империи. Правда, один знатный милетец, архитектор Исидор Милетский, вместе с другим не менее знатным человеком, архитектором Анфимием Тралльским, построил в Константинополе во второй трети 6 века некогда главный храм христианского мира: собор св. Софии. Именно в Милете в первой половине 6 в. до н. э. зародилась традиция установления статуй и прочих памятников божествам после окончания годичного срока деятельности жреца (теопрота, феора). А. С. Русяева считает, что эта традиция была перенесена из Милета в Ольвию. В 7 в. до н. э. предприимчивым милетцам удалось обосноваться и в Египте, где фараон Псамметих, чтобы усилить оборону восточной границы царства, расселил близ устья Нила отряды греческих наемников. Египет обязан милетцам даже возникновением целого города: центра морской торговли Навкратис.

В период тирании Фрасибула (ок. 600 гг. до н. э.; прошу не путать с Фрасибулом — афинским полководцем времен Пелопоннесской войны) Милет достиг вершины культурного развития. Милет же возглавил восстание ионийских городов против персидского владычества и был в 494 г. до н. э. сожжен персами. Современник Эсхила Фриних сочинил на эту тему трагедию *Взятие Милета*, получившую большую известность, но до нас не дошедшую (как и древнегреческие буквари: многие ли из нас хранят первый букварь?¹). Город был разрушен, жи-

¹ На вопрос «откуда берутся отрывки древнегреческих текстов?» академик М. А. Гаспаров ответил: «Целые произведения ... не дошли до нас, а цитаты дошли. Мы только что перечислили девятых лириков [Пиндар, Вакхилид, Сафо, Анакреонт, Стеси-

тели — частью перебиты, частью пленены. Когда Фриних поставил драму *Взятие Милета* на афинской сцене через год после трагедии, зрители слезами залились: это не было вымыслом, это было живым историческим прошлым, одна драма отражала другую. Фриних же был присужден к уплате штрафа в тысячу драхм за то, что напомнил о несчастьях (*Геродот* VI 21). Вероятно, он вынужден был заплатить этот штраф, а вместе с тем походя подтвердить открытый недавно пифагорейцами закон катарсиса: очистительные слезы наглядно отразили сущность эстетического переживания. Но заплатить за действие этого закона пришлось тому, кто их вызвал, в назидание литературным последователям: дабы неповодно было. Впрочем, подоплека такого решения, по мнению В. Н. Ярхо, была политической: трагедия Фриниха должна была, кроме слез, вызвать стремление афинян учинить сопротивление персам, что не входило в намерения влиятельной в

хор, Симонид, Ивик, Алкей, Алкман]; из них законченные произведения — и то далеко не все! — сохранились лишь от великого Пиндара да от веселого Анакреонта. Всех остальных мы смогли представить себе лишь тогда, когда были собраны их отрывки, — лет двести-триста тому назад. Сперва такая возможность казалась странной: великий насмешник Свифт, автор «Гулливера», издевательски писал: «Как сообщает такой-то писатель в такой-то главе и параграфе такого своего полностью утраченного сочинения...» Потом привыкли, и теперь в чтении отрывков мы умеем находить не только пользу, а и удовольствие. В самом деле: отрывки — это ведь по большей части цитаты, а в цитаты попадают обычно самые яркие строки поэта» (М. А. Гаспаров. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. М., 1996. С. 99).

те годы в Афинах аристократической земледельческой партии.

Город был восстановлен после победы греческого флота в битве при Микале (479 г. до н. э.). Во время военных разорений и экономических невзгод бог Аполлон становился эпонимом Милета, а иногда избирался верховным жрецом (правда, невдомек, как он исполнял свои вполне вещественные функции, но наверняка как-то исполнял).

Во время Пелопоннесской войны Милет сражался то на стороне Афин, то на стороне Спарты и неоднократно менял формы правления — попеременно: то демократия, то олигархия. После заключения «царского мира» (387 г. до н. э.) город вновь оказался под властью персов, в 377 г. до н. э. попал в зависимость от правителя Карики Мавсола (того самого, по имени которого в 4 в. до н. э. назван мавзолей в Галикарнасе — чудо света и прообраз будущих мавзолеев); в 334 г. до н. э. захвачен вездесущим Александром Македонским. К чести милетцев стоит напомнить, что Милет был первым из анатолийских городов, оказавших Александру сопротивление.

После заноса гавани песком значение Милета как центра морской торговли потерялось. В эпоху Римской империи (главным образом во 2 в.) он вновь играл известную роль в торговых связях и культурной жизни Средиземноморья. Свобода нравов портового города нашла отражение в непристойных историях, вошедших в сборник новелл под названием *Милесиака*. Эти *Милетские рассказы* — составленный Аристидом Милетским около 100 г. до н. э. сборник эротических новелл, пользовавшихся в античную пору большой популярностью. На латынь он был переведен К. Сисенной (1 в.), но текст

перевода не сохранился так же, как и оригинал. Об этом сборнике и его популярности упоминает Плутарх в биографии Марка Красса. *Милетские рассказы* были найдены в обозе Рустия и дали повод «поносить и осмеивать римлян за то, что они, даже воюя, не могут воздержаться от подобных деяний и книг» (гл. 32). Традиция эротических сочинений была подхвачена: на эту тему в самой античности писали Петроний (*Сатирикон*), Апулей (*Золотой осел*), Катулл, Тибулл, Проперций и Марциал (многие — в стихах и эпиграммах), про сексуальные сновидения писал в *Онейрокритике* Артемидор Далдианский (вторая половина 2 в.). Позднее эротическому жанру воздали должное ренессансные сочинители: итальянцы Дж. Боккаччо (*Декамерон*) и Ф. Саккетти (*Новеллы*), французы Бонавантюр Деперье (*Новые забавы и веселые разговоры*), королева Наварры, покровительница гуманистов Маргарита Наваррская (*Гептамерон*; издан в 1558 г. под названием *История о счастливых любовниках*) и некто с инициалами А. Д. С. Д. Традиция *Милесиака* жива до сих пор.

В ходе раскопок, произведенных немецкими археологами (1899–1914 гг.), обнаружена часть города, построенная после разрушений 494 г. до н. э. Наличием удобств и чистотой эллинистический Милет, как и Приена, превосходил Париж времен Людовика XV. Судя по сохранившимся развалинам (храм, жилые и общественные здания), большинство из них было возведено в эллинистическую и римскую эпохи. О торжестве ионического ордера (город-то ионийский) говорит монументальный храм Аполлона Дидимского близ Милета (в Дидимах, в получасе ходьбы от Священных ворот), отстроен-

ный после разрушения персами: он был окружен двойной колоннадой из 210 колонн ионического ордера. Впрочем, собственно архитектурное путешествие в Милет читатель может совершить благодаря книжке Э. Цибарта «Культурная жизнь древнегреческих городов» (М., 1916). Ведь читатель заметил, что мы говорили о другом: о том, что история Милета любопытнее пространств его архитектуры.

МИСТРА

Мистра — город Нового времени, расцвет которого почти совпадает с итальянским Ренессансом, потому читатель должен привыкнуть к мысли, что в нашей прогулке по Мистре будет много цифр и имен. Эти частности значимы.

Столица Морейского (Пелопоннесского) деспотата, превратившаяся после изгнания крестоносцев в 1262 г. в большой город и величественный культурный центр, просуществовала до 1460 г., когда ее захватил ненасытный турецкий султан Мехмет II.

В ночь с 28 на 29 мая 1453 г. юный завоеватель, воспитанный на деяниях Александра Македонского, Юлия Цезаря и ромейских цезарей, знаток астрологии, покровитель ученых и поэтов, овладел Константинополем, в 1456 г. — Афинами (отбив их у франков и превратив в мечеть храм Афины Девы — Парфенон), в 1460 г. — Мистрой, в 1461-м — Трапезундом. Византийская (Ромейская) христианская империя прекратила существование, и на ее месте обосновалось и разрослось Османское (Османское) мусульманское царство, перенесшее столицу из Адрианополя на Босфор — в Константинополь, называемый с тех пор Стамбулом. Портрет Мехмета, хранящийся ныне в Национальной галерее в

Лондоне, писал маслом великий венецианец Джентиле Беллини (ок. 1429–1507).

Христианское предание говорит, что в момент появления турок в столичном храме св. Софии — Премудрости Божией — шла литургия. Когда священник со святыми дарами увидел ворвавшихся янычар, он вошел в разверзшуюся перед ним алтарную стену и исчез. Легенда пророчествует, что когда город снова перейдет в христианские руки, священник выйдет из стены и начнет править оборвавшуюся некогда литургию.

Более пяти столетий в 5 км от руин Спарты располагаются тоже величественные руины некогда цветущего ромейского города Мистра. Он был основан франками после четвертого крестового похода: в 1249 г. изворотливый могущественный рыцарь-крестоносец Гийом де Виллардуэн, завоеватель Мореи (ромейское название Пелопоннеса) и князь Ахайский, выбрал холм Мизитра, у подошвы горы Тайгет, для строительства замка. Топоним Мистра, свидетельствующий о местных сыроварных традициях (греч. *мизитра* — особый сорт мягкого сыра), был офранцужен, став Мистрой.

В 1261 г. ромеям удалось отвоевать захваченный в 1204 г. Константинополь, а ранее, в 1259 г., Г. де Виллардуэн был захвачен ими в плен. После трехлетнего заточения крестоносец откупился пелопоннесскими крепостями, и, нарушив условия своего освобождения, в 1262 г. двинулся во главе небольшого войска в Пелопоннес. Разгневанный подлостью Виллардуэна император Михаил VIII Палеолог выслал в 1264 г. карательный отряд, который, однако, был разбит. Из-за сопротивления местных жителей, франкам не удалось полностью ов-

ладеть этими землями; формально, однако, они вошли в латинское княжество Мореи. Итак, с 1262 г., когда в Мистру вошли греки, начался двухсотлетний период не только процветания города, но и духовного возрождения эллинской культуры.

Собственно, стычки между ромеями и франками были основой роста Мистры: местное население оставило дома в долине и переместилось в укрепленный верхний город. После смерти Виллардуэна (1278 г.) Мистра отошла к неаполитанской ветви Анжуйского Дома, но одновременно начался и упадок недолговечной Латинской империи, и возвышение немногим более долговечной Ромейской.

В Мистре находились гробницы морейских деспотов (это не характеристика правителя, а его титул, позднее омонимизировавшийся в характеристику), в ней глубоким старцем умер и был погребен Иоанн VI Кантакузин — ромейский император (1341–1354 гг.) и историк, сделавшийся мистрийским монахом Иоасафом. В то время как население Мореи, по свидетельству современника, заставляло деспота бежать превращения в варвара, в его дворце, образовался культурный очаг, подле которого группировались образованные греки, ученые, софисты и умные придворные. Итальянцы называли Мистру «Флоренцией Востока».

Это не удивительно, поскольку помимо прочего именно фрески Мистры дают наиболее отчетливое представление о живописи первой и особенно второй половины 14 в. Эти фрески отчеканивают разные направления. «Живопись монастырей Мистры, превратившейся после изгнания из нее в 1262 году крестоносцев в огромный город, явилась результатом тех завоеваний, которыми было отмече-

но искусство Константинополя... Здесь широко велось рукописание. Два крупнейших монастыря — Митрополия и Бронтохион — располагали большими библиотеками. Однако сведений о том, как здесь декорировались рукописи, нет» (В. Д. Лихачёва).

Политически город с 1348 г. был столицей удельного княжества (деспотата), где правили ближайшие родственники императора — братья или сыновья, носившие титул деспотов Морейских. Мистре довелось стать свидетельницей драматического падения тысячелетней империи: ее деспот, Константин XI Палеолог, став императором и венчавшийся на царство в Мистре в 1449 г., в 1453 г. погиб при обороне Константинополя. Его тело было найдено в горе трупов по багряным сапожкам с золотыми двуглавыми орлами; голову отсекали и выставили на обозрение поработанному янычарами Царьграду. Вот почему у въезда в современную Мистру стоит памятник последнему византийскому императору, и раз в год, 29 мая (в день падения Константинополя), здесь проходит Палеологовский фестиваль, включающий и панихиду по убиенному.

Ученые справедливо сравнивают деспотический двор Мистры с некоторыми итальянскими княжескими дворами эпохи Ренессанса. Сохранились не лишённые интереса сведения, что в 14 в. в средневековой Спарте существовала целая школа переписчиков древних манускриптов.

Так, при дворе морейского деспота во времена Мануила II Палеолога творил византийский гуманист, философ-платоник, ученый и политический деятель Георгий Гемист Плифон (ок. 1355–1452). «Великой славой был этот человек для всей Эллады, великим украшением он будет для нас и в будущем;

память о нем не умрет, а его имя и слава будут передаваться от поколения к поколению с вечными почестями», — сказал о Плифоне его верный ученик, кардинал Виссарион Никейский. Живя в Мистре, вольнодумец-язычник и мистагог Плифон играл для своего времени роль, аналогичную той, которую для своего времени играл знаменитый житель Ферне — Вольтер («болезненный казус амбивалентно ориентированной религиозной мании», как охарактеризовал его мировоззрение С. С. Аверинцев). Именно к Мистре было обращено в первой половине 15 в. внимание «международного сообщества», именно к Плифону приезжали со всего света философы, ведь «мудрость его превосходила мудрость Соломона и Паламеда; он открыл самый легкий путь к знанию для тех, кто стоит перед выбором; он указал со всей точностью и мудростью на тот ложный путь, который сбивал с толку очень многих людей; он освободил человечество от высшего обмана; доказательство этого содержится в мудрых и блестящих сочинениях этой блаженной и божественной души; и всякий, кто верно последует им в любом отношении, не сойдет с пути, ведущего к священной истине». Так, несколько риторически, характеризуется Плифон в 160-м томе фундаментальной *Греческой патрологии* Ж.-П. Миня¹.

¹ Имеется в виду: J.-P. Migne. *Patrologiae cursus completus seu Bibliotheca universalis, integra, uniformis, commoda, oeconomica omnium ss. Patrum, Doctorum Scriptorumque ecclesiasticorum sive latinorum sive graecorum, qui ab aevo Apostolico ad aetatem Innocentii III (an. 1216) pro latinum et ad concilii Florentini (an. 1439) tempora pro graecis floruerunt. Parisiis, 1857–1886. Series graeca prior ab aevo Apostolico usque ad Photii tempora (an. 863).*

Настоящее имя Плифона — Георгий Гемист. Плифон означает то же, что и Гемист — «полный, наполненный». Гемист начал сам называть себя Плифоном из желания заменить обычное среднегреческое имя Гемист на более эллинское. В Мистре им были написаны многочисленные трактаты по истории, географии, астрономии, музыке и риторике. Вершиной философской мысли Плифона явилось антихристианское утопическое сочинение *Законы*, в котором предусмотрены богослужения Зевсу и другим деятелям греческого пантеона. В 1460 г. этот трактат был сожжен патриархом Георгием (Геннадием) Схоларием как безбожный, к чему научная общественность уже в то время отнеслась скептически. Сопровождая императора Иоанна VIII на Ферраро-Флорентинский собор, Плифон заявил, что христианство и ислам уступят место новой религии, близкой античной философии. Умер Плифон в Мистре, откуда его прах был перевезен одним итальянским меценатом (Сиджизмондо Малатеста) в Римини, где он и теперь покоится в церкви Сан-Франческо.

Умственная деятельность Плифона опровергает неперевожимую игру слов из византийского сатирического диалога *Мазарис*: « вступишь ты из царства глупости в царство смерти », где Морея — топоним, созвучный греческим словам *móros* — *глупый* и *thóros* — *смерть*.

T. I—CIV; *Series graeca posterior*, in qua prodeunt Patres, Doctores, Scriptoresque Ecclesiae graecae ab aevo Photiano ad concilii usque Florentini tempora (an. 863—1439). T. CV—CLXI; *Series latina prior*, a Tertulliano usque ad Gregorium Magnum (an. 604). T. I—CCXXI. Обыкновенная аббревиатура этого издания, принятая в литературе: MPG или PG, MPL или PL.

В 1415 г. Мануил II Палеолог посетил Морею, где деспотом был его сын Феодор, и для защиты полуострова от будущих нападений велел построить стены с многими башнями на Коринфском перешейке. Император был образован: будучи тонким богословом, искусным диалектиком и прекрасным стилистом, Мануил II оставил богатое (не до конца изданное) наследие, в частности, трактат об исхождении Св. Духа, антиисламистские тексты, изящный шуточный текст *Изображения весны* на королевском тканом занавесе и множество писем.

При ромеях франкские фортификации были расширены, возведена могучая крепостная стена, опоясавшая жилища и вельмож, и простых горожан. В город вело двое ворот: Монеувасийские и Нафплионские. Дорога, соединявшая ворота, делила Мистру на две части: благородную и «подлую». Когда в 13—14 вв. здесь появилась россыпь монастырей и храмов, было решено возвести новую оборонительную линию, разделившую Мистру на старый «вышгород» (Пано Хора) и новый нижний город (Като Хора).

Пусть читателя не смутит несколько докучное перечисление дат и событий: они красноречивее прочего говорят о судьбе города. В 1460 г. он был захвачен турками, а в 1464 г. (посад, но не замок) ненадолго взят Малатестой (увезшим отсюда останки Плифона). Несмотря на туркократию, Мистра продолжала жить коммерческой жизнью, и в 17 веке насчитывала 10 тыс. жителей. Венецианский адмирал Франческо Морозини (тот самый, что «случайно» разрушил афинский Парфенон) в 1687 г. временно освободил Мистру, но в 1715 г. турки опять завладели городом. В 1769 г. на побережье Пелопоннеса вы-

садился русский отряд под командованием генерал-аншефа графа А. Г. Орлова, вынудивший турецкий гарнизон сдаться. Однако, когда российские войска ушли, турки учинили бойню, вырезав многих греков и повесив на воротах Митрополичьего двора мистрийского епископа Ананию. В 1770–1780 гг. город, как и весь Пелопоннес, был разграблен бродячими шайками албанцев. Во время войны за независимость в 1821 г. Мистра стала одним из первых освобожденных городов, однако в 1825 г. была сожжена Ибрагимом-пашой во время карательной экспедиции египтян, бывших союзниками Оттоманской империи. Когда в 1824 году король Оттон I восстановил Спарту, Мистра пребывала в мерзости запустения. Любопытно, что папа Сикст IV под видом богатого приданого отдавал за Софьей (Зоей) Палеолог, супругой великого князя Московского Ивана III, «всю Морею», бывшие владения на Пелопоннесе как ее отца, деспота Фомы, так и его братьев, поочередно правивших Мистрой. Папская хитрость состояла в том, что на момент бракосочетания (12 ноября 1472 г.) Морея (и Мистра) находились во власти турецкого султана и, чтобы получить ее как реальное приданое, русскому великому князю требовалось отвоевать Морею у турок. Но Иван III нехотя перехитрил римского понтифика: византийскую царевну Софью в жены взял, но турка воевать не стал. Кстати, с этим важным браком в идею русской самодержавной власти не были заложены византийские традиции (как то утверждают Д. С. Лихачёв, Я. С. Лурье и Е. Ч. Скржинская, опровергая тем самым мнения М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина).

Сегодня территория Мистры музеефицирована. К ее главным памятникам относятся: крепость,

заложенная Виллардуэном, расширенная ромеями и янычарами; Монеvmасийские ворота, открывающие вход в «вышгород», где на естественной террасе стоит дворец деспотов; Нафплионские ворота; церковь св. Николая (17 в.), единственная поствизантийская постройка в Мистре; церковь св. Софии; монастырь Панданасса (единственный из действующих поныне), недалеко от которого стоит дом Иоанниса Франгопулоса, сановника (протостратора), основавшего монастырь Периблептос; часовня св. Георгия, служившая домовым храмом некоего богатого семейства; фонтан Мармара (видимо, названный по образцу теменоса Мармария в Дельфах); Митрополичий двор; монастырь Бронтохион с большой библиотекой; церковь св. Христофора (конец 14 в.) и церковь Евангелистрия (14–15 вв.). Искусство Мистры принадлежит яркому, хоть и оказавшемуся последним, этапу развития византийской культуры. Как бы то ни было, именно Мистра явилась последним крупным центром монументальной живописи, сохранившим даже в 15 веке лучшие традиции константинопольских мастеров. Несмотря на отдаленность морейской столицы от Константинополя, архитектурные формы Мистры, как и всюду в это время на Балканах, мало в чем диссонировали с царьградской традицией.

ОЛИМПИЯ

Олимпия знаменита не только спортивными играми: считается, что человечество именно Олимпии обязано изобретением летосчисления «по Олимпиадам». Даже от людей чтимых приходится слышать, будто греки так чтили эти игры, что вели летосчисление по Олимпиадам. Это, пожалуй, неверно.

Современный человек, конечно, представляет время поступательно льющимся из прошлого через современность в грядущее. Грек представлял время как бы толкущимся на одном месте: как небосвод, одинаково и неизменно вращающийся над миром. Счет времени четырехлетними временными отрезками (пентетерис), от одной Олимпиады до другой, предложил историк Тимей Сицилийский (4–3 вв. до н. э.), дабы ухватить последовательность длинного ряда событий. Например: «в третий год 72-й Олимпиады греки победили персов при Марафоне». Это кабинетная выдумка историков, правда, греческих же: ни в одном документе, ни в одной надписи таких дат не было. Повседневные греки не вели летосчисления по Олимпиадам. Академик М. А. Гаспаров утверждает, что греки вообще не вели никакого летоисчисления! В каждом городе год имел название по имени главного должностного лица: в Афинах — по первому архонту, в Спарте — по первому эфору и

т. д. (Едва ли это действительно так на самом деле.) Станным может показаться утверждение, будто древний грек не подозревал, что его победа при Марафоне состоялась в 490 г. до н. э., что Драконт издал законы в 621 г. до н. э., а Солон — в 594 г. до н. э., что Сократ выпил чашу с цикутой в 399 г. до н. э.: про годы «до Р. Х.» они никак знать не могли. Историки условились об этом для удобства.

Точно так же древний грек «не знал», что первые Олимпийские игры состоялись в 776 году до н. э. Цифра была высчитана много веков спустя. Кстати сказать, это одна из самых ранних «точных» дат греческой истории.

Современные Олимпийские игры, возобновленные в 1896 г. бароном Пьером де Кубертенем, — самое яркое напоминание о культуре эллинов. Кроме Олимпийских, пожалуй, были игры Пифийские в Дельфах, Истмийские в Коринфе и Немейские в тех местах, где Геракл победил каменного («немейского») льва. Кстати, именно Геракл, по достоверным свидетельствам древних, первым выровнял и расчистил две беговые дорожки для состязаний в беге.

Олимпия — городок-руина в юго-восточной Греции, в Пелопоннесе, в 15 км от Ионического моря: зеленая роща из платанов и оливковых деревьев, посвященная Зевсу, при ней — храм Зевса Олимпийского, при храме — место для спортивных состязаний. (Кстати, Олимп и Олимпию путать не стоит: Олимп — это гора в северной Греции, на вершине которой обитали, ссорясь и мирясь, греческие боги.)

Раз в четыре года, в пору летнего солнцестояния, по всей Греции объявлялась экехерия — священное перемирие, длившееся два месяца (аполлоний и парфений по элейскому календарю). Тогда

Элида становилась «священной зоной мира»; войны приостанавливались. Тогда-то в маленькую Олимпию со всех сторон греческого мира стекались «ахейские мужи» — либо участвовать, либо глядеть на состязания. Вообще, греки чувствовали себя гражданами вечно бранившихся городов-государств, в Олимпии же они обретали чувство единой нации. Случаи нарушения экехерии были редки, порицались наложением штрафа или запретом принимать участие в играх. И то и другое было обидным. Дата проведения игр определялась особой комиссией, о чем греческие полисы оповещались специальными послами — спондофорами.

Спортивные ристания были посвящены Зевсу Олимпийскому. Считалось, что верховному богу приятно лицезреть людскую силу и ловкость. Программа первых игр, диктуясь самой жизнью, была прозаической. Что должен уметь пастух, чтобы защитить стадо от разброда, волков и жуликов? Он должен нагнать хищника, перепрыгнуть овраг, издали попасть в неприятеля камнем или дубиной, вступить в драку и, конечно, одолеть. Вот и получилось: бег, прыжки в длину, метание диска и копья, борьба. Со временем программа усложнилась. Рекорды не фиксировались: оливковый венок давался тому, «кто дальше» или «кто раньше». Один бегун пробежал за час 19 км, один дискобол перебросил диск через р. Алфей — 50 м, камень с надписью: «Бибон поднял меня над головой одной рукою» весил 143,5 кг — для одной руки вес немыслимый. Атлет Фаилл прыгнул на 16 м. Может, это легенды? Никто не знает. Во время игр давка и жара стояли такие, что один хозяин, по известию Элиана (*Пёстрые рассказы* XIV 18), грозил набедокурившему ра-

бу: «Вот пошлю я тебя не жернова ворочать, а в Олимпию — на игры смотреть».

Победителя чтили как божьего любимца, двигали ему статуи, заказывали оды: самые знаменитые из них (за баснословные гонорары) сочинял Пиндар — величайший из греческих поэтов. Это он написал: *«Не ищи в полдневном пустынном эфире / Звезд светлей, чем блестящее солнце, / Не ищи состязаний, достойней песни, / Чем Олимпийский бег. / Лишь отсюда многоголосый гимн / Разлетается от мудрых умов»* (Оlymp. Od. I 5–9, пер. М. А. Гаспарова). Здесь создавались объекты для почитания, рождалась «мирская слава», изображения бегунов и дискоболов на монетах и медалях. Судьи судили строго, но честно: обман карался. Возле стадиона стояли в ряд медные статуи Зевса, сооруженные на штрафы, собранные с нарушителей. Перед состязаниями судья обязан был дать клятву: во-первых, судить по совести, во-вторых, не объяснять, почему он судит так, а не иначе. Греки понимали, что бывают случаи, когда правильное решение чувствуешь, а пояснить не можешь (М. А. Гаспаров).

В Олимпии между речками Алфей и Кладея на небольшом плато располагалось святилище Альтис, несшее все сакральные тяготы проведения общеэллинских соревнований. С двух сторон Альтис ограничивался длинными портиками и сокровищницами у подножия невысокой горы Кронос с пологими скатами мягких очертаний. Посреди участка возвышался героон (могильный холм) Пелопса — Пелопион, — окруженный священной рощей. По легенде, именно Пелопс, сын Тантала, установил традицию спортивных игр; Геракл же восстановил игры у могилы Пелопса; он же, по легенде, и наметил гра-

ницы святилища. Здесь же храм Геры (жена Зевса), в середине участка — алтарь Зевса, самый высокий в Олимпии. Его осыпали пеплом белых жертвенных коров. Пепел, каменя под дождем, был столь прочен, что для восхождения на вершину алтаря в нем пробивали ступени. У подножия холма определилось место, где росла «олива священных венков», из ветвей коей Геракл смастерил первую награду. В храме Геры хранились реликвии: ларец коринфского тирана Кипсела (в котором его малюткой спрятала мать, Лабда, уберегая от смерти; при Кипселе Коринф расцвел), бронзовый диск Ифита с правилами олимпийских игр, маленькое ложе из слоновой кости, т. наз. «игрушка Гипподамии», и прочее.

Между 471 и 457 до н. э. южнее Пелопиона архитектором Либоном возводится храм Зевса Олимпийского. У пандуса, ведущего в святиню, на 9-метровом постаменте высилась статуя Ники, Победы. В целле стояла скрытая от повседневных глаз занавесом грандиозная хрисоэлефантинная (то есть из слоновой кости и золота) статуя Зевса — творение Фидия, величайшего ваятеля всех времен и народов, одно из Семи чудес света. Перед постаментом статуи пол был выстлан темно-синим элевсинским камнем, бассейн для оливкового масла, выдолбленный в полу, был призван оберегать слоновую кость от рассыхания. Проникавший сквозь двери свет, отражаясь от поверхности масла в бассейне, падал на золотые одежды Зевса и освещал его главу (из слоновой кости). Вошедшему чудилось, будто сияние исходит от божьего лика. «Кто станет пред этим образом, тот забудет обо всем, что огорчает и терзает человеческую жизнь», — сказал античный ритор-импрессионист Дион Хрисостом (Златоуст). Храм

Зевса дошел в руинах, потому мы, пожалуй, огорчаемся и терзаемся.

Во второй половине 5 в. до н. э. с восточной стороны святилища протянулся портик Эхо (98 x 12,5 м), семь раз отражавший звук. Историк Павсаний называет его Картинной галереей Пойкиле (Пёстрая) — вероятно, именно здесь экспонировалась живопись и ваяние греческих искусников. Надписи на постаментах статуй говорят, что в Олимпии были собраны работы лучших мастеров — Поликлета, Мирона, Фидия. В 4 в. до н. э. Альтис окружается стеной, перестраиваются и расширяются спортивные сооружения, площадки для состязаний, достраиваются Пелопион и булевтерион (здание для заседаний олимпийского совета, буле), возводится Метроон, храм Матери всех богов. При Александре Македонском реконструируется стадион, строится Леонидаион (архитектор Леонид), «отель» для вельмож (именно там находилась прославленная статуя Афродиты работы Праксителя).

Стадион в Олимпии имел размеры 212 x 32 м, длину беговой дорожки — 192 м (или 600 олимпийских футов). Так как оба торца прямые, соревнующиеся должны были делать резкий поворот и бежать обратно. Как архитектурная форма для беговых состязаний стадион, естественно, был главным, самым «олимпийским» спортивным объектом Олимпии. Ту же функцию — правда, для лошадей и наездников, — выполнял ипподром (730 x 336 м). С восточной стороны стадион примыкал к святилищу, с северной — к холму Кронос, так что зрительские места были устроены на отлогом склоне. При стадионе функционировала палестра: место для тренировок с залом собраний, раздевалками, умывальня-

ми, где спортсмены натирали тело оливковым маслом (особенно борцы, чтобы половчее вывернуться из рук соперника). В умывальной и ваннных комнатах горячей воды не было — сохранились рисунки на вазах, показывающие, как после состязаний юноши поливают себя водой из источников, соскабливают полукруглыми скребками масло, пыль, грязь. Впрочем, в зной горячая вода не нужна. Греческая палестра стала прообразом римских терм (бань). Вообще, в Олимпии — впервые в истории градостроительства — сложился спортивный центр из сооружений разных типов, возникших в ответ на потребность соревнований: здесь архитектурная форма строго подчинена требованию человека, который при ее помощи ограничивает на земной поверхности ценный для деятельности пространственный объем и территорию.

Римские цезари Германик и Тиберий заслужили на играх в Олимпии венки за победу в конных состязаниях. Нерон же, в нарушение правил, объявив игры на два года ранее положенного срока, приказал уничтожить статуи олимпийцев (победителей), ввел певческие состязания, в которых, естественно, стал победителем (после его убийства эти игры объявлены недействительными).

Запрет язычества Юлианом Отступником (394 г.), нашествие вестготов Алариха (395 г.), землетрясение, разрушившее храм Геры и западные стены Альтиса, и, наконец, эдикт ромейского императора Феодосия Великого о запрещении игр как языческого празднества, уничтожении языческих храмов и разрушении храма Зевса (чудо света — статую Зевса — вывезли в Константинополь, установили на столичном ипподроме, где она во время

пожара и погибла) — привели к упадку этого примечательного городка.

Современное значение Олимпии символично: факел очередных Олимпийских игр возжигается солнечными лучами среди поросших мхом обломков теплого пентелийского мрамора. Минуло время, когда Геродот читал здесь главы Истории, Сократ, ходивший из Афин в Олимпию пешком, вел беседы, когда имя, здесь торжественно объявленное, становилось известно всему грекоязычному миру.

ПЕРГАМ

В 1880 году, вернувшись из Берлина в Петербург, И. С. Тургенев, восхищенный фрагментами Большого алтаря в Пергамон-музее, в течение часа — за обедом у редактора «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича — написал этюд «Пергамские раскопки». А. Ф. Кони, присутствовавший на приеме, вспоминал, что Тургенев изображал скульптуры алтаря «с таким увлечением, что встал со своего места и в лицах представлял каждую фигуру. Было жалко сознавать, что эта блестящая импровизация пропадет бесследно». П. В. Анненков считал, что «две странички «Пергамских раскопок» принадлежат сами к изящнейшим горельефам русской литературы. Статейка так и просится в образцы стиля, чувства, красоты мысли и выражения». В. В. Стасов, правда, укоризненно заметил, что пергамские скульптуры — «только рококо греческого искусства», и потому Тургенев напрасно усердствовал, воображая, будто они — «самая высота и глубина» греческого ваяния. Граф А. Н. Толстой, которому увлеченный Тургенев показывал репродукции пергамских скульптур, «старался вникнуть, но ничего не понял». Мы не будем пересказывать тургеньевские строки, — желающий их прочтет, — но, как и ранее, сделаем культурологический подмалёвок.

Полуторастолетняя история Пергама на р. Калке в 120 стадиях от моря (совр. Бергама в Мёзии на северо-западе Малой Азии) как самостоятельного города-государства начинается с правления династии Атталидов (283–133 гг. до н. э.). Впрочем, Пергам упоминается еще в поэмах Гомера.

При Филетере, командующем крепостью Пергама при фракийском царе Лисимахе, благодаря ловкому использованию борьбы александромакедонских диадохов Лисимаха и Селевка, Пергамское царство достигло государственной независимости. Кроме того, Филетер хранил доверенную ему Лисимахом военную казну (крупную сумму в 9000 талантов). После смерти Лисимаха в 281 г. до н. э. фракийское царство распалось, и Филетер стал самостоятельным правителем Пергама, основателем династии Атталидов.

Племянник Филетера Эвмен I, использовав оставшиеся тысячи талантов, расширил Пергамское царство до побережья и до горы Ида (неподалеку от Трои) для защиты от нашествия галатов (= галлов, кельтов) в Малой Азии и для строительства самого Пергама.

Следующий царь Аттал I Сотер был союзником Рима, успешно преодолевал галльское нашествие, но при Селевкидах все же утратил часть территории государства. Он приносил многочисленные жертвенные Дары Аттала (среди прочих — скульптурные группы поверженных галлов и амазонок; знаменитый *Умиравший галл* из Пергамского алтаря), приказал возвести в Афинах и Дельфах богатые лесхи (сокровищницы). При дворе Аттала I кормились ученые, ваятели, поэты, царь собирал произведения искусства, заказывал копии с дельфийских

произведений Полигнота. Портрет Александра Великого работы Лисиппа украшал его собрание. Большинство мастеров, творивших в Пергаме, приехали из старых художественных центров и, конечно, принесли разные стилистические приемы, сумев слиться в общее течение пергамского искусства.

При Эвмене II (197–159 гг. до н. э.) Пергам пережил культурный расцвет — т. наз. «пергамское барокко». Наиболее долговечным результатом этого расцвета стала деятельность лекаря Галена, который в труде *О частях человеческого тела* впервые дал анатомо-физиологическое описание организма, показав, что анатомия и физиология — основа научной диагностики, лечения и профилактики заболеваний. Его идеи пережили Средневековье.

Последний пергамский царь Аттал III Филометор, жестокий и замкнутый мизантроп, в 133 г. до н. э. в завещании якобы сделал римлян наследниками Пергамского царства при условии, что греческие города сохраняют независимость. Впрочем, человек он был не без способностей и для своего времени широко образован: изучал труды карфагенских агрономов, сочинил трактаты по виноградарству и оливководству; в ботаническом саду разводил лекарственные, в т. ч. и ядовитые, растения, исследовал птиц, рыб и насекомых. Был известен как фармацевт, изобрел мазь для лечения кожных болезней, ран и язв («Атталово белило»), лекарства от печеночных недугов, селезенки, против водянки и пр. Действие изобретенных лекарств и ядов монарх испытывал на приговоренных к смерти узниках, морально обосновывая это право в своих записках. Царь увлекался ваянием — работал в бронзе. Официальная версия смерти Аттала утверждает, что он

скончался от солнечного удара, торопясь закончить памятник матери, Стратоники, ко дню ее поминаения. Некоторые римские авторы (Саллюстий [не путайте с Гаем Саллюстием Криспом]) полагали, что он мог быть отравлен. После смерти просвещенного диктатора Рим заявил о завещании. Опираясь на него, после подавления восстания (132–129 гг. до н. э.) побочного брата Аттала III — Аристоника, — они включили Пергам в состав новой провинции Азия, которая страдала от эксплуатации римских откупщиков и высоких податей. Подложный характер *testamentum*'а, который так и не был обнаружен, не исключался уже в древности.

Древнейшее сооружение на Пергамском акрополе — дорический храм Афины (3 в. до н. э.), обнесенный богатой колоннадой в сто девяносто колонн. В 180 г. до н. э. Эвмен II, слывший меценатом, воздвиг грандиозный алтарь, посвященный Зевсу (и будто бы Афине, хотя у нее в городе есть отдельное святилище), монументальное сооружение с идущим по внешней стороне круговым рельефным фризом (борьба олимпийских богов с гигантами) и меньшим фризом на стенах двора — житие мифического основателя города Телефа. По рассказам, его — сына Геракла, брошенного матерью и вскормленного ланью, — во время схватки с греками, направлявшимися в Трою, ранил в бедро Ахилл. Рана загноилась. Оракул прорек, что исцелить Телефа может лишь тот, кто его ранил. Поэтому Телеф просил Ахилла о помощи, и Ахилл, смилостивившись, залечил рану ржавчиной того копья, которым ранил. От этих сцен, что были изваяны на алтаре, сохранились лишь фрагменты. На этих фрагментах различимы имена скульпторов — Дионисиада, Менекрата из

Сикиона, Меланиппа, Ореста, Феоррета. Имя мастера стояло над определенной частью рельефа, и потому индивидуальность мастера не терялась в общей сложной композиции.

Пергам почти полностью построен из трахита, добывавшегося у северного склона Пергамского акрополя. Ширина главной улицы города достигает 10 м (в Милете — 7,5 м, в Приене — 7,36 м). Сохранилось множество остатков храмов, дворцов и военных сооружений эллинистического и римского времен, равно как и знаменитого здания Пергамской библиотеки, которая в 1 в. до н. э. содержала 200 тыс. свитков. Во дворце Атталидов мозаичист Созий выложил полы, имевшие такой вид, будто по ним были разбросаны недоеденные остатки разных пиршественных яств. Гротеск! Позже были открыты остатки рынка, гимнасий и святилище Асклепия. В то же время получило развитие специальное законодательство, регламентировавшее вопросы городского хозяйства, строительства жилищ и пр. Было детально разработано узаконение о ремонте городских стен и связанных с ним повинностях владельцев смежных со стенами участков земли. В Пергаме найдена надпись легитимного характера (2 в. до н. э.), в которой перечисляются требования к поддержанию чистоты и порядка в городе при производстве строительных работ, условия прокладки закрытого водопровода и пр. На случай нарушения закона был установлен штраф и выработана система его взимания.

К особенностям строительной техники эпохи эллинизма относится широкое применение системы знаков, которые обеспечивали правильность укладки частей в сооружении. В классическое время гре-

ки стремились к однотипности элементов постройки (в Парфеноне все квадраты, из которых сложены стены наоса, пригнаны под одну мерку и считаются взаимозаменяемыми), в эллинизме — в целях экономии труда и материалов — строители стали изготавливать квадраты и плиты, части антаблемента и абакки колонн из камней разной величины. Так, у Ионийского мраморного храма на Пергамском акрополе как в размерах плит пола, так и прочих частей единства нет. Сборку и пригонку деталей предварительно производили в мастерской по чертежу, где каждый камень получал порядковый номер, потом он относился на стройку и занимал нужное место. Это не только было технологически удобно, но и избавляло строителей от необходимости подолгу трудиться на жаре. В Пергаме существовали общественные клозеты, так что в обязанности астиномов входило наблюдение за их благоустройством и очисткой. Нечистоты вывозили за город на расстояние не менее 10 стадий от городской стены (около 1,7 км). Функционировал водопровод.

Около 180 г. до н. э. в Пергаме по инициативе Эвмена II начинается производство изобретенного им пергамента (греч. *diphthera*, лат. *membrana* — кожа; нем. *pergament*, от греч. *Pergamos* — г. Пергам), призванное удовлетворять нужды Пергамской библиотеки, пополнение которой затруднял запрет на экспорт папируса. Потом, правда, положение исправилось, но делать пергамент не перестали. Механическое удаление шерсти с вымоченной в известковой воде шкуры, соскабливание соединительной ткани до эпидермиса, полировка и сушка представляли простую консервацию кожи без предварительного выдубливания химическими растворами.

Волосяная сторона оставалась несколько шероховатой и имела желтый цвет, мясная сторона была белой и гладкой; свеженаписанный текст можно было стереть, старый — соскоблить пемзой. Пергамский кодекс состоит из пачек сложенных вчетверо листов (кватернион), шерстяная сторона к шерстяной, мясная — к мясной, что идет со времени ранней Римской империи. Для роскошных изданий применялся пергамент, для простых — папирус. С богатой Пергамской библиотекой, позже вывезенной в Египет, связана т. наз. «Пергамская школа», которая соперничала с Александрийской школой и оказала влияние на лингвофилософское направление в античном неоплатонизме (Эдесий Каппадокийский, Саллюстий, император Флавий Клавдий Юлиан «Отступник» [Apostata], Евнапий и пр.). См. об этом у А. Ф. Лосева в его «Истории античной эстетики», т. 7, ч. 1 (М., 1988).

М. А. Гаспаров отмечал, что античность была городской цивилизацией, но античный город не был похож на современный. Это был не центр производства, а центр потребления. Производила деревня. Деревня могла обойтись без города, город без деревни не мог. Пергам — не исключение. В Пергаме рано возникла христианская община. Здесь существовала одна из семи Асийских Церквей, к которым обращается в «Апокалипсисе» св. Иоанн Богослов (Откр. 1 : 11; 2 : 12) под конец правления императора Тита Флавия Домициана. Апостол вещал, что в Пергаме находится престол сатаны, указывая этим, по-видимому, либо на алтарь Зевса, либо на святилище Асклепия. Из пергамских епископов первым в Апостольских постановлениях упомянут Гай, рукоположенный св. Иоанном.

В 713 г. город был разрушен арабами, потом вновь отстроен ромеями, но былого значения не возвратил. В 1330 г. Пергам стал турецкой Бергамой. О хозяйственном и культурном расцвете Пергамского царства говорят археологические раскопки, которые ведутся учеными с 1878 г. (А. Конце и Т. Виганд). Инициатива раскопок и открытия алтаря Зевса принадлежит немецкому инженеру К. Хуману (1839–1896), который по поручению турецкого правительства строил в Малой Азии — оказывается — не только мосты и дороги.

Но все-таки главное, чем знаменит Пергам, — алтарь Зевса в Пергамон-Музее. В. И. Вернадский, который видел этот алтарь в 1889 году, в письме супруге восхищенно отметил: «Пергамские остатки произвели на меня чарующее впечатление. И хотя думаешь, что еще много в земле хранится — гниет, гниет! — таких же чудных, могучих остатков красоты, мысли, — становится грустно, хочется плакать от бессилия. Подумай — меньше десяти лет назад эти великие создания мысли лежали в земле, разбросанные, неведомые. И кажется, только теперь начинают они опять оказывать свое влияние».

Материальные основания нашего знания о Пергаме сохраняются как на территории современного турецкого городка, так и у педантичных немцев в берлинском Пергамон-Музее, восхитившем Тургенева. Особый интерес имеют три центральных зала с реконструкцией древних сооружений и в первую очередь — Зевсова алтаря, на котором титаны дерутся с богами, а мы на это заинтересованно смотрим.

ПОМПЕИ

У Чехова в письме сестре Марии Павловне (апрель 1887 г.) закреплено впечатление: Геркуланум и Помпеи — «людей нет, а вместо мумий сонные дришпаки и головы дынькой». Как в его родном Таганроге. «Крыльцо переживает агонию, и парадного в нем осталось только одно — идеальная чистота». Помпеи — как это крыльцо: они чисты, начисто выбриты археологами от пепла.

Коричнево-ржавый Везувий высится слева. Вершина его в парах, которые — почти черные возле кратера, — высветляясь и рассеиваясь, белесым облаком тянутся к юго-востоку. У входа в Помпеи — суетная площадь с Hotel de Suisse, напоминающая торговлю крестами, венками и памятниками, активную подле кладбищ. От входа к раскопкам ведет дорожка, посыпанная песком и обсаженная зеленью. Здесь тихо, шуршит под ногами песок. За воротами Porta della Marina — маленький музей. В конторе вам поведают, кто где лежит, здесь покажут нутро могилы, то, что в ней совершается: в музее собрана часть утвари, найденной при раскопках (миски, баночки для румян, дверной замок, статуэтка). Самое жуткое — мертвые жильцы: слепки людей, засыпанных пеплом. Один в лохмотьях и с белыми зубами, другой накрыл голову тогой — жест

последнего отчаяния, третий лежит на спине расколякой в стеклянном гробу. Здесь, как сказал Владислав Ходасевич, насилуется целомудрие могилы, ее право на сокровенность.

Однако на кладбище царит идиллия, там город покойников и покоя (*rapva domus, magna quies* — *малый дом, великий покой*). В Помпеях покоя нет. Здесь люди погребены заживо, захваченные смертью не только посреди земного пути, но и с ногой, занесенной для следующего шага, ртом, раскрытым не для последнего слова. На поле боя есть некоторый смысл в смерти, в Помпеях этого высокого смысла нет. Плиний Младший в письме Корнелию Тациту отметил: «многие воздевали руки к богам; большинство кричало, что никаких богов нет, и для мира это последняя вечная ночь» (*Письма VI 20, 15*). Просто кощунство! «Когда человек умирает в болезни, в изношенности своего тела, — писал Владислав Ходасевич, — от него постепенно отходят земные дела, спадает случайное, временное, заботы, хлопоты, всяческие черты профессии. Спадает маска — обнажается лицо. Умирает не сапожник, не врач, не актер, — а человек, раб Божий». В Помпеях этого не было — люди так и умерли булочниками и проститутками.

По количеству хорошо сохранившихся улиц, площадей и домов — это не руины, какими они бывают под солнцем, дождем и войнами. Это город, с лица которого стерты случайные черты (три-четыре!), который омыт и обряжен, как покойник. В 1-м веке в городе насчитали 10 тыс. человек населения, а на улице Стабиевой (длиной в 770 м) — двадцать харчевен, то есть по одной забегаловке на сорок пропойц!

Ныне Помпеи — городок в Кампании (Южная Италия) с населением 23 тыс. жителей (1981 г.), которое в основном занято обслуживанием туристов античных Помпей. Есть обсерватория. Близ нынешнего города руины тех самых Помпей, что были засыпаны вулканической лавой. Раскопками (с 1748 г.) открыта часть античного города с остатками городских стен (5–4 вв. до н. э.), форумов (6 и 2 вв. до н. э.), храмов, палестр, театров, рынков, жилых домов и вилл (3 в. до н. э. — 1 в. н. э.) с мозаиками и фресками. Это — справка, каких тысячи.

Еще в 63 г. большая часть Помпей была разрушена землетрясением. Однако город нашел силы восстановиться. Дома, храмы и площади еще отстраивались, когда 24 августа 79 года началось извержение соседнего вулкана Везувий. Пепел вперемешку с ливневыми потоками обрушился на город. Никто не ожидал беды на берегу лазурного Неаполитанского залива от мирного, покрытого виноградниками вулкана. В течение пяти минут улицы, площади, храмы, публичные дома и жилые кварталы были залиты горячей вулканической грязью, образовавшей слой 6–9 м высоты. В городе в этот час ужина было примерно 30 тыс. человек. На многие века Помпеи (и Геркуланум, который постигла та же участь) были забыты, и даже их местонахождение оставалось неведомым. Город случайно обнаружен в конце 16 в. во время земляных работ, потом, в первой половине 18 в., начались раскопки. В 1863 г. Дж. Фиорелли, профессор истории Неаполитанского университета, стал начальником археологических работ и превратил раскопки в ученую школу: были разработаны методы фиксации взаимного расположения находок, методы определения стра-

тиграфических слоев и др., лежащие в основе полевого археологического труда и поныне.

По плану Помпеи — овал неправильной формы около 1200 м в длину и 700 м в ширину. Город был окружен стеной в 7,5–8,5 м высоты. Первоначально Помпеи занимали небольшую территорию вокруг Гражданского и Треугольного форумов. Уличная сеть Помпей в целом основана на двух главных (продольных) и двух поперечных магистралях. Ширина главных улиц не превышала 6–7 м, а жилых — 3–4 м. По сторонам тянулись тротуары (1 м), на перекрестках устраивались переходы из громадных прямоугольных камней, положенных так, чтобы смогли проехать колеса повозок.

Планировочным и общественно-культурным центром Помпей был Гражданский форум — прямоугольная площадь 117 x 33 м, на которой происходили гладиаторские бои и народные собрания. Кроме Гражданского, был Треугольный форум, окруженный девяностопятиколонным дорическим портиком. С востока к нему примыкал амфитеатр на 5000 зрителей и закрытый театр на 1500 чел. В юго-восточном углу города расположен эллиптической формы амфитеатр на 20 тыс. чел., то есть на все взрослое население городка.

В развитии помпеянского дома можно наблюдать процесс перехода от туземного атриума к сочетанию его с греческим перистилем, затем — к перистильному дому. В первом этаже вокруг атриума группировались гостевые комнаты, перистиль окружало хозяйское жилье. По фасаду вдоль улицы размещались магазины и ремесленные мастерские с кладовками. Второй этаж отведен спальням и второстепенным помещениям, нередко сдававшимся

внаем. Оголенные временем, лишенные облицовки, эти дома и теперь разнятся не более чем могилы на военном кладбище. На угловых домах прибиты одинаковые дощечки с нумерацией района и квартала. На каждом доме — свой номер, на перекрестках, у тротуаров — дощечки с названиями улиц: полезное изобретение, для туристов просто необходимое. Вероятно, какой-нибудь воскресший помпеянин заблудился бы в родном поселении: эти условные обозначения даны в наше время по ученому произволу. А названия домов! Вот выборка: дом Большого фонтана, Бризового Эфеба, Грифов, Веттиев, Золотых Амуров, Корнелия Тегета, Лабинта, Лукреция Фронтонна, Марка Лукреция, Медеагра, Мозаики с голубями, Моралиста, Пансы, Саллюстия, Серебряной свадьбы, Трагического поэта, Фавна, Хирурга, «генерала Шампионне», Черного Якоря, вилла Мистерий, Цицерона, Диомеда. Филологические упражнения археологов можно, конечно, продолжить.

Потому что дома повернуты спиной к улице, входя внутрь, ощущаешь вороватое чувство: будто не вошел, а закрался в дом. Влезаешь, и чудится, что вон из той клетушки сейчас вылезет хозяин и дохнет на тебя не адским племенем, а обычным (правда, прелым) лучком девятнадцативековой давности (В. Ф. Ходасевич). Город был маленький, но с достатком: торговый, ремесленный, деловой. Здесь знали цену деньгам и плодородию: эмблемы быков, козлов и вепрей разбросаны повсюду. Здесь было много публичных домов, кабаков, население любило хорошо поесть, попить и выспаться. Мощение римских дорог до сих пор поражает прочностью, одна из них — Аппиева (из Рима в Капуя), ответвление

которой, входящее в Помпеи с северо-западного угла, образовало в городе улицу Гробниц.

В публичном доме клетушки самые душные и тесные. Они и теперь плохо очищены: черные остатки пепла здесь въелись во все, вместе с остатками античной грязи и римского пота. Черный, чуть жирноватый налет — на широких каменных ложах, косяках дверных проемов, в трещинах омерзительно скабрёзных картинок, в круглодырой доске сортира (тут же, между клетушками): может быть, это — единственное античное. События «Сатирикона» Гая Петрония разыграются немного позднее, в Нероновы времена, но в этих самых ландшафтах. Здесь люди жили, и враз умерли — в полутемных, тесных клетушках с невыносимым запахом, без окон и за единственной дверью.

Недаром, пожалуй, на одной из городских стен была прочитана надпись: *«Admiror, paries, te non cecidisse ruinas, qui tot scriptorum taedia sustineas»* — «Я удивляюсь, стена, что ты не обрушилась, выдержав столько непристойных надписей». Современный человек едва ли удивился бы.

Может, добрым словом стоит вспомнить помпеянскую монументальную живопись? Что бы ни писали искусствоведы, у которых среди античной живописи есть в распоряжении в основном помпеянская (да немножко римской), — живопись Помпей безвкусна: мелочный рисунок, негармоничная пестрота столовой клеенки. В декорациях помпеянских стен историки искусства разобрались до такой степени, что выделили четыре этапа, «стиля». — Первый имитирует инкрустацию стен разноцветными породами камня; второй характерен расчленением стены изображениями архитектурных деталей, что созда-

ет иллюзию архитектурной разделки: живописно переданы пилястры, капители, колонны, карнизы, кариатиды. Третий «стиль» продолжает развитие архитектурности орнамента с внесением египетских мотивов и назван «египтизирующим». Живопись четвертого усложняет второй «стиль», лишая его конструктивной ясности и внося фантасмагорический элемент. Но при этом сохраняется включение сюжетных изображений в виде небольших картин, как будто повешенных в центре стены (самая известная — Аполлон, Асклепий и кентавр Хирон — эскиз, набросок, мастерски написанный).

Впрочем, Василий Васильевич Розанов считает, что стенная живопись Помпей показывает «высокий цельный вкус». Вся стена — ярко-красная, огромное красное полотно, и в середине его — маленькая сценка, летящий Меркурий, охотящаяся Диана или мирная сценка *Одиссеи*. Или: стена вся черная, и посредине живой цветок, желтое с пунцовым, белое с лиловым. Может, и впрямь это сообщало комнатам удивительное единство планировки и настроения. Независимо от нашего отношения к ним, помпеянские виллы и их росписи вдохновили многих творцов Нового времени — художников, архитекторов, поэтов, а путешественник «в своем личном чувстве ... обращает развалины помпейских домов в художественный музей, в котором он каждый день открывает все новые и новые сюжеты для живого и всестороннего изучения» (Ю. А. Кулаковский, 1883 г.). Эти расписные стены выдержат все: после пепла им уже ничего не страшно, даже человеческое равнодушие.

В римских провинциях, в маленьких городках и муниципиях, как Помпеи, шла жизнь независимая,

свободная, хохочущая, дружелюбная, нимало не угнетаемая кесарем. Пожалуй, потому все остальное в Помпеях неинтересно, однообразно, почти как в наших городах. Помпеяне жили легкой летней жизнью, имели летнюю психологию, пользовались хорошим расположением духа, как наш человек на даче или «на водах». Они имели маленькие провинциальные удовольствия, не столичные и не страшные. Но страшно погибли в самом конце лета вместе: «Неужели я настоящий и действительно смерть придет?» — спросится по другому поводу Осипом Мандельштамом в 1911 году.

По мнению историков, в этом городе не только умирали, но и рождались. Так, в 98 г. до н. э. появился на свет Тит Лукреций Кар, автор знаменитой проэпикурейской поэмы *О природе вещей* (в статье *Афины* я цитировал Лукрециево описание чумы), про биографию которого ничего не известно¹. Род Лукрециев, этрусского происхождения, был широко представлен в Помпеях, что видно из надписей. В то время как Лукреции римские занимались политикой и военным делом, помпейские Лукреции были *patricii minorum gentium*, земельными собственниками скромного достатка, занимав-

¹ О Лукреции в России первым заговорил профессор Императорского университета св. Владимира, доктор римской словесности (позднее — член-корреспондент Императорской Академии наук) Юлиан Андреевич Кулаковский (1855–1919), прочитав в стенах Университета в январе 1887 года специальную лекцию. См. новейшее переиздание: Ю. А. Кулаковский. Эсхатология и эпикуреизм в античном мире: Избранные работы / Вступит. статья, подготовка текста и коммент. А. А. Пучкова. СПб: Алетейя, 2002. С. 198–253.

шие искусства и наукой. *Cognomen Carus* (Кар) для Помпей типично: некогда при раскопках на *Via dell'Abbondanza* был найден дом, принадлежавший около 79 г. до н. э. некоему дуумвиру по имени *Carus*, украшенный фресками времени последних лет Республики, которые относятся к *Илиаде* Гомера: ею восторгался не только Лукреций. Не лишено вероятия, что этот *Carus*, которому принадлежал открытый из пепла дом, и был нашим Лукрецием (так считал Гвидо дела Валле, 1944 г.).

Настроение староиталийской улицы можно ощутить, перелистывая, скажем, разнузданного романтика 19 в. Т. Готье («Аррия Марцелла»), ироничного И.-В. Гёте («Итальянское путешествие»), выпренно набожного и саркастического В. В. Розанова («Итальянские впечатления»), остроумного П. П. Муратова («Образы Италии») и глядя на вдохновенное полотно К. П. Брюллова «Последний день Помпеи» (1830–1833 гг.). Кстати, Брюллов в 1827 г. побывал на раскопках в Помпеях и, трудясь над всемирно известной картиной, изучил подробности трагического происшествия и открытия археологов. Для некоторых персонажей (мать с дочерью на первом плане слева, женщина, лежащая в центре) он использовал слепки, сделанные во время раскопок — в пустоты, образованные в пепле телами погибших, заливался гипс, который, застывая, воссоздавал их предсмертные позы (они сейчас в музее у входа в город-некрополь). И в Италии, и в России, где брюлловское произведение было выставлено (в Академии художеств), мастера ждал *triumphus*. Потому, когда Брюллов вернулся в 1835 г. в Петербург, государь император Николай Павлович заказал ему картину «Осада Пскова королём Сте-

фаном Баторием в 1581 году». Брюллов называл ее «досадой от Пскова», не закончил, и больше к исторической живописи не обращался. Его «Последний день Помпеи» иконографически примыкает к целому ряду родственных полотен мастеров романтизма (Теодора Жерико, Вильяма Тёрнера и проч.) — произведений, возникших по мере того, как потрясения, вызванные сейсмическим импульсом Великой французской революции, начинали понемногу баламутить политическую заварку европейских стран.

ПРИЕНА

Этот заштатный малоазийский городок на западном побережье Средиземного моря — между Эфесом и Милетом — окончательно раскопали в 1895–1898 гг. немецкие археологи Т. Виганд и Г. Шрадер. К времени гибели (в 150 г. до н. э., в огне пожара) город населяли 4–5 тысяч человек. Прелесть Приены (Priene) близ нынешнего турецкого поселения Келебеш, — о которой и речь вести было бы не нужно, если бы не обстоятельство, что Приена есть энциклопедия строительного искусства эллинов, — заключается в полноте и удобообозреваемости раскопок. Это видно при первом брошенном на план Приены взгляде: город — как на ладони, как взвод на плацу. Это город, по сохранности которого наиболее удобно изучать эллинистическую строительную технику и быт; пожалуй, другого такого древнегреческий мир не оставил.

Высоко над городом, на 371 м над уровнем моря, поднимается «упрямое мраморное чело» его акрополя, «огромное гнездо на скале». Хорошо сохранившиеся стены полигональным контуром опоясывают город и крепость, которые связаны крутой идущей по скале лестницей. Она всходит ломаной линией более чем на 200 м, требуя от жителей, чтобы не страдали они головокружением. В Приене

жители были здоровые. Недаром среди видных приенян — деятелей искусства — «Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale» (Рим, 1958, т. 1, fr. 543) указывает только Архелая (сына Аполлония), автора скульптурного рельефа *Анофеоз Гомера*. В соседнем, «плоском» Милете их гораздо больше: поскольку в здоровом теле здоровый дух — явление редкое.

Городских ворот трое: Восточные, Западные и «У источника». Подле последних, устроенных для доступа к чистой воде, есть ниша для статуи и над ней надпись: некто Филий с о. Кипр видел во сне героя Навлоха и обеих фесмофор (законодательниц) — Деметру и Кору. Это ни к чему не обязывающее сновидение и побудило воздвигнуть статую Навлоха — защитника города, — ныне исчезнувшую. Главная улица города имеет ширину в 7,35 м, соседняя с ней — 6 м, рядовые — 3,2 м. Размеры кварталов равнялись 47,2 x 35,4 м (160 x 120 футов).

Раскопками найдена была не т. наз. Старая Приена, родина мудрого Бианта, а, конечно, т. наз. Новая Приена, построенная ранее 334 г. до н. э. по проекту архитектора Пифея I Сатира (автора одного из Семи чудес света — Мавзолея в Галикарнасе). По утверждению Б. П. Михайлова, вклад Пифея в теорию архитектуры неясен, однако, судя по спору, который ведет с Пифеем Витрувий в первой книге трактата *De architectura*, Пифей требует от архитектора всесторонней образованности. Витрувий не соглашается (I 1, 12–15). Впрочем, Пифей не был так уж не прав: планировка и инженерная инфраструктура Приены свидетельствуют об этом. Время основания города относят к II веку до н. э., к т. наз. темным векам греческой истории. Таким образом,

Приена есть образец правильно распланированного — по старой, гипподамовой системе — греческого города. В самом начале были воздвигнуты стены, а в опоясанном ими пространстве расчерчены улицы и построены дома. Город разделили в ширину на шестнадцать, в длину — на восемь параллельных, сплошь вымощенных крепкими плитами улиц, которые ориентированы строго по странам света. К долине реки Меандр город спускается четырьмя террасами; на верхней стоит святилище Деметры; ниже — терраса с храмом Афины Паллады (Полиады) и театр; еще ниже — агора, в самом низу — стадион и гимнасий.

Сердце города (как и других древнегреческих и — до сего дня — небольших современных городков) — рынок, вокруг которого, как вокруг внутреннего двора большого дома, группируются храмы и разные здания, от него же расходятся шеренги улиц. Городские власти приняли меры, чтобы богатые общественные галереи, опоясывающие рыночную площадь, не были осквернены продажей рыбы или мяса. Для этой цели служил т. наз. передний рынок (30 x 16 м): на грубых столах и наклонных, предназначенных для стока жидкостей, каменных плитах, торговали хлебом, маслом, зеленью, мясом и морепродуктами.

Почти как в средневековых и ренессансных городах, в Приене много фонтанов, в которых била студеная вода, проведенная с гор по водопроводу. На высоте 860 м над уровнем моря находилось множество неиссякаемых источников, откуда вода свободно ниспадала до верхней части горного кряжа, частично занятого акрополем. Высота его была 350 м над уровнем моря. Отсюда до городских ворот (около 2 км) вода текла по трубопроводу в об-

ход акрополя, с уклоном примерно в 1 м на 10 м. Трубы диаметром в 0,25 м и со стенками толщиной в 0,026 м лежали в канале трапециевидного сечения, перекрытом мраморными плитами. В городской стене сохранилось отверстие, чрез которое труба входила в город. Здесь устроили бассейн, из которого вода расходилась по городским трубам. Одна надпись сообщает, что некая богатая римская матрона, Фила, отремонтировала «своекоштно» бассейн и глиняные водопроводные трубы. В благодарность за это ее назначили стефанофором (городским головой). — Сообщение, надо заметить, довольно странное, поскольку в древнегреческом мире женщина-руководитель есть исключение удивительное.

Водопровод шел даже в частные дома, и прочищать его можно было через отверстия в главном рукаве, которые затыкались пригнанными глиняными крышками (современные сантехнические ревизии). Коленчатые трубы и ответвления устраивались реже, замазывание труб белой гипсоподобной и очень твердой массой было частым. Как доверяли ее прочности, можно убедиться из того, что трубы для питьевой воды проходили во многих местах через водосточные каналы. Впрочем, этот прием в гигиеническом смысле был сомнительным. Кроме домашнего водопровода, на перекрестках улиц город имел сточные колодцы. Еще проще было устройство обычных колодцев: в землю зарывали большие глиняные сосуды, которые соединялись с трубопроводом посредством отверстий в их стенках. Горлышко сосудов, из которых черпали воду, находилось на уровне земли и прикрывалось глиняной крышкой.

Подземной канализации Приена (как и другие эллинистические города) не знала. Сточные воды (в

желобах 0,30–0,40 м глубины и ширины) вытекали из домов по открытым каналам и — открытые или закрытые — проходили по всем улицам. Полное раздолье для всякого рода инфекций: потому-то привычны в древности холера и чума. Впрочем, лишь в незначительном числе жилые дома были оборудованы уборными, и стоки их выходили в общий водосток на улице. Комический поэт первой половины 4 века Евбул (не путать с Евбулом, противником Демосфена) отмечает, как из ряда вон выходящее, что в Фивах при каждом доме была уборная! В самом деле, зачем так много частных клозетов, если можно пользоваться общественными?

Античный житель Приены широкую долину реки Меандр видел оживленной многочисленными парусами и пенистыми гребнями волн. Эту единственную в своем роде живописную картину замыкал горный массив Латма; к нему с запада примыкали цепи холмов, у подошвы которых можно было рассмотреть крепость и театр города Милета.

Амбиции горожан удовлетворялись роскошно. Если в других городах отличившемуся в чем-нибудь гражданину ставили или вешали на стенку одно изображение, то в Приене одно и то же лицо чествовалось четырьмя: позолоченным, бронзовым, мраморным и нарисованным на стене галереи. Остатки этих регалий до сих пор производят впечатление.

Приена — второй город, из раскопок которого можно получить представление о греческом жилом доме. Первыми были Помпеи. Фасады, выходящие на улицу, делались глухими. Прежде чем попасть в непокрытый атриумный двор, окруженный с трех сторон жилыми помещениями, посетитель должен был пройти через длинный узкий коридор. Наиболее за-

мечательным (и физически заметным) в приенских домах был обращенный на юг зал с большим поддерживаемым колоннами вестибюлем. Римский артиллерист-теоретик Витрувий¹ (труд которого — главный и единственный источник по античной архитектуре) называет простас (вестибюль) и ойкос (зал, гостиная) среди отличительных признаков эллинистического жилища. В ойкосе стоял домашний алтарь (Зевса или Посейдона, Аполлона или Геры), здесь хозяин принимал посетителей и происходили званые обеды (и столование). Женская половина (геникей) размещалась на втором этаже. И это было правильным, поскольку, как заметил другой теоретик архитектуры — возрожденческий титан Леон Баттиста Альберти, «шум детей, служанок и крикливой дворни должен быть отдален от занятий мужей»². У афинского ритора и логографа Лисия (4 в. до н. э.) находим такое описание (правда, касатель-

¹ Доктор искусствоведения Г. З. Каганов в частном письме так комментировал название специальности Марка Витрувия: «На мой взгляд, самое любопытное в Витрувии это его любительство. Самое для нас главное, что пожилой артиллерийский (так придется называть его — в русском языке нет слова для Витрувиевой военной специальности) офицер не просто проталкивал свою околоархитектурную компиляцию, но и хотел получить за нее триумф. Ни один профессиональный архитектор так далеко не заходил. Это и делает трактат бесценным: говорит не компилятор, а сама профессия его случайными устами» (Санкт-Петербург, 5.XI 1998). Я люблю эту оговорку о Витрувии, и где это уместно, — повторяю.

² Леон-Баттиста Альберти. Десять книг об архитектуре / Пер. с лат. В. П. Зубова; Под ред. А. Г. Габричевского: В 2 т. М., 1935. Т. 1. Текст трактата. С. 137.

но Афин, но особенных различий не было): «У меня двухэтажный дом, комнаты которого наверху и внизу вполне соответствуют друг другу; наверху были женские покои, внизу — жилище мужчин. Но когда у нас родился ребенок, моя жена стала его кормить и перебралась вниз, чтобы не приходилось каждый раз, когда ребенка нужно было купать, сносить его по лестнице» (*пер. С. И. Соболевского*). Кухни как помещения не было: пользовались переносными жаровнями. Зато ваннные комнаты были: пол занимался плоским прямоугольным глиняным сосудом, имеющим круглое мискообразное углубление (сидячая ванна — прообраз джакузи). Дверной порог был каменным, а косяки — деревянными. Створки дверей вращались на бронзовых петлях, вделанных в порог. Посетитель извещал о своем приходе при помощи дверного молотка, который обычно имел форму бронзового кольца с рельефным украшением и прикреплялся снаружи к одной из створок. Для закрытия оконных отверстий служили ажурные плиты из терракоты. Излюбленным украшением жилых помещений был Дионис с разнужданной свитой и театральные маски.

Особая достопримечательность Приены — храм Афины Паллады, который был основан (или закончен) Александром Македонским: верхняя надпись на фасаде свидетельствует об этом двусмысленно. Известно, что во время завоеваний побережья Малой Азии Александр предложил городу Эфесу (который как раз восстанавливал храм Артемиды, якобы сожженный обессмертившимся Геростратом), что он возьмет на себя все дальнейшие расходы по восстановлению с условием, чтобы его имя было высечено на стене храма. То, что гордые

эфесцы отклонили, скромные приенцы приняли, и Александр щедро вознаградил их: великолепный храм Афины с гигантскими колоннами (11 x 6 шт.) стал украшением провинциального ансамбля. Архитравный камень главной двери храма Афины имел длину 4,75 м, дверной проем — по греческому обычаю — несколько сужался кверху. Турки, охочие до разрушения античных памятников и сами к созиданию не особенно приспособленные, всячески давали волю своим разрушительным устремлениям. Впрочем, не только турки: остатки многих приенских архитектурных объектов можно обнаружить в Британском музее, в Лувре или в Берлинской пинакотеке. Так, от скульптуры Афины Паллады, являвшейся копией хрисоэлефантинной (золотослоновостной) статуи работы Фидия в афинском Парфеноне, были обнаружены лишь часть левой ноги, кусок левой кисти и позолоченные крылья.

Приена стояла на реке Меандр (ныне — р. Большой Мендерес), название которой дало имя не только излучинам — изгибам русла реки, возникающим в результате действия течений, не совпадающих с направлением основного потока, при которых поверхностные струи направляются к вогнутому берегу, а донные — к выпуклому, но и греческому геометрическому орнаменту из непрерывной кривой или ломаной под прямым углом линии, образующей ряд спиралей. Орнамент этот известен всякому, кто хоть сколько-нибудь, совсем немножко знаком с культурой древнего мира.

Картина Приены по-древнегречески своеобразна, особенно после того, как с изданием найденных среди руин 360 надписей стало возможным оживить улицы и дома с их обитателями, расслы-

шать голос древнего города. Впрочем, не забудем, что настоящая история античной архитектуры началась на рубеже 19 и 20 веков именно с классической филологии, с публикации памятников эпиграфики: руины преимущественно молчаливы, зато тексты красноречивы и занимательны.

РАВЕННА

В Вечном Городе 5–6-го веков строительство почти прекратилось. Судите сами: Пантеон построен, форумы и термы уже начали разрушаться. Однако столичность архитектурной идеи, отточившись на оселке традиции, была живучей и некоторое время даже «вечной» — подобно Риму. Император Август хвалился, что застал Рим глиняным, а оставляет мраморным. Император Константин, за поддержку христиан (впрочем, выдуманную услужливыми биографами Лактанцием и Евсевием Кесарийским) канонизированный, получив Рим языческим, умер в намерении превратить его в христианский. Но главные усилия Константина были направлены в другое русло — на Восток, к Босфору. Мечта создать Новый Рим реализована Константином на месте городка Византий (в 324–330 гг.), которому суждено было стать столицей тысячелетнего царства ромеев, преемником Рима старого — Константинополем.

На пути из Вечного Рима в Новый Рим (Nova Roma) лежала Равенна — город-порт на восточном побережье Северной Италии, где в 5 веке находили убежище римские кесари. С середины 6-го до середины 8 века Равенна была центром управления ромейской Италией, отвоеванной Юстинианом Вели-

ким у остготов, форпостом против варваров, в котором жил ромейский наместник-экзарх («равеннский экзархат»). Город был завоеван германским племенем лангобардов в 751 г. (в 568 г. они вторглись в Италию и образовали королевство, которое через два столетия завоевал Карл Великий). Равенна была последним городом античности и первым городом средневековья. Сейчас она — туристский центр, между Венецией и Флоренцией.

Омываемая теплыми водами Адриатики, Равенна развилась при остготе Теодорихе (ок. 454–526), который, будучи воспитан при дворе ромейского императора Льва, завоевал Италию и основал собственное королевство. Остготы составляли государство в государстве. Теодорих был преемником римских традиций: как римляне чтили древних греков, научая детей греческому языку, так остготы искали контакта с итало-римской знатью. Впрочем, по одним сведениям, король был малограмотен: когда ему приходилось подписывать латинские указы словом *legi* (читал), он делал это при помощи золотой дощечки с прорезанными буквами. По другим свидетельствам (хронист Феофан), Теодориха учили лучшие наставники. Впрочем, королевство было недолговечным (493–555 гг.), но для остальной Италии благостным: король восстановил в Риме полуразрушенную *Via Appia*, позаботился об осушении Помптинских болот, возобновил крепостные стены. И благодарные римляне слушались его приказаний. Даже когда Остготское королевство ушло в прошлое, Равенна как центр паломничества не померкла.

Теодорих прокладывал дороги, возводил мосты, водопровод, военные укрепления, дворцы и храмы. Столичный шик садов и резиденций, роскошь

придворного быта служили предметом восторгов и славословия современников. Архитектор и строитель — обязательные должности в державной иерархии. При дворе жили прославленные философы (Боэций, Симмах, Кассиодор), происходили поэтические ристания, звучала музыка. В равеннском дворце были собраны занимательные механизмы вроде водяных часов (клепсидры) или вращающегося глобуса. Правда, характер Теодориха был вздорным и подозрительным: Боэций и Симмах были по наговору обезглавлены. Именно в Теодориховой тюрьме, перед смертью, Боэций написал трактат *Consolatione philosophiae* (*Утешение философией*, 524 г.). Свидетельствуют, однако, что убийство двух мудрецов легло на Теодориха тяжким бременем, он занемог и вскоре умер. Его знаменитый мавзолей строители пытались увенчать куполом подобно римским сооружениям, но для этого не хватало знаний и опыта (сказывалась провинциальность). Потому гробницу завершает трехтонный камень, выдолбленный в форме купола (его доставили с противоположного берега Адриатики, подвесив между двумя кораблями). Археолог граф А. С. Уваров в 1870-х гг. писал об этом памятнике следующее: «На восьмиугольном подножии и без обхода теперь, но окруженная сперва аркадным ходом снаружи, часовня особенно замечательна такою живостью архитектурных расчленений, какой в эпоху древнехристианского искусства не встречается уже нигде, и образованием своего купола из одной колоссальной глыбы».

Восьмигранная церковь св. Виталия (середина 6 в.), выстроенная после захвата Равенны Константинополем, первой показывает, каким образом в го-

род проникали столичные, римские идеи. Эти идеи приближались к старым римским архитектурным типам, которые в Константинополе, однако, были уже преодолены. Это и понятно, ведь Равенна даже территориально ближе Риму, чем Царьграду. Но если архитекторы были римлянами, то мозаисты — ромеями: знаменитые мозаики с изображением императора Юстиниана Великого и его супруги Феодоры свидетельствуют, что храм выстроен на константинопольские деньги и под патронатом императора.

Вообще, Равенна славна не столько церквями, сколько их мозаиками, которые указывают на родство с константинопольскими. У церковного хрониста Агнелла (9 в.) сохранилось описание одной равеннской мозаики начала 6 в. На ней рядом с фигурой облаченного в римские доспехи Теодориха изображен в латах богини-воительницы Рим; Равенна подана не-реидой, простирающей из моря руки к остготскому цезарю. Это символ единения былого величия Рима и текущего могущества Равенны. Но время берет свое. Большинство сакральных построек Равенны 6 века — базиликального типа (самая знаменитая: церковь св. Аполлинария in Classe, то есть *во флоте*). Мавзолей Галлы Плацидии (римской августы, сестры римского императора Гонория от второго брака ромейского императора Феодосия Великого), известный в Равенне с предостготских времен (440 г.), был образцом крестовокупольного типа сооружений, увенчанных куполом на парусах (ветви креста перекрыты полуциркульными сводами). Тут же мозаичное изображение Христа как Доброго Пастыря. Язычники могли принять такое изображение за бога Гермеса. Недаром, похоже, остроумный Шарль Диль называл Равенну эпохи Юстиниана «итало-византийскими

Помпеями» или «западной Византией». Восточный император питал слабость к провинции. Константинополь же как Град Божий (Теуполь) в глазах христиан выглядел чистой, не запятнанной языческим прошлым столицей, центром христианской веры, в котором соединялся авторитет императорской власти с авторитетом столицы восточного христианства. Это был уникальный город Империи. Статус Равенны иной: здесь наблюдается смесь римскости, варварства и царьградской клерикальной чистоты. Во время первого правления дикого Юстиниана II, когда папа Сергий отказался утвердить постановления Трулльского (Пято-Шестого) Вселенского собора, в Рим был послан депутат, чтобы добиться приезда папы в Константинополь для дачи объяснений. Когда посланник, прибыв в Рим, сообщил о царевом желании, папа отказался. Равеннское войско решило не выдавать понтифика и двинулось в Рим на его защиту. Папа взял посланника под покровительство, успокоил равеннцев, и тот смог вернуться к императору невредимым. Юстиниан II не простил Равенне измены, и во вторичное его правление город подвергся жестокой каре. К тому же, равеннские граждане, присутствовавшие в Константинополе при первом низложении Юстиниана (отрезании ему носа и урезании языка, после чего он был назван *Ринотмет*, то есть *с отрезанным носом*), выражали этому акту сочувствие. Император арестовал высших чиновников города, в том числе и еп. Феликса, солдаты произвели грабеж церковных сокровищ, жестокие разрушения, насилие над жителями и большой пожар в городской гавани. Арестованные доставлены в Царьград и обезглавлены. Расправа с Равенной была поддержана папским Римом, поскольку равеннский еп.

Феликс подчеркивал автокефальность, отказавшись от получения обязательного на то разрешения. В результате папа Сергий поехал в Константинополь и был принят Юстинианом II по высшему разряду. Вспомним, что вопрос о внутренних конфликтах внутри христианства — между православием и католичеством — имеет две организационные основы: вопрос догмата и вопрос церковного управления. Первой с конца 2 века усвоено название ересь, второй — схизма. Однако и то, и другое — есть разномыслие (*dissensio*) относительно мировоззренческого единства, стимулированное двумя проблемами: почему возникшие римские притязания и новшества нашли единодушную поддержку на Западе (в Риме) и столь же единодушный отпор на Востоке (в Константинополе). В течение столетий до окончательного разделения кафолической (то есть вселенской) церкви ситуация была следующей: римскому понтифику было выгодно признавать власть царьградского цезаря, чтобы быть независимым в глазах варваров. Ромейское же правительство нуждалось в римских папах до тех пор, покуда лелеяло надежду взять Италию под владычество и обладало остатками Равеннского экзархата. Восточной церкви папа был нужен как клерикальный авторитет, лежащий вне пределов фактической власти императора, чтобы, опираясь на него, можно было вести борьбу с императорами-еретиками и пресловутым ромейским «цезарепапизмом». Связь с Римом давала Востоку возможность, отпадая от покорных императору епископов и патриархов, сохранять контакт с кафолической церковью. Однако после коронации Карла Великого (800 г.) папы нашли материальную опору у западных государей. Если бы Константинополь согласился при-

знать папский примат, как его понимали сами папы (то есть не как почетное первое место и моральный авторитет, а как действительную власть над церковной жизнью, включая и догмат), — папа бы еще задумался, но поскольку этого не случилось, Восток Западу был не нужен. Папа хотел действовать как глава всей Церкви, и ему осталось объявить, что все, кто ему послушен, и есть истинная Церковь. Но Константинополь послушен не был. Уже в 5–7 веках папы сталкиваются или с константинопольским патриархом, или с самим императором. Не останавливаясь на внутреннем раздоре догматического характера (ереси и пр.), скажем, что в мае 1054 года между царьградским патриархом Михаилом Кируларием и римским папой Львом IX произошел серьезный клерикальный конфликт, приведший к разделению кафолической церкви на католическую (западную) и православную (восточную)¹. Равенна, особенно в эпоху экзархата (6–8 вв.), споспешествовала упрочению политического противостояния, приведшего в 11 веке к разрыву. Ее роль как не только территориальной посредницы между Римом и Константинополем может быть вполне сопоставлена с ролью, которую (по Тертуллиану и Льву Шестову) между Афинами и Иерусалимом играл Рим. «Равенна умерла уже слишком давно, ее мавзолеи окружены теперь

¹ Михаилу Кируларию посвящена большая литература. Это избавляет от необходимости останавливаться на забавной биографии патриарха. Из работ на русском языке: М. Я. Сюзюмов. Разделение Церквей в 1054 г. // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 44–57. См.: Я. Н. Любарский. Михаил Пселл: Личность и творчество // П. В. Безобразов, Я. Н. Любарский. Две книги о Михаиле Пселле. СПб, 2001. С. 286–299.

суемой провинциального зажиточного городка», — писал, не особенно ошибаясь, еще в начале 20 века П. П. Муратов в литературно изысканных «Образях Италии». Александр Блок в 1909-м выразил ощущение от Равенны, побывав в ней вместе с супругой Л. Д. Блок (Менделеевой), в хрестоматийном стихотворении.

Всё, что минутно, всё, что бrenно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.

Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.

От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожог.

Военной брани и обиды
Забыт и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.

Далёко отступило море,
И розы оцепили вал,

Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.

А виноградные пустыни,
Дома и люди — всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

Стихотворение показывает, что из последних заметных равеннских событий Нового времени следует назвать смерть Данта, в котором, по слову Томаса Карлейля, «десять пребывавших в немоте веков чудным образом нашли себе выражение».

После изгнания из Флоренции (по политическим причинам) Дант провел несколько лет в Вероне при дворе гибеллинского лидера Кан Гранде дела Скала, а последние годы пользовался гостеприимством правителя Равенны Гвидо да Полента. Назначенный в состав дипломатической миссии, должностовавшей уладить конфликт между Венецией и Равенной, Дант умер 14 сентября 1321 г. от малярии, подхваченной в болотистых испарениях реки По на пути из Венеции: крепкий организм поэта был к тому же ослаблен усиленным трудом над Поэмой, требовавшей — понятное дело — сверхчело-

веческого напряжения. Гвидо да Полента почтил славного друга достойным погребением: Дант был похоронен «с великими почестями, в одеянии поэта и великого философа», тело его по приказанию сеньора города было украшено «поэтическим убором поверх погребального ложа». Поэтический венок, которого Дант тщетно дожидался при жизни, сопровождал его в могилу. По просьбе Гвидо почетные граждане Равенны донесли на своих плечах гроб с останками певца до места его упокоения — небольшой капеллы при церкви Сан Франческо. В 1482 г. итальянский зодчий и ваятель Пьетро Ломбардо по заказу Бернардо Бембо (отца другого поэта) воздвиг его гробницу; в 1870 г. мавзолей был перестроен и приобрел теперешний вид. Кости поэта, по разным причинам (больше всего политическим) кочевавшие по монашеским рукам, в мае 1865 года были найдены при небольшом ремонте в соседней капелле монастыря. А совсем недавно, по сообщениям, его прах найден между книг в одной библиотеке: не известно, правда ли это. Впрочем, не все ли равно: ведь могилы великих людей, как правило, неведомы (Моцарт, Рембрандт, Мандельштам, Флорентский, Розанов, Шпет...). Эти слова Осип Мандельштам сказал о Данте в 1937-м, перед арестом:

Заблудился я в небе — что делать?
Тот, кому оно близко, — ответь!
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть.

Не разнять меня с жизнью: ей снится
Убивать и сейчас же ласкать,
Чтобы в уши, в глаза и в глазницы
Флорентийская была тоска...

Если эскиз европейской культуры дученто-треченто дал своего рода карту, на которой мы теперь можем отыскать Флоренцию, то фетиш Дантовой гробницы — завлекательное празднество для туриста, который посещает город, равный по значимости тосканской столице. Недаром ведь равеннцы не отдали флорентинцам прах великого поэта, хотя те, «осознав» и извиняясь перед памятью изгнанного ими земляка, очень об этом просили.

РИМ ДРЕВНИЙ

Понятие Рим имеет сложную лестницу коннотаций: от названия целого латиноязычного государства, в котором Средиземное море было небольшим внутренним озером, до Третьего Рима — Москвы, — после чего (по замечанию инок Елеазарова монастыря Филофея) «четвертому не бывать». Слыша *Рим* без уточнения, не сразу и понятно, о чем речь: то ли это город в пределах городской стены, основанный Ромулом (и Ремом), то ли то, что лежит, по слову Тертуллиана, между Афинами и Иерусалимом. Ведь здесь есть все: кафедра св. Петра, папская энциклика и эшафот инквизиции, тысячелетняя история розги и пряника, хлеба и зрелищ (panem et circenses), крови и жестокости, верности и предательств, изысканной риторики и рабского немотства, величественных зданий и жалкой инсульты, острых афоризмов, великих поэтов и ничтожных императоров. И несть ему конца не только потому, что туда все дороги ведут, но потому, что как бы ни шел, всякий раз на Рим натыкаешься. Так было и во времена римских цезарей (разделявших и властвовавших), и авиньонского пленения пап (14 в.), и Гарибальди, и даже сейчас, когда Рим, деля территорию с Ватиканом, никак не совлечется груза давнего величия, сколько бы его ни рушили и ни пыжи-

лись считать не Вечным Городом, а лишь городом среди городов. По крайней мере, для нас есть два Рима: Рим древний и Рим новый — до и после 476 года. Побродим сперва по древнему.

На заре существования он уже был городом — основан как город, а не вырос, как другие, из окрестных поселений. По преданию, заложен вскормленными римской волчицею братьями Ромулом и Ремом — сыновьями бога войны Марса — ок. 753 г. до н. э. на семи холмах (Septimontium) — возвышенностях в области Лаций, на левом берегу Тибра. Число составляли горы Палатин, Авентин, Капитолий, Целий, Эсквилин и холмы (colles) Квиринал и Виминал. Рим заложен Ромулом на Палатине, и первоначальный состав Septimontium таков: Палатин с двумя отрогами (Цермал, Велия), часть Целия и три возвышенности Эсквилина (Карины, Опий, Циспий). На Квиринале и Виминале обитали сабиняне, присоединившиеся к палатинскому Риму, согласно легенде, после «похищения сабинянок». Про сабинянок: сначала Рим был заселен только мужчинами и соседние племена не желали выдавать за них своих женщин. Тогда Ромул пригласил соседей с семьями на праздник, где хозяева учинили разбой и барышень отняли. Сабиняне обиделись и начали войну. Сабинскому царю Титу Тацию удалось разбить римлян, однако, сражение было прервано сабинянками — женами римлян, вставшими между сражавшимися. После всеобщего братания сабиняне и римляне объединились в квиристов. Частью Рима были также холмы Ватикан и Яникул на правом берегу и северный холм Пинций.

Так вот, братья повздорили из-за пустяка: Рем перепрыгнул через стены Quadrata Roma (квадрат-

ного Рима), возведенные Ромулом, и тот в припадке ярости прикончил единоутробного. Ромул, став царем, правил 38 лет (до 715 г. до н. э.) и погиб при странных обстоятельствах (см.: *Римскую историю от основания Города* Тита Ливия, I, 16 1–4). По общему мнению, основание Города приходится на 11 день майских календ (21 апреля), и римляне празднуют его до сих пор. Нечего и говорить, что история основания Рима, даже имея легендарную основу, не идет в сравнение с историей основания, скажем, Афин. В преданиях упоминаются троянский Эней и семь царей. Последний, седьмой царь, Тарквиний Гордый, лицо реальное. Последние цари, впрочем, тоже исторически осязаемы: Нума Помпилий, Тулл Гостилий, Анк Марций, Тарквиний Приск, Сервий Туллий. Сервию приписано создание знаменитых римских стен, веками устранивших врага. Кстати, остаток Сервиевой стены изящно встроено в багажный зал фешенебельного вокзала Термини.

О доримском Риме хорошо сказал Публий Вергилий Марон:

В час, когда тевтры вдали увидали твердыню и стены,
Редкие кровли домов, что теперь до неба возносит
Гордый Рим; а тогда владел небогатым наделом
Царь Эвандр. И к нему корабли повернули дарданцы.

(*Энеида* VIII 98–101; пер. С. А. Ошерова)

После изгнания Тарквиния Гордого была установлена Республика (510/509 гг.). К середине 3 в. до н. э., подчинив Италию, город превратился в государство, добившееся гегемонии в Средиземноморье, что привело к столкновению с Карфагеном и его гибели после трех Пунических войн в 146 г. до н. э. Усилившееся в связи с ростом рабовладения разорение крестьян вызвало недовольное движение

сельского плебса и рабов (Спартак). В 1 в. до н. э. стали значительны армия и ее вожди: Сулла, Марий, Помпей, Цезарь, Антоний и, конечно, Октавиан. В ходе гражданской войны 49–45 гг. правителем стал Цезарь, автор максим: «пришел, увидел, победил» (*veni, vidi, vici*), «...и ты, Брут!» (*et tu quoque, Brute!*) и пр. 15 марта 44 г. до н. э. сторонниками Республики Цезарь был убит. Новый период местных войн завершился победой Октавиана, получившего волею S. P. Q. R. в 27 г. до н. э. титул Августа. Со времени Августа Рим стал Империей, а император — обожествляем.

Выросшая из Рима, это была империя инженеров, пиршеств и толпы. На столь дальнем расстоянии она различима едва ли более, чем точка на карте, но надписана разборчиво. Город был громадным: владения простирались от Шотландии на севере до Сахары на юге, от Испании на западе до Месопотамии и Закавказья на востоке. Каждая уважающая себя европейская народность находит на территории дислокации римские корни. Семь легендарных холмов — лишь топооснова. Подлинную жизнь вдохнул в Рим этрусский обряд луперкалий: 21 апреля юноши-луперки бегали по очертаниям будущей городской стены — померию, — который отделял внутренность города от внегородского и, стало быть, не-римского пространства. Этрусские традиции закладки города, то есть превращения латинян в римлян, во владениях Лация и Кампании сказывались больше, чем греческие. Но эллинистические тенденции в стремлении к регулярности тоже сказались в Риме ярче, нежели в Греции. Вообще, Рим желал быть похожим на Грецию — желал до такой степени, что благодаря Греции обрел и ис-

торию, и мифологическую культуру (отличную от греческой), и искусство. Подумать только, Нерон, наслаждавшийся устроенным им в 64 г. пожаром Вечного Города, в то же время даровал Греции (римляне ее называли провинция Ахайя) свободу и автономию «в полном объеме», присовокупив к этому освобождение от налогов!

Страбон писал, что Рим постоянно перестраивается. Еще бы — не только Рим, всякий живой город перестраивается (Помпеи — завидное исключение). Но перестройки регламентировались: Божественный Август, которому принадлежит тезис: *Получив Рим кирпичным (глиняным), я оставляю его мраморным*, издал закон, запрещающий строить здания более 70 футов высотой (ок. 21 м). Закон соблюдался. В отличие от греческих общественных пространств — площадей и агор, — римские площади усложнены риторикой полукруглых композиций (эпоха Флавиев и Антонинов). Правда, архитектурность Рима уступает греческой: в архитектуре стала возможной ложь. Это — сугубо римское (а потом ставшее византийским) — наследие мы ощущаем до сих пор. Конструкцию заступает декорация, мутирует строительная правда коринфского ордера и ордеров вообще, колонны научились «ничего не нести»; родилась слащавость пилястры (например, в амфитеатре Флавиев — Колизее). Конечно, «в новых великих державах человеку жилось богаче, сытней и уютней, чем в скудной простоте полиса. Однако это материальное довольство было куплено ценой душевных тревог, неведомых жителю полиса. Теперь он был не гражданином (хотя назывался именно так!), а подданным, его политическая жизнь определялась не его волей, а неведомыми замыслами монарха и его

советников, его хозяйственное благосостояние определялось таинственными колебаниями мировой экономики», — проникновенно отмечал М. А. Гаспаров в статье про Горация. Афинский Сократ в Риме уже невозможен, зато возможны Катулл и Марциал:

Нет, ты не знаешь, увы, как владыка-Рим привередлив.

Верь мне, умна чересчур сделалась Марса толпа.

(I 3; пер. с лат. Ф. А. Петровского)

В другом месте:

«Как же мне быть? Дай совет: ведь жить-то я

в Риме решился!»

Ежели честен ты, Секст, лишь на авось проживешь.

(III 38; пер. с лат. Ф. А. Петровского)

По всему видно, римлянин Марциал льстил римлянам, боялся римлян, мирился с римлянами, увещевал и поучал их, но жить без римлян не мог. Уехав в родной испанский Билибис, Марциал умер от тоски.

Если сравнивать греческую планировку города с римской, станет очевидно, что греки выделяли одну или три улицы, обязывая их значением «осей» городского плана, римляне же — только две, образующие перекресток (как *decumanus maximus* и *cardo* в римском военном лагере). Римляне стремились к упорядочению не только жизни и языка, но и городского пространства.

Определить границы древнего Рима нельзя, хотя некто аккуратный подсчитал, что это около 15% от всей территории города. Центр Рима — сначала центр Европы, затем — Италии; центр Рима — хаос самой истории, и для прямых и широких улиц места в нем не осталось. Планировка Рима иррегулярна.

Площадь, на которой торговали зеленью, называлась *forum Olitorium* (овощной рынок), фрукты и

сладо́сти продава́лись на forum Cuppedinis (лакомый рынок), главная площадь называлась просто Forum (теперь — Forum Romanum). В период Республики возводились в основном стены, дороги, мосты, склады, базилики. В 4 в. до н. э. были созданы каменная канава для нечистот (cloaca maxima), акведук Aqua Appia (Аппиева вода) — первый водопровод в истории Рима (длиной 16,5 км), мощеная дорога в Капую и цирк. Потом возвели еще три акведука: Anio Vetus (Старый Аниен), Aqua Marcia (Марциева вода) и Aqua Tepula (Тепловатая вода). Секст Проперций говорит о легком журчании струй, наполняющих звоном весь город (II, 32 15), Осип Мандельштам, — что город, «любящий сильным поддакивать, земноводной водою кропал», а Секст Юлий Фронтин (военачальник и praetor urbanus, автор *Стратегем*), рассматривая римские акведуки с инженерно-технической и утилитарной точек зрения, оценивал их гораздо выше бесполезных египетских пирамид и непрактичных, хотя и высоко восхваляемых построек греков. К началу 4 в. до н. э. в Риме действовало ок. 800 фонтанов и более 100 общественных бань (терм), изобретен унитаз с примитивным сливным бачком.

Улицы загромождались лавчонками мясников, пирожников и брадобреев. Здесь же, на узком тротуаре, учитель пестовал питомцев и за шалости сек их розгами. Царила такая теснота, что рабам, переносившим богачей по городу (нечто вроде наших такси), приходилось поднимать носилки над головами прохожих. Разумеется, не обходилось без пассажирских жертв: они падали и ломали шею. Ликторы, специальные служители, обязанностью которых было расчищать в толпе дорогу перед должно-

стными лицами (вроде «эскорта мотоциклистов»), нередко получали увечья в стычках с раздраженным народом (пользовались они т. наз. ликторским топориком — символом власти во времена Бенито Муссолини). Днем повозки проехать по городу не могли: груз перевозился ночью. Уличного освещения не было, быков, лошадей и мулов приходилось громко понукать в темноте (представляете, по-латыни!), и над Вечным Городом день и ночь стоял вечный Шум и вечный Грохот.

Главным объектом сакрального содержания был бетонный Пантеон (храм всех богов) с куполом 43,2 м диаметром. Пострадавший после пожара, в 118–128 гг. он перестроен императором Адрианом, который приказал соскрести на антаблементе прежнюю надпись: «Марк Агриппа, сын Луция, консул в третий раз, соорудил». В Пантеоне очевиден не только римский строительный гений, но и «римский бетон» (opus caementitium), но, — удивлялся Гораций: откуда навык сей, неведомо. В Пантеоне похоронен великий Рафаэль, умерший в 1520 г. при пикантных обстоятельствах. Главными же секулярными объектами были триумфальные арки императоров, а «играми» — императорские триумфы.

Христианство, легитимизированное, как говорят, при Константине, было удобно римским императорам, по мнению М. А. Гаспарова, тремя качествами. Во-первых, это была религия нетерпимости: этим она гораздо большее соответствовала монархическому духу, чем взаимотерпимые языческие религии. Во-вторых, это была религия проповедующая: этим она открывала большие возможности воздействия на общество, чем другие, более косноязычные. В-третьих, это была религия «военная»,

то есть организованная: христианские общины поддерживали друг с другом связь, христианский клир складывался во все более отчетливую иерархию по городам, провинциям и дицесиям. Неудобством было то, что христиан было мало; но императоры вмешались, и к концу 4 в. каждый законопослушный римлянин считал себя христианином. Клерикальные историки церкви с этим согласиться могли едва ли, и потому когда в декабре 1891 г. проф. Ю. А. Кулаковский выступил с публичной лекцией «Христианская церковь и римский закон в течение двух первых веков», один агрессивный церковник из Киевской духовной академии, М. Ю. Ковальницкий, анонимно издал против воззрений Кулаковского трактат на 400 страниц. С. С. Аверинцев замечает, что римские императоры, еще в 3 веке благожелательно относившиеся к христианству, и этим отчасти предвосхитившие политику Константина Великого, были выходцами с Востока, — как сириец Александр Север (чья мать — Юлия Мамаея — в бытность в Антиохии приглашала к себе знаменитого христианского теолога Оригена), а позднее Филипп Араб. «В качестве идеологии, противостоящей как греко-римскому язычеству, так и персидскому зороастризму и постольку санкционирующей самобытность пограничных народов — и арабов на юге, и армян на севере, но прежде всего сирийцев, — христианство сменяет в зоне “буферных” государств иудейскую веру, имевшую те же функции»¹.

¹ С. С. Аверинцев. Между «изъяснением» и «прикрыванием»: Ситуация образа в поэзии Ефрема Сирина // С. С. Аверинцев. Поэты. М., 1996. С. 46. Противопоставление греческой «литературы» и ближневосточной «словесности» и вообще культуры

Если для школьного учебника в качестве даты падения последнего императора Западной Римской Империи Ромула Августула («Маменькиного Августа») и тем самым Рима как центра Вселенной 476 год пригоден, на деле эта дата, имеющая символическое значение для хода событий в Италии, мало что значит для Средиземноморья в целом.

Подложная легализация Константином Великим (313 г.) христианской церкви и достижение последней господства (к 381 г.), перенос столицы в Константинополь (330 г.) и окончательный раздел Империи (395 г.) на Римскую и Ромейскую (Византийскую ее назовут только в 17 в. ловкие на выдумку историки) — агония великого града, но не великой культуры. Рождение в 800 г. Империи Карла Великого, «кляунийское движение» (10–11 вв.) и стимулировавшаяся им стабилизация папской власти (Лев IX и Григорий VII), вызревание рыцарства (первый крестовый поход, 1095–1099 гг.) — это уже не совсем римская история, хотя дух Вечного Города настойчиво овевал европейскую политическую традицию.

Имена же тех, которые писали о Риме и римских нравах, перечислению не поддаются. Однако

Греции-Рима и культуры Средиземноморья — одна из стержневых научных концепций великого ученого. См., в частности, его вступительную статью к сборнику переводов «От берегов Босфора до берегов Евфрата» (М., 1987, С. 5–52) и, конечно, программную статью «Греческая “литература” и ближневосточная “словесность” (Противостояние и встреча двух творческих принципов)» (1971 г.), недавно перепечатанную в сборнике трудов С. С. Аверинцева «Риторика и истоки европейской литературной традиции» (М., 1996, С. 13–75).

нынче, глядя на грандиозные остатки величественных некогда строений, следует дивиться как искусству тех, кто их воздвиг, так и предприимчивости тех, кто их позднее разрушил.

Назовем среди этих имен только одно: Осип Мандельштам:

Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью бренной.
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной.
Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны,
И без него презрения достойны,
Как жалкий сор, дома и алтари.

РИМ НОВЫЙ

Мы только что расстались с Римом древним. Я намеренно поставил уточняющее слово на второе место: сейчас разговор о Риме новом. Но Рим новый не стоит путать с Новым Римом, потому что *Novae Romae* — это Константинополь. Прилагательное «новый» к Риму я приставил условно. Впрочем, столь же условно античность отделена от средневековья, а средневековье от Нового времени.

А. Н. Гумилёв оставил в одной из лучших своих книг такой (впрочем, как всегда эмоциональный) приговор древнему Риму: «Теснота была жуткая. Дома строились плохо, вентиляция омерзительная, здания иногда падали, погребая жильцов под собой, но их строили заново так же скверно, потому что погибших никто не считал и не жалел... Они умели делать водопроводы, но со свинцовыми трубами. Вино также хранили в свинцовых сосудах, а других и не было. Вода стала заражаться свинцовыми окислами. Вино портилось, и люди постоянно медленно отравлялись. Короче говоря, в Риме был очень тяжелый быт, который люди терпели, чтобы бездельничать».

О Риме после 476 г. — после устранения последнего императора Западной Римской Империи *Romulus Augustulus* — рассудить связно еще труд-

нее, нежели о Риме республиканских и императорских времен.

Если очень кратко, пожалуйста.

В 6–8 вв. Рим — под властью Ромейской империи (Византии); в 756–1870 гг. (с перерывами) — столица Папской области, возглавлявшейся *Romanus Pontifex* (папой). Начало Папской области положил Пипин Короткий, подаривший наследнику Престола св. Петра территорию бывшего Равеннского экзархата. В феврале 1798 г. римскими республиканцами на территории области, завоеванной Наполеоном, объявлена Римская республика, пребывавшая в зависимости у Франции (ликвидирована в сентябре 1799 г. коалиционными войсками). Еще одна Римская республика (третья с начала Рима?) провозглашена в феврале 1849 г. — в рамках революции 1848–1849 гг. под водительством Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди. Она пала через шесть месяцев вследствие возмущения иностранных (в основном, французских) милитариев (вспомните «Овод» Э.-Л. Войнич). В 1870 г. Рим воссоединен с Итальянским королевством; в 1871 г. стал его столицей. Между Ватиканом и Итальянским государством в связи с ликвидацией в 1870 г. Папской области и перенесением столицы в Рим встал т. наз. римский вопрос: папа Пий IX отказался признать объединенную Италию, и на римский вопрос ответили конкордатом Латеранских соглашений, только в 1929 г. основав в городе Риме страну Ватикан (территория 0,44 км²). В 1922 г. премьер-министром Италии стал дуче фашистской партии Б.-А. Муссолини (расстрелян, затем повешен вверх ногами в апреле 1945 г. в Джулино ди Меццегра) — одновременно министр внутренних и иностранных дел, военный и военно-морской министр, почетный ака-

демик Болонской филармонии и первый маршал.

Ямы Форума заново вырыты,
И раскрыты ворота для Ирода,
И над Римом диктатора-выродка
Подбородок тяжелый висит,

— писал о Муссолиниевом Риме Осип Мандельштам. Последним королем Италии в 1900–1946 годах был Виктор Эммануил III. С 1946 года Рим — столица Итальянской Республики.

Может показаться, сей малоречивый матрикул не имеет отношения к архитектуре. Совсем напротив: пространство Рима потускнело и скукожилось, если б не перечисленные события, инициировавшие его развитие. Всякий исторический катаклизм наносит на тело человечества свою татуировку.

Смотрите. Упадок Римской империи в 1–4 вв. проявился прекращением возведения зрелищно-спортивных сооружений, прежние (Колизей, термы Каракаллы, Диоклециана и пр.) перестают содержаться в прежнем виде.

Как далеко до вершины крыш, — а с них черепица
Бьет тебя по голове! Как часто из окон открытых
Вазы осколки летят и, всей тяжестью брякнувшись оземь,
Всю мостовую сорят. Всегда оставляя завещанье,
Идя на пир,

— действительно советовал еще в 1–2 веках классик «суровой сатиры» Децим Юний Ювенал. Богачи перебираются на тихие загородные виллы. В 137 году готы потрудились над разрушением величественных римских строений, затем потрудились вандалы. Казна пустеет, и камню внимания мало. Город ветшает, мощные стены, поросши вековым мхом, рушатся, и врагам (у Рима было много врагов) все проще и проще «брать Рим».

Затем момент клерикальный. Раннее христианство античность не любило. Греко-римское ваяние напоминало христианину об идолопоклонстве и безнравственности римского цезаря. Ранний христианин, тая страх пред языческим божеством, рушил античные статуи, оправдываясь, что, мол, старик со старухой продолжали ему поклоняться. Конная статуя Марка Аврелия, «философа на троне», сохранилась потому, что ее приняли за статую (совсем не философа, но на троне) Константина Великого, якобы даровавшего христианам свободу вероисповеданий (повторюсь, что т. наз. Миланский эдикт 330 г. есть ловкая выдумка придворных историков Константина).

Так погибло многое. На Капитолии, где в древнеримское время высились мраморные храмы Юпитера и Юноны, в средние века устроили каменоломню, и только сердобольный и образованный Рафаэль начал вести там раскопки, а Микеланджело чуть позже превратил это место в добротный архитектурный ансамбль с лестницей, подле которой нынче позируют объективам туристы. Поднявшись по ступеням, справа человек видит здание Капитолийского музея (с тем, что не успели растащить на брусчатку в дорафаэлевской каменоломне), слева — палаццо деи Консерватори. Посмотрите направо, посмотрите налево, — зазубренно вещает экскурсовод.

В 12 в. вагант Вальтер Шатильонский и хотел бы сказать о Риме доброе слово, да не может:

...Возглавлять вселенную призван Рим, но скверны
Полон он, и скверною все полно безмерной —
Ибо заразительно веянье порока,
И от почвы гнилой быть не может прока.
Рим и всех и каждого грабит безобразно;

Пресвятая курия — это рынок грязный!
Там права сенаторов продают открыто,
Там всего добьешься ты при мошне набитой...

(Обличение Риму, пер. с лат. О. Б. Румера)

Чуть раньше Вальтера о Риме сочинил две элегии другой латинский автор — Хильдеберт Лаварденский, в несколько иных, сопереживающих город интонациях:

Нет тебе равного, Рим; хотя ты почти и разрушен —
Но о величье былом ты в разрухе гласишь.
Долгие годы твою низринули спесь, и твердыни
Цезаря, храмы богов ныне в болоте лежат.
Рухнула мощь, эта мощь, приводившая некогда в трепет
Грозный Аракс, что теперь горько о ней же скорбит...
Не в состоянье была дать богам такой облик природа,
В коем их дал человек на удивление всем.
Лики живые у них и, взирая на них, почитают
Дело художника здесь больше, чем их божество.
Город счастливый, когда б у него были власти другие
И не стыдились познать истину веры они!

(пер. с лат. Ф. А. Петровского)

Здесь кстати обратиться к истории собора св. Петра — Кафедры, унаследованной римским папой от самого апостола. Судьба его — главного храма католического мира — долгая и запутанная. Строительство велось три столетия (15–18 вв.). 1-го января 1547 г. главным архитектором назначен Микеланджело (1475–1564). К этому времени постройка в руках Антонио да Сангалло Мл. (ум. 1546) уклонилась от композиционных принципов, с которыми ее начал Донато Браманте (1444–1514). После смерти А. да Сангалло строительство продолжали фра Джокондо (ум. 1515), Джулиано да Сангалло (ум. 1519) и Рафаэль (ум. 1520). Каждый из них вносил в работу

предшественника коррективы, тем самым тормозя ее, и это бы длилось долго, если бы не творческое долголетие Микеланджело. Он хотел возвратиться к планам Браманте (который, кстати, причинил мастеру много огорчений, но талант коего Микеланджело ценил высоко). В плане Микеланджело возрождена идея греческого креста (это в католическом-то храме!), но вместо полусферического Пантеонова купола, проектировавшегося Браманте, он создал другой — по образцу яйцеобразного романо-готического флорентинского купола Филиппо Брунеллеско. Планировка Браманте в целом была спасена и проведена с совершенством, на какое Микеланджело был способен (способен же он был, как известно, на все). После его смерти Джакомо Бароцци да Виньола (ум. 1573) и Джакомо дела Порта (ум. 1604) продолжили дело, и лишь более поздние изменения плана в сторону его «латинизации», внесенные Карло Мадерна, да барочная отделка фасада, зачем-то усиленная Джанлоренцо Бернини (1598–1680), частично исказили идею и Браманте, и Микеланджело. Однако, портить было поздно. Любопытно, что строительные издержки на храм св. Петра покрывались доходами от продажи индульгенций. Генрих Гейне ядовито заметил, что деньги на сооружение главного храма католического мира давал грех, и храм этот сделался как бы памятником чувственного наслаждения: о нем можно сказать скорее, чем о Кёльнском соборе, что дьяволом воздвигнут он. «Этого триумфа спиритуализма, выразившегося в том, что сам сенсуализм должен был сооружать свои великолепнейшие храмы, что именно множеством уступок, делавшихся плоти, приобретались средства для возвеличивания духа»...

Бернини много потрудился в соборе: ему принадлежит балдахин, «кафедра» св. Петра и «Экстаз св. Терезии», свидетельствовавшие, что барочный тезис: «Если не можешь поразить, лучше стань конюхом», делал дело. Воистину: или имя — или «конюх». И тщеславные напрягались. Наиболее поразительной оказалась, конечно, колоннада площади св. Петра (1624–1663 гг.). Ось от собора к замку св. Ангела (и мосту через Тибр) отбита виа ди Кончилиационе, вдоль которой Муссолини, тоже увековечиваясь, натывал белые мраморные фонари. В центре площади установлен неизвестно почему египетский обелиск, вывезенный еще при Калигуле (1 век). Вообще, кто только не строил в Риме. «Упоминательная клавиатура» имен на его теле в постоянном звучании. Особенно досталось эпохе Возрождения: было что возрождать, было где и чьими руками. Если говорить о «ломбардской архитектурной школе» высокого Ренессанса, здесь просто роскошество фамилий. Теперь понятно, почему фашистский диктатор жаждал что-то изменять и перестраивать: чертовски приятно стать на одну ногу с Браманте и Бернини! И Муссолини пробивает магистраль — виа ди Фори Имперали — сквозь древние форумы: отныне в заторном Риме наладилось транспортное движение. Городская топонимика Рима забавна: например, на площади с красивым названием Кампо де Фьоре (Площадь Цветов) близ папской канцелярии инквизиторы сжигали евреев и еретиков, а 17 февраля 1600 г. предали огню профессора космологии Оксфордского университета и Сорбонны, бывшего доминиканского монаха Джордано Бруно.

Какие только типы храмов и формы зданий в Новое время ни появились в Риме. Одно перечисле-

ние растворяется в тумане бередящего дух эмоционального аффекта. Здесь и маленькое Темпьетто (храмик) Браманте — двухъярусная ротонда на месте распятия св. Петра в монастыре Санта Мария дела Паче, — и громадный собор св. Петра (высота с куполом 150 м). Здесь тысячи фонтанов, старые холмы и молодые деревья (пиньи). Здесь можно проследить развитие всех европейски значимых архитектурных движений — ренессанс, барокко, классицизм, функционализм и наша с вами современность. Что только ни делал в Риме архитектор со стеной, с самим принципом стены как конструкции! Попирая греческую традицию, он обучил колонну ничего не нести, стоять прислонившись и называясь пилястра, навязывал храмам (того же Петра), усыпальницам (Пантеон) и фонтанам (Триви) обесчеловеченный масштаб, гнул стену в угоду барочному сумасшествию (церковь San Carlo alle Quattro Fontane, архит. Франческо Борромини) или упрощал ее до чистоты (здание ЭУР — ансамбля Всемирной римской выставки, начатого в 1937 г., архит. Марио Пьячентини и др.).

В Риме впервые появилось имя архитектора как культурной единицы. Архитектор стал человеком, которого любят, позволяют чудачества, тычут пальцем на улице и обсуждают. Ему благоволят «безгрешный» папа, иногда заискивая, иногда гоняясь за непослушным сыном Божиим по всей Италии, дабы призвать к порядку (вспомним Микеланджело). Об этих стычках знала вся Ломбардия и Тоскана, а первый искусствовед, флорентинец Джорджо Вазари, подчеркивает сии пикантности в «Жизнеописаниях наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1550, 2-е изд. — 1568 гг.). Абрам

Маркович Эфрос сказал, что Вазари написал эту книгу, как Колумб открыл Америку: ненароком, едучи совсем к другой цели. Заметьте, он писал только о знаменитых — тех, кого знал лично, либо тех, о которых знал от надежных лиц. А имен на квадратный метр было столько, что роскошные здания на улицах терялись рядом со знаменитостями, которые по делу и без дела шастали туда-сюда. (В России таким был, пожалуй, только пресловутый Серебряный век.) Почему-то Рим Нового времени, особенно эпохи Возрождения, представляется мне похожим на древние Афины с сократами, платонами и горгиями: те же повадки, те же ценности, те же анекдоты (подчас скабрёзные), та же уличная болтовня, мальчики-наложники, недовольство собой и своим творчеством. И имена, имена. Они были независимы, а независимый человек неудобен. И если в демократичнейших Афинах Сократу этого не позволили (вежливо попросили отравиться цикутой), в Риме подобное сходило с рук, иначе окружающим герцогам-папам было бы скучно. Да и Вазари не мог появиться ранее 15 века: писать не о ком.

Кто только ни писал о Риме: всякий приличный посетитель оставил нечто вроде «Итальянского путешествия» или «Римских каникул». У каждого был свой ориентир — Флоренция или Палермо, — но о Риме высказался каждый. Вот И.-И. Винкельман (1755 г.): «В Риме надо ко всему подходить спокойно и с некоторой флегмой, иначе вас примут за француза. Рим, думается мне, высшая школа для всего человечества». А вот И.-В. Гёте (1786 г.): «Ты становишься соучастником великих решений судьбы, и наблюдателю поначалу трудно разобраться, как Рим сменяется Римом, и не только старый Рим

новым, но как различные эпохи наслаиваются одна на другую». Есть еще Г. Гейне, Н. В. Гоголь, В. В. Розанов, П. П. Муратов. И т. д.

Но мне ближе Осип Манделштам:

Италия, тебе не лень

Тревожить Рима колесницы,

С кудахтаньем домашней птицы

Перелетев через плетень? —

и С. С. Аверинцев, назвавший Италию «территорией исполненного гордыни артистизма».

Современный Рим, как всякий большой город, ничем от иных не отличается: прогресс человеческого безделья достиг цели, и уникальное можно не создавать, оно уже создано.

И даже если какое-нибудь новое строение по физическим размерам и будет больше собора св. Петра, город это едва ли испортит: так, привлечет внимание, вызовет чувство мерзости — не более. Памятник тем и хорош, что его трудно «забить» новостройкой, даже возведя рядом какой-нибудь современный гигант. Он — как жемчужина, в какой навоз ни брось — жемчужина.

Для культурной Европы одной из таковых есть Вечный Город.

РОДОС

Название Родос принадлежит двум географическим явлениям — острову Родос и его столице — городу Родос. Как отмечает Ю. А. Мосенкис, древнейшая история Родоса связана с древнейшей историей Крита: первым населением обоих островов, по греческим преданиям, были тельхины, напоминающие гномов из западноевропейского фольклора и известные как морские божества, колдуны и металлурги. Загадкой остается происхождение названия Родоса, оно явно не связано с греческим словом «роза»: это созвучие более позднее. Наиболее вероятным, по Мосенкису, можно считать его связь с названием круга (греч. *rodanos* — гибкий, колеблющийся): Родос издревле был центром культа Солнца-Гелиоса, которое ассоциируется с круговым движением. Впрочем, М. А. Гаспаров считает, что Рода (Роза) — нимфа-эпоним Родоса, дочь Посейдона и Афродиты: «Отсюда красивый образ, исчезающий в переводе [*Седьмой Олимпийской оды* Пиндара]: остров, поднимающийся из моря к Гелиосу, подобен цветку, раскрывающемуся навстречу солнцу». Мнения ученых разошлись?

Как бы то ни было, по-гречески *rhodos* значит остров роз. Город Родос — тоже остров роз. Остров большой и плодородный: у юго-западного побере-

жья Малой Азии. Сначала мы расскажем об острове, потом — о городе. Город для нас главнее. А читателю слово Родос наверняка известно из поговорки: «Здесь Родос, здесь и прыгай!» (Hic Rhodus, hic salta). — В басне Эзопа рассказано о некоем прыгуны, похвалявшемся, будто ему однажды на Родосе удалось совершить невиданной длины прыжок и что тому много свидетелей. Один из земляков отреагировал на это: «Если ты говоришь правду, зачем тебе свидетели? Вот тебе Родос, тут ты и прыгай». Чем кончился эксперимент, Эзоп не рассказал.

Около 10 в. до н. э. дорийцы, вытеснив ахейцев, поделили территорию острова между тремя городами — Линдом, Ялисом и Камиром, которые вместе с Галикарнасом, Книдом и Косом составили т. наз. Дорийский Гексаполис (союз шести городов). Удобное для морской торговли с Азией и Египтом положение Родоса было причиной, что вскоре он сделался торговым центром. В древнейший период начинается экспорт из Родоса керамических изделий, прежде всего родосских ваз. Ставший в 6 в. до н. э. тираном Линда Клеобул впоследствии был причислен к семи мудрецам. Это ему принадлежит афоризм «мера — превыше всего», именно он с дочерью Клеобулиной первыми в Греции начали сочинять загадки. Вскоре после освобождения от недолгого персидского владычества островные города становятся членами Афинского морского союза. В 411–407 гг. до н. э. Родос вновь обретает самостоятельность. Интересно, что уже Гомер в знаменитом списке кораблей во второй книге *Илиады* упоминает Родос:

Но Тлиптолем Гераклид, как отец, и огромный и мощный,
Гордых родосцев извел в девяти кораблях из Родоса,

Кои в родосской земле, разделенные на три колена,
Линд, Иялис и Камир белокаменный вкруг населяли...

(Ил. II 654–656; пер. с др.-греч. Н. И. Гнедича)

Объединившись, три древних города основывают на северной оконечности острова новую столицу под оригинальным названием: Родос. Основание г. Родос относится к вполне историческим временам, потому не окружено рядом преданий, подобных ялиским, камирским и линдийским. Дату основания находим у Диодора Сицилийского (XIII 75, 1): первый год 93 Олимпиады (если хотите, год можете высчитать сами). Страбон пишет, что город был построен по плану того же архитектора, который строил Пирей (и Милет), то есть — Гипподамом Милетским (XIV 655). Однако едва ли Гипподам принимал участие в планировке и строительстве Родоса в 408–407 гг. до н. э., поскольку интервал между его работой в Милете (494 г. до н. э.) и в Родосе — более семидесяти лет. Скорее, дело в традиции строительства городов с регулярной планировкой, начинателем которой слывет Гипподам.

После смерти Александра Македонского остров стремится отстоять независимость от эллинистических монархий и путем строгого нейтралитета обеспечить беспрепятственность торговых операций. С 164 г. до н. э. Родос становится союзником Рима, и в императорскую эпоху сохраняет видимость самостоятельности и относительно высокий уровень благополучия. Во время трех войн с Митридатом VI Родос был настолько верным союзником Рима, что даже взял на себя тяготы длительной осады. Впрочем, позиция Родоса между двух враждебных сторон ускорила потерю им своей независимости (А. Биттнер).

С названием Родоса связан т. наз. «Родосский морской закон» — кодекс торгового мореплавания, составленный в Византии в 7–8 вв. В 1309 г. после двукратной смены владельцев остров переходит в руки духовно-рыцарского ордена св. Иоанна Александрийского (Иоанна Крестителя), иоаннитов (их еще называют госпитальерами, Мальтийским орденом, Родосскими рыцарями), возникшего при иерусалимском госпитале в 1070 г. как братство, обслуживающее паломников и немощных. Верхушку ордена составляли рыцари — отпрыски знатных семейств, занятые войной. Иоанниты отвоевали остров у ромеев, но под натиском турок в 1522 г. покинули его (в 1530 г. получив от германского императора Карла V Мальту, коей владели до 1798 г.). Владычество иоаннитов и ныне сказывается в характерном средневековом облике Родоса, владычество турок — тоже.

Сейчас Родос — греческий остров, а единственную книжку о нем на русском языке издал в 1892 г. С. А. Селиванов, приват-доцент историко-филологического факультета Казанского университета (человек трагической судьбы: в припадке меланхолии в 1903 г. он выстрелил себе в висок, остался жив, лишившись зрения, и в столь плачевном состоянии прожил до 1908 г.). С г. Родос связаны имена многих скульпторов, живописцев, поэтов, философов, ученых. Так, одна из самых знаменитых од Пиндара — *Седьмая Олимпийская* — была записана золотыми буквами в родосском храме Афины Линдской. Посвящена она атлету Диадору из рода Эратидов, воспетому многими, и даже Цицероном («Умри, Диадор, живым на небо тебе все равно не взойти!», *Тускуланские беседы* I 466–467). В песне

Пиндара есть такие строки:

Есть у людей старое слово:
Когда Зевс и бессмертные делили землю,
Тогда Родос не виднелся в пучине,
Тогда остров таился в соленой глубине.
И как меж делившими не было Солнца,
То остался бездольным на земле
Чистейший бог.
Для напомнимшего хотел Зевс перебросить жребий,
Но тот сдержал:
«Видел я, — сказал он, — сквозь седое море
Землю, вздымающуюся из низин,
Многоплодную людям, добрую стадам».
И на том повелел он Доле, перевитой золотом,
Протянуть руки,
Положить великую клятву богов,
Воедине с Кронионом утвердить мановением,
Чтобы выйти тому острову на ясный свет
В вечный дар божьему челу.

(Олимп. од. VII 54–67; пер. с др.-греч. М. А. Гаспарова)

Родосские риторская и художественная школы сделали город центром образования, который стал популярен среди римской знати. Так, древнегреческий философ Андроник Родосский, живший в 1 в. до н. э., занимался систематизацией и перепиской сочинений Аристотеля. Именно он назвал группу т. наз. эсotericических трактатов Аристотеля *Метафизикой* — буквально то, что после физики (греч. *ta meta ta physika*), поскольку в этих трактатах излагалось учение о началах бытия, постигаемых посредством умозрения, а не физического опыта. Курьезной фигурой был философ и драматург Меланфий Родосский, которому занятия «не оставляли досуга даже постричь волосы и ногти. Он так был силен в

философии, что даже риторы покидали свои школы, чтобы прийти к нему и его послушать» (*Diog. Laert.* IV 62). Аполлоний Родосский, древнегреческий эпический поэт 3 в. до н. э., был главой библиотеки Мусейона в Александрии. Из-за теоретических разногласий с своим учителем Каллимахом вынужден был переселиться на Родос, ставший его второй родиной. Здесь он написал заключительные строки *Аргонавтики* — эпической поэмы, посвященной путешествию аргонавтов за золотым руном. В 2–1 веках на Родосе работали философы-стоики Панетий и Посидоний. Посидоний был учителем Цицерона, а Цицерон, создавая *De officiis* (*Об обязанностях*), в свою очередь опирался на труд Панетия *О долге*.

Из скульпторов «самыми из самых» были Александр и его сыновья Афинодор и Полидор, изваявшие в 40–20-х гг. до н. э. скульптурную группу *Лаокоон* (отрыта любопытной римской свиньей в 1488 г. на Эсквилинском холме в Термах Тита). Менее знамениты Пифокрит Родосский, которого считают автором *Ники Самофракийской* (стояла на скале на о. Самофракия; середина 2 в. до н. э.) и Аполлоний, который, по Плинию Старшему (*Hist. Nat.* XXXVI 33–34), создал на рубеже 2–1 вв. до н. э. *Фарнезского быка* (сюжет — казнь жестокой фиванской царицы Дирки). Ваятель Тисагор Родосский (Павсаний. *Описание Эллады* X 18, 6) исполнил скульптурную группу из железа, изображающую Геракла в борьбе с гидрой, в дельфийском храме Аполлона, а в Пергаме находились головы льва и дикого кабана его работы, посвященные Дионису. Мы видим, что знамениты не столь сами авторы, сколь их произведения.

Известно еще одно имя — скульптор и литейщик Харет из Линда, ученик великого Лисиппа. Ему принадлежит честь возведения знаменитого Колосса Родосского — одного из самых недолговечных чудес света. Он воздвигнут богу Гелиосу за то, что бог-покровитель надоумил родосцев вырыть яму для башни-гелепола с таранами и катапультами, при помощи которой кровожадный македонский царь Деметрий I Полиоркет в 304 г. до н. э. пытался овладеть городом. Гелепола попала в ловушку, и Деметрий вынужден был снять осаду. Сломанную осадную машину починили и продали, а на вырученные деньги воздвигли глиняную статую на металлическом каркасе, покрытую бронзовыми листами. Для работы над изображением бога непосредственно на месте его установки Харет использовал хитрость: с возвышением скульптуры поднимался и земляной холм вокруг нее. Холм потом срыли, и статуя раскрылась взору изумленных жителей. На изготовление монумента ушло 500 талантов бронзы и 300 талантов железа (1 талант = 60 мин = 26,2 кг). Секст Эмпирик, врач и философ-скептик (*Против ученых* VII 107–108) сообщает, что Харету данной ему (по его же смете) суммы для изготовления Колосса хватило только на основание и модель (*prokentimata*), и поэтому он в отчаянии покончил с собой. После этого выяснилось, что Харет должен был просить сумму в 8 раз большую. Впрочем, сообщение Секста Эмпирика считают выдумкой.

Тридцатистиметровый Колосс строился 12 лет (302–290 гг. до н. э.), простоял 56 лет и развалился во время землетрясения в 227 г. до н. э. Как пишет Страбон, «статуя лежала на земле, поверженная землетрясением и переломленная у коле-

ней» (*География* XIV 652). Но и тогда Колосс вызывал удивление размерами. Плиний Старший упоминает (*Hist. Nat.* XXXIV 41–42), что лишь немногие могли обхватить руками большой палец руки статуи. «Обширные пещеры, — пишет Плиний, — зияют в отломившихся частях. Внутри видны огромные глыбы камней, тяжестью которых устанавливавший придавал Колоссу устойчивость». Ни один из древних не говорит, где искать местоположение Колосса. Предание, будто он возвышался при входе в гавань, и меж его ног проплывали корабли, выдуманно в 17 в. и господствовало до 1860-х гг. По всей видимости, Колосс стоял где-нибудь в местности между улицей Рыцарей и полуостровком, где нынче развалины рыцарской башни св. Николая. Обломки Колосса пролежали больше тысячи лет, пока, наконец, не были проданы одному купцу арабами, захватившими Родос в 977 г. Он, как рассказывают, нагрузил ими 900 верблюдов. Несмотря на многие свидетельства древних, изумленных Колоссом, о его внешнем виде мало что известно, и всякие реконструкции следует считать произвольными.

К концу 19 века г. Родос состоял из двух частей: крепости, где жили мусульмане и иудеи, и неукрепленного пространства, населенного христианами. К западу от крепости последняя часть по-гречески называется *Neomsrassi*, то есть новое селение. В этом аристократическом квартале помещаются консульства, гостиницы, школы, телеграф. Несмотря на репрезентативность, квартал имеет вполне восточный вид: узкие улицы, где с трудом могут разойтись нагруженные ослики. Крепость с большинством ее построек принадлежит рыцарской эпохе. В западной ее части находилась церковь св. Иоанна

Крестителя, здание для заседаний великих магистров и их жилье. Эти дома были обращены турками в казармы: всюду, как принято, грязь и смрад. Рыцарские гербы красуются до сих пор на многих зданиях — туркам в назидание.

Башни стен были высоки и возведены с большим вкусом: подплывающим к городу путешественникам они казались как бы «светочами». Городские строения примыкали к городским стенам без зазора. По мнению Диодора Сицилийского, именно этим отличался г. Родос от иных греческих городов (*Diod.* XX 91, 8). Элий Аристид, уверявший родосцев, что он смотрит на их город как на свою родину, восторженно описывает грандиозность родосских верфей, сравнивая их с «висячей равниной», «равниной из корабельных снастей» (*El. Arist.* I, p. 797). Впрочем, постройки древнего времени в городе не сохранились. О существовавшем здесь древнеэллинском поселении говорят лишь находимые в разных местах обломки колонн, надгробий и эпиграфических памятников позднейшей эпохи. Немало таких камней было употреблено рыцарями с пользой: когда церковь св. Иоанна разрушилась от удара молнии, в развалинах нашли несколько камней с надписями. Сами рыцари попирали их ногами, и во многих местах тротуар улицы Рыцарей устлан каменными плитами с древнегреческими инскриптами.

Диодор в рассказе о третьем сокрушительном наводнении (*Diod.* XIX 45), постигшем г. Родос весной первого года 116 Олимпиады (конец 316 г. до н. э.), называет город театровидным (*teatroeidis*). Во время наводнения, поскольку стока для воды в море не было, родосцев объял ужас. Одни искали спасения на кораблях, другие бежали вверх к театру, тре-

тьи, обезумев от страха, взбирались на высокие алтари и подножия статуй. Помощь пришла неожиданно и сама собой: в одном месте вода на большом пространстве прорвала городскую стену и вылилась в отступившее море. Жители были спасены. В другом месте Диодор говорит, что старики и женщины глядели на приближающийся вражеский флот Деметрия со своих домов, так как город имеет форму театра. Это сравнение вполне применимо к Родосу, постепенно повышающемуся от гавани к акрополю, а театральный характер античной культуры в докатоличествов не нуждается.

На полях опаленных Родоса
Камни стен и в цвету тополя
Видит зоркое сердце матроса
В тихий вечер с кормы корабля.
Там был рыцарский орден: соборы,
Цитадель, бастионы, мосты,
И на людях простые уборы,
Но на них золотые кресты...
Мы идем сквозь туманные годы,
Смутно чувствуя веянье роз,
У веков, у пространств, у природы
Отвоевывать древний Родос, —

констатировал в сборнике «Чужое небо» Николай Гумилёв.

СПАРТА

Перед войной спартанцы приносили жертву не богам войны, но Музам. Их спрашивали, почему. «Потому что мы молимся не о победе, а о певцах, достойных этой победы». После битвы в жертву богам спартанцы приносили петуха. Почему? «Потому что в Спарте не хватило бы быков для наших побед». И когда у Ликурга поинтересовались, почему он ввел такие маленькие и дешевые жертвы богам, легендарный спартанский законодатель ответил: «Чтобы не было перерывов в жертвоприношениях» (М. А. Гаспаров).

Эти и многие иные лаконичные и остроумные выражения, возникшие в лаконской Спарте, есть украшение нашего знания об античном мире. Умение говорить точно и кратко — лаконизм — до сих пор ценится (может, даже больше, чем раньше). Кто отвлекался, говоря даже умные вещи, того обрывали: «Ты говоришь дело, но не к делу». Вот история: один спартанец пришел послом к македонскому царю. «Ты один?» — удивился царь, привыкший к большим посольствам. «К одному», — ответил спартанец. Ну, как можно разговаривать с такими людьми, удивимся мы? Однако в Греции это чудачество ценилось высоко. Самым знаменитым было изречение спартанки, провожавшей сына на войну.

Она подала ему щит и сказала: «С ним или на нем» — со щитом возвращались победители, на щите приносили убитых. Любопытных отсылаем к *Изречениям спартанцев* и *Изречениям спартанских женщин* (на редкость лаконичным) в издании «Застольных бесед» Плутарха Херонейского (Ленинград, 1990). Кстати, женщины в Спарте пользовались большей свободой и уважением (мужчин), нежели у прочих греков; они отличались еще большей преданностью отечеству, чем мужчины, на которых имели значительное влияние, мало уступая в силе и храбрости. Брак в Спарте имел целью доставление государству цветущих, здоровых детей. Хилые и уродливые по решению старейшин отцовской филы были выбрасываемы в пропасть Тайгета, называвшуюся *Arotetai*. Потому не было в Спарте ученых, поэтов и философов. И поэтому кроме бытовых особенностей, безусловной храбрости, сомнительной порядочности да нескольких десятков посконной мудрости изречений в спартанцах мало что интересно. Однако — посмотрим.

Жилище спартанцев было неприхотливым: Ликург приказал строить дома только топором и пилой. В простых домах, говорил он, стыдно заводить богатые чаши, ковры и угощения. Спартанцы денег не копили, а нет денег — нет и излишка, нет роскоши. В Коринфе спартанцы однажды увидели кессонированный потолок и спросили: «неужели у вас растут квадратные деревья». И как ничего лишнего в жилье, так ничего лишнего в еде: спартанцы после двадцати лет обедали не дома, а в казармах на общественных столах (*andreia, fiditia, sussitia*), женщины — дома, а дети — в агелах. Главным яством была черная кровавая похлебка из свинины с чечевицей,

уксусом и солью — невероятно питательна и на редкость противна. Персидский царь, приехав в Грецию, попросил пленного спартанца сварить ему «национальное блюдо», попробовал и сказал: «теперь я понимаю, почему спартанцы так храбро идут на смерть — им милее гибель, чем такая еда». Город был домом для всех, как для одного. Человеку, который предлагал установить в городе демократию, Ликург сказал: «Сперва установи демократию в своем доме». Какое там!

Город Спарта был символом закрепления дорийцев на Пелопоннесе и рождения новой цивилизации, принципиально отличавшейся от цивилизаций предшествующих «дворцовых» царств. Рассказ о герое Менелее, нашедшем убежище в Спарте, женившемся там на прекрасной Елене и ставшим царем, — не что иное, как мифологическая проекция истории микенской монархии в городе, тогда называемом Лакедемон. Первоначальными обитателями города, да и всей Лаконии, были, вероятно, лелегиане. К ним позднее прибавились ионийские и ахейские переселенцы, основавшие здесь многие микенские центры. При дорийцах эти народы стали называться илотами (то есть местными жителями). Формально свободные, они были почти на положении рабов, так как считались собственностью государства. Они могли заводить семьи и владеть некоторым имуществом. Одному илоту, который дерзко себя вел, царь Харилл сказал: «Клянусь Диоскурами, я бы тебя убил, не будь я в гневе». Другой значительной группой населения Лаконики были периеки, свободные жители городов, зависимых от Спарты. Так как спартанские цари считались царями всех лаконцев, в периекских городах они имели

особые участки земли — темены. Царю выплачивалась особая «царская подать». Главной обязанностью периеков была служба в спартанской армии, большую часть которой они составляли уже во время Пелопоннесской войны.

Принято считать, что большинство городов возникли вследствие синойкизма — сселения близживущих поселений в одно с своим центром и священным теменосом. Синойкизм был длительным процессом, в нем можно выделить три направления: политическое — объединение отдельных поселений в единый государственный организм, создание единых органов власти; социальное — формирование единой гражданской общины; урбанистическое — выделение городского центра, объединявшего сельские поселения, составлявшие хору (сельскохозяйственные клеры) полиса. Эти направления были тесно связаны и развивались параллельно, но не всегда синхронно. Нередко политическое объединение общин значительно опережало возникновение городского центра (скажем, в Элиде: Страбон. *География* VIII 3, 2). А вот в Лаконике синойкизм урбанизацией вообще не сопровождался: Спарта так и не развилась в настоящий город, представляя собой совокупность сельских поселений (Фукидид. *История* I 10). А почему? Потому что деток-уродцев в пропасть выбрасывали, а на них-то, как правило, умственность и держится: напомним, что в здоровом теле здоровый дух — явление редкое.

Наряду с Афинами Спарта была самым могущественным государственным центром. К середине 8 в. до н. э. она подчинила себе всю Лаконику. Спарта (правда, современная) и сегодня — столица Лаконики. В 1834 г. она была полностью перестроена в

неоклассическом духе Оттоном I из баварской династии Виттельбах. Первый греческий король увлекался античностью, при этом, однако, не вполне понимал важность ромейского периода истории Греции. Современный город привольно раскинулся в обширной долине р. Эврот (Эвротас), над которой возвышаются пики горного хребта Тайгет.

Жесткие нормы законодателя Ликурга регулировали суровую жизнь этого южного города, где образование и социальная система были под контролем местной военной касты. Организация внутреннего устройства Спарты, хотя и приписывается Ликургу, складывалась постепенно. Если Ликург и был исторической фигурой, то, вероятнее всего, провел какую-то лишь политическую реформу. Верховной властью в государстве обладала апелла — собрание всех граждан. Апелла утверждала или отвергала предложения, выработанные герусией (советом старейшин), состоявшей из 28 выбираемых пожизненно геронтов и двух царей-архегитов, потомков двух самых древних лакедонийских семейств — Агиадов и Европontiдов. Местное ахейское население было превращено в илотов, дорийцы из других общин — в периеков. Следующим этапом завоевательной политики Спарты было покорение Мессении (к западу от Лаконики). В результате двух Мессенских войн эта область была завоевана, ее население превращено в илотов. Со временем (с 8 в. до н. э.) монархия была ограничена пятью выборными эфорами, державшими в руках управление, и апеллой (народным собранием). Законы Ликурга помогли Спарте достигнуть положения великой пелопоннесской державы, а позднее стать гегемоном Греции и победителем Афин.

На поддержание системы было направлено особое воспитание спартиатов — агогэ. Семи лет мальчиков забирали у родителей в особые отряды — агелы (стада) — под надзор воспитателей-педономов. Дети с 7 до 18 лет назвались *paides*, юноши 18–20 лет — *melleipenes*, молодые люди от 20 до 30 лет — *eigenes*. Чтобы уметь добывать пропитание на войне, подростки учились воровать: кто приходил ни с чем, того били, кто был пойман с поличным, тоже били. Чтобы молодежь приучалась к войне и в мирное время, устраивали тайные ночные походы на незащищенные поселения илотов: походы были настоящие, с кровопролитием, убивали тех, кого слишком ненавидели или боялись. Наибольшее внимание уделялось развитию силы, выносливости, храбрости, умения подчиняться и приказывать. Мальчиков также обучали правильной и краткой речи, чтению и письму, игре на инструментах, хорошему пению. Конечно, внимание было односторонним — к силе. Девушек воспитывали в семье, их также обязательно развивали физически. Юноши с 20 лет начинали военную службу, которая продолжалась до 60 лет. Только удача на военной службе могла прославить, лишь имя погибших в бою за отечество могло быть выбито на могильном камне. Спартакское войско было единственным профессиональным во всей Греции, так как спартанцы не занимались ручным трудом, проводя все время в военных занятиях и охоте. Отношение к старости было очень уважительным, с одной, правда, особенностью: молодой человек никогда не уступит места бездетному старику — «ты не вырастил того, который потом уступит место мне». Правда, до преклонных лет мало кто доживал.

Внешность спартанца была неприхотлива, едва ли приходится говорить о чистоплотности. Единственное, чему спартанец уделял внимание, была прическа. На вопрос, почему спартанцы заботятся о прическах, царь Харилл ответил: «Потому что из всех украшений, это — самое дешевое». Да и сам Ликург рекомендовал согражданам заботиться о прическе: прическа делает красивых грозными, а некрасивых страшными. При всей простоте быта эта кудрявая завитушка — прическа! — в спартанце прямо-таки удивляет. Ему не нужен ни особенный комфорт, ни деньги, ни чистоплотность, ни хилый ребенок (какой уж есть), ни чужая жена (супружеская измена была невозможна) — прическу подавай да домотканное благоразумие. Вот где зародилось то гнилое зерно, что привело Спарту к гибели: для чистоты эксперимента отречение от удобства и привлекательности должно было быть абсолютным.

Победа в Пелопоннесской войне была и высшей точкой спартанского могущества, и вместе с тем — началом его гибели. Причина в том, что спартанцы не смогли изобрести (хилых в пропасть сбрасывали!) других средств гегемонии, кроме хорошо известных им силовых: интеллектуальный бицепс в державных размышлениях не полезен. Потому слава Спарты была недолгой: город был побежден Фивами, а впоследствии подчинился и македонской династии, и римлянам. Была в Греции и другая сила, кроме только физической. Спарта утратила свое значение и стала рядовым городом в составе провинции Ахайя, хоть и получила статус союзника Рима. В 13 веке, с наступлением франкократии, Спарта была заброшена, пока ее не возродил Оттон I. Кроме нескольких фрагментов городских стен 4 в.

до н. э., римских и ромейских фортификаций у акрополя, в Спарте — чрезвычайно мало следов древности. Известно, что в городе было несколько храмов богини Афины. Сохранились остатки находившегося в центре города архаического храма, сделанного из медных (бронзовых?) плит или оббитого медью: Афина этого храма называлась Меднодомной, или Афина Халкоикос (*Из бронзового храма*). Сохранились также четкие очертания римского театра 2–1 вв. до н. э. Самый важный памятник, открытый Английской археологической школой и Греческим археологическим обществом, — святилище Артемиды Орфии (Прямой) на правом берегу р. Эврот. Святилище датируют 2 веком до н. э., хотя близкое присутствие двух алтарей, один из которых относится к 9 в. до н. э., обнаруживает архаические корни местного культа Артемиды. В римскую эпоху к этому храму пристроили амфитеатр. Отметим два памятника, вызывающие в памяти имя великого спартанского полководца Леонида, павшего в Фермопильском ущелье, — маленький эллинистический храмик вне акрополя, где, возможно, покоились останки героя, и мраморный бюст в местном музее. Последний представляет некоего лаконийского воина, романтически отождествленного с Леонидом. Хотя оснований для такого предположения мало, общий облик горделивого и бесстрашного бойца очень созвучен нашему представлению о воинственных и — увы — недалеких спартанцах.

ТРАПЕЗУНД

Название какой-нибудь древней империи связано, как правило, с названием ее столицы. Например, Римская империя олицетворяла Рим, Никейская — Никею, Эпирское царство — Эпир, Вавилонское — Вавилон, название Византийская ученые ведут от древней мегарской колонии Византий, ставшей Константинополем (хотя Византийская империя сама себя называла Ромейской). Название Трапезундской империи происходит, как догадывается читатель, от города Трапезунд.

Как и время существования Ромейской империи (для смеху назовем крайние даты: 11 мая 330 г. — 29 мая 1453 г.), время существования империи Трапезундской, империи Великих Комнинов, имеет пределы: апрель 1204 — 26 октября 1461 гг. В течение этого времени, с одной стороны, намекающего на взятие Константинополя воителями четвертого крестового похода, с другой — на взятие Трапезунда неуспешным Мехметом II, — Трапезундская империя, которую В. Миллер в специальной книге (*Trebizond the Last Greek Empire*. London, 1926) назвал последней греческой империей на южном побережье Черного моря (Понта), была не только хранилищем традиций римско-ромейской империи в администрации и праве, науке и искусстве, но

и простирала влияние на северные берега Понта Эвксинского, держа в зависимости города Южного берега Крыма и имея сношения с независимым крымским княжеством Феодоро (Мангуп). Трапезунд в 13–15 вв. претендовал на господство в южной России, что выражалось и в титулатуре трапезундского императора: верный царь и самодержец всей Анатолии, Грузии и Ператии (то есть Заморской земли). Если читатель представляет месторасположение современного турецкого г. Трабзон на юго-восточном побережье Черного моря (на северо-востоке Малой Азии), он без труда представит и широту распространения имперского влияния Трапезунда в лучшие его времена.

Город был основан милетской колонией Синопа (откуда был родом славный ироник Диоген) во второй половине 7 в. до н. э. как такой, что лежал в начале важного торгового пути на Восток. Находясь на перекрестке дорог с Запада на Восток и на Юг, Трапезунд сам не мог не сделаться перекрестком, где совершался обмен не только товарами и производственным опытом, но и ценностями духовными. Как это бывает на любом перекрестке, Трапезунд сутился и переживал разное. Первый расцвет постиг его во времена Римской империи, но в 257 г. город был разрушен готами. Второй расцвет пришелся на 13–15 века.

Трапезундская империя основана внуками ромейского императора Андроника I Комнина — Алексеем и Давидом Комнинами — при содействии деятельной грузинской царицы Тамар (ок. 1160–1207), которой ее государственный казначей Шота Руставели посвятил поэму *Витязь в тигровой шкуре*. В царствование Тамар (1184–1207 гг.) Грузия до-

билась больших политических успехов. К этим успехам стоит отнести и основание Трапезундской империи. «[Алексей и Давид] Комнины еще младенцами попали в Грузию, где и получили воспитание; их родным языком был грузинский. Воспитываясь и вырастая при дворе своей родственницы, среди туземцев и в армии, они всюду были под влиянием грузинской жизни и грузинских обычаев, так что в двадцатилетнем возрасте... больше походили на грузинских князей, чем на византийских», — писал в 1854 г. авторитетный русский академик-византист Арист Аристович Куник.

Продолжительная осада Царьграда крестоносцами создала благоприятные для младшей линии Комнинов обстоятельства, которыми братья воспользовались (при помощи наемных лазов, мингрелов и греков) для овладения Трапезундом. В это время городом правили разные дуки (губернаторы), назначавшиеся ромейскими императорами. Одним из первых известных нам был родственник Комнинов, полководец Григорий (1103–1106 гг.). Одним из последних — Феодор Гавра. «Зная дерзость и энергию этого человека, Алексей [I Комнин] решил удалить его из столицы и назначил дукой Трапезунда, города, который тот ранее отобрал у турок. Гавра был родом из горных районов Халдии и завоевал славу доблестного воина, ибо превосходил всех людей своим умом и мужеством. Ни в одном, даже самом малом деле, не терпел он неудач и постоянно брал верх над своими противниками, а завладев Трапезундом и распоряжаясь им как своей собственностью, он и вовсе стал непобедим» (Анна Комнина. *Алексиада* VIII 9). После смерти Феодора Гавра православная церковь провозгласила его муче-

ником; в начале 20 в. А. И. Пападопуло-Керамевс опубликовал его Житие, в котором рассказывается, как в 1098 г. Гавра попал в плен к агарянам и, воспротивившись отречению от христианской веры, был предан мучительной смерти. Сын Феодора Гавра — Константин Гавра — при Иоанне Комнине тоже был дукой Трапезунда. В 1126 г. он поднял в городе антицарьградский мятеж, длившийся 14 лет.

О трапезундском императоре Алексее I Комнине (1204–1222 гг.; не путать с ромейским императором 1081–1118 гг. Алексеем I Комнином, о котором пишет в *Алексиаде* его царственная дочь Анна Комнина) эфесский митрополит Николай Месарит писал как о «происходящем из вредоносного и наполненного великой спесью рода Комнинов, тайно замышлявших худое против власти ромеев». Впрочем, как иначе мог писать враждебный Комнинам человек? «Прибыв туда (в Трапезунд. — А. П.), он (Алексей. — А. П.) получил от местных жителей власть над Колхидой и перенес царство в колхидский Трапезунд. И с этих пор они там царствовали, живя далеко от нас, имея эллинское происхождение и обычаи и говоря по-эллини» (Лаоник Халкокондил, 15 в.). Потомок низверженного византийского императора, не имевший ни особенных средств для найма охотников, ни войска, все-таки основал Трапезундскую империю мирным путем — при поддержке царицы Тамар. Перед весной 1204 г. город, которым правил тогда дук Никифор Палеолог, не был в силах оспаривать авторитет, идущий из двух источников, — эллинского и грузинского. Алексею в 1204 г. было всего 22 года. Ф. И. Успенский резонно отмечает, что основание трапезундского царства Комнинов было лишь эпизодом в

борьбе Грузии за преобладание на Восточном Черноморье, продолжением политики отца царицы Тамар, войска которого доходили и до Эрзерума, и до Трапезунда.

Благоприятное месторасположение города, его роль административного и церковного центра (важнейшей митрополии Константинопольского патриархата) и экономическое процветание стяжали городу славу, породив много риторически вычурных энкомиев (хвалебных песен) и экфрасисов (описаний). Трапезундский акрополь (по Успенскому, — кремль) возвышается в центре города на обрывистом плато; в плане это — клин, обращенный острием к югу и по горизонтали разделенный на три части. Южная часть — самая древняя, в ней располагались дворцы, книгохранилища, административные постройки. С северной стороны акрополь был наиболее уязвим: это показала осада Трапезунда турками-сельджуками в 1223 г., правда, закончившаяся разгромом нападавших.

Средняя часть города — римского времени — простирается чуть далее церкви Богородицы Златоглавой (Хрисокефалос). Наиболее обширным является нижний город, возникший уже после империи Великих Комнинов. Собственно, к эпохе Комнинов относится строительный бум Трапезунда. За 250 лет было выстроено и реконструировано более сотни церквей, сложились черты местной архитектуры. Основным типом трапезундских храмов, в отличие от константинопольской школы, была купольная базилика с двумя полукруглыми боковыми абсидами и портиком. В начале 13 в. возник вариант трехнефной базилики с одной центральной пятиугольной абсидой и нартексом. В рисунке плана — латин-

ский крест. Большинство же крупных трапезундских церквей принадлежало к типу храма с куполом на четырех свободно стоящих колоннах, причем последние были украшаемы резными ранневизантийскими капителями.

В историческом происхождении и существовании Ромейская империя более зависела от судеб Трапезунда, чем от постепенного сокращения своих пределов и ограничения власти императоров. В 13–15 вв. именно Трапезунд был крупнейшим центром политически затухавшей империи ромеев.

Н. П. Кондаков, Д. В. Айналов и Е. К. Редин называли трапезундскую архитектурную школу греко-восточной школой и противопоставляли ее школе константинопольской. Этим термином и вправду хорошо обозначается своеобразие восточновизантийской архитектуры, сложившейся на основе греческой традиции. Наиболее значительными сакральными постройками Трапезунда являются церкви Богородицы Златоглавой (10 в., перестроена в 13 в.), св. Софии и св. Евгения (10–14 вв.). Св. Евгений был покровителем города, и большинство мужского населения Трапезунда носило это имя. «В календаре трапезундцев как будто только один святой и значится именем Евгений, и почти все в Трапезунде носят имя Евгениев», — удивлялся один царьградский судья. Св. Евгений был защитником города, изображение его украшало императорский герб и монеты. Впрочем, Ф. И. Успенский писал, что к 1916–1917 гг. память о св. Евгении в городе угасла совсем, и ни в одной из церквей он не мог найти изображения этого праведника. Роль св. Евгения в Трапезунде напоминает роль св. Димитрия в Солуни: и чудеса их сходны, и описание взгляда (блестящий

солнечный взгляд), и обилие мира (to miron), источаемого обоими. Велеречивые агиографы даже устраивают встречу между двумя святыми.

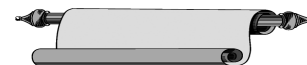
Все церкви в 13 в. были перестроены и расширены на имперский лад: Хрисокефалос так и осталась крестовокупольной, св. София и св. Евгения — перестроены из базиликальных в крестовокупольные. Св. София при турках лишилась наружных галерей, соединявших притворы, возведенные в 13 в. (Н. И. Бурнов). А ведь именно этот храм должен был стать символом города, как св. София в Константинополе была символом богоспасаемого града. После захвата Трапезунда янычарами церковь Богородицы Златоглавой была превращена в мечеть Ортахисар-Джами, впрочем, церкви св. Софии и св. Евгения тоже поменяли имена.

В Трапезунде бил пульс окраинной эллинской империи, сюда стекались для устройства дел и на продолжительное пребывание наиболее влиятельные и богатые провинциалы, военные и гражданские чины, искавшие милостей при дворе и ожидавшие служебного повышения. Много славных мужей трудилось в Трапезунде. Это и Михаил Панарет, автор *Трапезундской хроники*, и Виссарион Никейский, автор *Энкомия Трапезунду*, и Лаоник Халкондил, автор *Историй*, и Иосиф Лазаропул, автор двух *Обозрений чудес св. Евгения*, и гуманист-гуманитарий Константин Лукит, и апографевс (налоговый чиновник) Андрей Ливадин, автор *Путеводительных записей*, и философ Георгий Амируци, и астроном Георгий Трапезундский. Список можно продлить.

С историей города, в 1461 г. ставшего турецким, связана т. наз. Трапезундская операция Российской

армии 23 января — 5 апреля 1916 г. Приморский отряд Кавказской армии при поддержке Батумского отряда Черноморского флота (ок. 15 тыс. чел.) в феврале–марте 1916 г. нанес туркам поражение. В начале апреля, будучи усилены двумя бригадами (18 тыс. чел.), прибывшими морем из Новороссийска, русские войска овладели турецкими позициями на р. Карадер и вступили в Трапезунд, превратив его в базу снабжения кавказской армии и легких сил Черноморского флота. Русская армия, заняв Трапезунд, оккупировала прилежащую к нему значительную территорию. Однако не только это составило славу русского оружия: регистрация и охрана трапезундских археологических памятников в 1916–1917 гг., порученная директору Русского археологического института в Константинополе (РАИК), академику Ф. И. Успенскому, принесла славу и русскому византиноведению. Одним из первых акад. Успенский обратился к истории Трапезундской империи и многое сделал, чтобы сохранить во время Первой мировой войны памятники ее архитектуры и искусства; в 1929 г. в Издательстве Академии наук СССР посмертно вышла его монография «Очерки из истории Трапезундской империи», не утратившая научной и познавательной актуальности и поныне. Эту книгу редактор ее, другой академик — С. А. Жебелёв, — назвал «лебединой песнью» Федора Ивановича Успенского.

ТРОЯ

Пожалуй, город, который был бы легендарен более, чем Троя, назвать сложно. Троянская война, в связи с которой Троя стала исторически незаменима, — центральное явление греческой мифологии, а потому и главный мифомыслительный сюжет европейской культуры. А все потому, что слепой старец Гомер написал два бессмертных произведения, одно из которых называется *Илиада* по имени Трои — Илиона — и посвящено Троянской войне.

Троя находилась на самом стыке Европы с Азией, на южном побережье пролива Дарданеллы (по имени Зевсова сына, родоначальника династии троянских царей Дардана; бывш. Геллеспонт) на территории современной Турции. По легенде, Трою основал на холме Гиссарлык (на р. Скамандр) царь Трос: в возведении ее гигантских стен участвовали Зевс, Аполлон и Посейдон. Наибольшего расцвета город достиг при царе Приаме; при нем же город стал центром войны и погиб по вине «хитроумного» Одиссея. Гомер, великую тень которого Пушкин «чуял смущенной душой», выбрал для поэмы эпизод длиною в 51 день из десятого года войны. Троя проходит рефренным (рондо!) фоном к этим ратным дням.

Греческие детишки учились читать по *Илиаде* и *Одиссее*; поэмы цитировали и толковали; чтением

избранных мест пифагорейцы призывали даже исправлять души. По Плутарху, Александр Македонский хранил список *Илиады* рядом с кинжалом под подушкой (см. эссе об Александрии). Полагают, поэмы созданы в Ионии в 8 в. до н. э. на основе легенд о Троянской войне. Есть сведения об окончательной редакции текстов при афинском тиране Писистрате (середина 6 в. до н. э.), когда их исполнение было включено в празднества Великих Панафиней. С войной дело обстояло так. Богиня Эрида (персонафикация раздора) подбросила трем богиням — Гере, Афине и Афродите — яблоко с надписью: прекраснейшей (то самое *яблоко раздора*). Как и меж нашими женщинами, среди богинь разразился скандал, который призван был уладить, конечно, мужчина. Им оказался юный пастушок (троянский царевич) Парис, отдавший первенство Афродите. Потому в войне Афродита поддерживала троянцев, а оскорбленные Афина и Гера — ахейцев. Война была развязана из-за женщины (как, видимо, большинство мифических войн) — Елены Аргивской (ей было тогда около 50 лет, к окончанию войны — около 60), дочери Зевса и жены спартанского царя Менелая, похищенной Парисом. При поддержке брата — микенского царя Агамемнона — Менелай собрал войско из ахейских мужей и объявил Трое войну. Ахейский флот насчитывал более 1000 судов, Гомер их перечисляет (*Илиада* II). Осип Мандельштам позже (в 1915 г.) напишет характерные строки:

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.

Я список кораблей прочел до середины:

Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,

Что над Элладаю когда-то поднялся,

— действительно, гомеровский список тосклив.

Предводителем войска стал Агамемнон, славившийся мужеством, властолюбием и надменностью (он был убит женой Клитемнестрой, которая, в свою очередь, погибла от руки сына Ореста, отмстившего за отца; ее судьба послужила сюжетом драм Эсхила, Софокла и Еврипида). Дабы обеспечить благополучное прибытие флота в Трою, Агамемнону пришлось принести в жертву дочь Ифигению, но она чудом спаслась (см. *Ифигения в Авлиде* Еврипида).

Война длилась почти десять лет и кончилась гибелью героев и Трои. Парис поразил храброго Ахиллеса в его ахиллесову пяту, а Елена вернулась к Менелая. В живых остался Эней, один из главных защитников Трои, родоначальник Рима (см. проникновенную *Энеиду* Вергилия). Вот какие неприятности время от времени случаются из-за женщин. Греки троянцев победили, однако, *Илиада* была не столько военным завоеванием, сколько поэтическим.

Каждый умник свяжет с Троей два события. Одно — история троянского коня, второе — судьба Лаокоона. Троянский конь — огромный деревянный конь, в котором спрятались ахейцы. Любопытные троянцы, не подозревая хитрости, зачем-то втащили его в город. Ночью ахейцы вышли из конской утробы и впустили в город прочее войско. Город был взят, а конь стал нарицательным. Во время войны жрец Аполлона Лаокоон был единственным человеком, предостерегавшим троянцев от ввоза в город троянского коня.

Издали громко кричит: «Несчастные! Все вы безумны!

Верите вы, что отплыли враги? Что быть без обмана

Могут данайцев дары? Вы Улисса не знаете, что ли?

Либо ахейцы внутри за досками этими скрылись,

Либо враги возвели громаду эту, чтоб нашим
 Стенам грозить, дома наблюдать и в город проникнуть.
 Тевкры, не верьте коню: обман в нем некий таится!
 Чем бы он ни был, страшусь и дары приносящих данайцев». —
 Молвил он так и с силой копье тяжелое бросил
 В бок огромный коня, в одетое деревом чрево.
 Пика впилась, задрожав, и в утробе коня потрясенной
 Гулом отдался удар, загудели полости глухо¹.

(*Энеида* II 42–53; пер. с лат. С. К. Ошерова)

Лаокоон за свое красноречие был задушен (вместе с сыновьями) двумя морскими змеями, которых послала осерчавшая Афина. Скульптурная группа *Лаокоон* родосских мастеров Агесандра, Полидора и Афинодора (музей Пио-Клементино, Ватикан) была найдена в эпоху Ренессанса при смешных обстоятельствах (см. «Биографии» Джорджо Вазари).

«Автором» современной Трои был Генрих Шлиман (1822–1890), немецкий археолог-дилетант, крупный коммерсант и большой романтик. Б. В. Фармаковский в письме родителям из Афин (от 4 июля 1890 г.) отмечал, что «Шлиман не пользуется хорошей известностью. Последними раскопками он страшно оскандалился..., отнес памятники, найденные в могиле бойцов при Марафоне, к доисторическим временам. Самый знаменитый здешний ученый — Лоллинг — называет Шлимана глупой головой...

¹ В 4 веке римлянин Децим Магн Авсоний в знаменитом *Свадебном центоне*, в главе *Дефлорация*, процитировал две последних строки, которые (в переводе М. А. Гаспарова) обрели надлежащую таинственно-брачную интонацию: «*Встало оно, трепещуща, в потрясенные недра, / И задрожала утроба, и стоном наполнилась полость*».

Шлиман служит науке более деньгами, которые не жалеет на раскопки, а не головой». Реализовав вместе с не менее знаменитым Вильгельмом Дёрпфельдом (1853–1940)¹ мечту раскопать Трою, в 1871–1880-х годах он раскопал Микены, Тиринф и Орхомен. Кое в чем Шлиман ошибся, в чем-то даже памятникам навредил, однако то, что сделал, — бесмертно: каждый современный афинянин (даже тинейджер!) покажет его могилу. Остатки Трои были найдены исходя из указаний *Илиады*, появилась возможность датировки гибели города, вещественные остатки коего могли сопоставляться с другими материальными судьбами Средиземноморья.

Раскопки Трои (Шлиманом и после него) показали, что между 1260 и 1230 гг. до н. э. (по иным данным — между 1336 и 1134 или в 1184) город испытал длительную осаду и был разрушен. Вообще, в силу стратегического положения на пути из Средиземного моря в Черное Троя неоднократно становилась объектом нападений. Разрушение ее в конце 13 в. до н. э. ахейцами, когда город сгинул в страшном пожаре, запечатлелось в памяти потомков как большое событие. На Трою, созданную Гомером,

¹ Вильгельм Дёрпфельд долгое время служил директором Афинского отделения Германского археологического института, был наставником многих русских археологов-классиков. См. о В. Дёрпфельде в книге со странным заглавием, посвященной творческой деятельности одного из его учеников, академика М. И. Ростовцева: *Скифский роман* / Под. общ. ред. акад. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 19, 44, 56, 372, 373, 400. Там же, рядом с роскошной фотографией Теодора Моммзена, напечатан и портрет Дёрпфельда: сухощавого старца с острым глазом исследователя древностей.

вполне могли быть перенесены представления о ее предшественнике — городе, погибшем от пожара в конце 3 тыс. до н. э. Ведь древнегреческий эпос, формируясь, следовал законам концентрации действия вокруг сюжетного центра и типизации героического образа. Гомер, подобно нордическим певцам Нибелунгов, воспел героические подвиги поколений, живших тысячелетиями раньше него. Но не только гомеровская земля была чужда радикальной афинской демократии — гомеровское небо являло отчетливую иерархию антропоморфизированных божественных сущностей, столь же хитрых и предприимчивых, сколь и те, кто их выдумал.

Здания и циклопические фортификационные сооружения города были из камня и глины (саман). Цемент был неизвестен. У Гомера мы не встречаем сведений о внешнем виде и внутренней планировке жилья, вместо описания — эпитеты. Однако, судя по другим местностям этого же времени, можно заключить, что архитектура жилья стояла высоко. Вот «прекрасный дворец» царя Приама. Гомеровы слова отнесены

К зданию с гладкими вдоль переходами (в нем заключалось
Вокруг пятьдесят почивален, из гладко отесанных камней,
Близко одна от другой устроенных, в коих Приама
Все почивали сыны у цветущих супруг их законных;
Дщерей его на другой стороне, на дворе, почивальни
Были двенадцать, под кровлей одною, из тесаных камней,
Близко одна от другой устроенных, в коих Приама
Все почивали зятя у цветущих супруг их стыдливых).

(Ил. VI 243–250; *пер. с др.-греч. Н. И. Гнедича*)

Полуфантастические предположения окружают вопрос о крепостных стенах: про технологию возведения этого типа сооружений ни в Греции, ни

в Египте (пирамиды), ни в Перу (Мачу-Пикчу) сведений нет. Нагромождение стен из громадных глыб камня приписывалось богам, что в троянскую эпоху было делом привычки. Сказания о войне наслоились друг на друга так же, как наслоились один на другой толщи культурного слоя девяти древних Трой. Легенда и раскопки идут навстречу друг другу. Проследим троянские слои, как они представляются ученым в последние 130 лет (см. разрез).

Троя I. Остатки двух жилых домов-мегаронов и часть оборонительных стен (толщиной в 11 м) с воротами и башнеобразными выступами (рубеж 4 и 3 тыс. до н. э.).

Троя II. Раскопана Г. Шлиманом полностью и считалась гомеровской. Следы большого пожара и разрушений. Вдоль внутренней стены со стороны цитадели проходила колоннада — первая известная колоннада эгейского и греческого мира; стена с колоннадой образовывала парадное окружение для трех мегаронов (жилой дом из двух частей: зала и портика, или лоджии; послужил прообразом для греческих храмов), составлявших центр города. Мегароны стоят параллельно друг другу, небольшие просветы между ними — для отвода воды (рубеж 3 и 2 тыс. до н. э.).

Троя III и Троя IV. Остатки кратковременных поселений.

Троя V. Материальные свидетельства возрождения города к жизни.

Троя VI. Культурные остатки этого слоя, по В. Дёрпфельду, и есть гомеровская Троя. Оборонительные стены из хорошо отесанных каменных плит. Дерево заменил тесаный камень. Город имел четверо ворот. Двухнефные мегароны. За предела-

ми стен найден некрополь (умерших кремировали). Высота стены превышала 9 м, ее мощные субструкции толщиной 4–5 м сложены из тщательно подогнанных блоков. К воротам в оборонительной стене уже не было прямого доступа — к ним можно было подойти, лишь преодолев расстояние вдоль стены, под ударами защитников крепости (этот прием позже был разработан в фортификации материковой Греции и Тавриды). Обилие керамики, ее форм и орнаментики при сопоставлении с керамикой из других мест Эгеиды показало, что эта Троя существовала в 14 в. до н. э. и погибла, но не от пожара, а от землетрясения.

Троя VII. По позднейшим (американским) исследованиям, это и есть Приамова Троя. Слой погиб от пожара в 12 вв. до н. э. Археологический материал из Трои VI и Трои VII вполне сопоставим с остатками микенского периода, отраженного в описаниях Гомера и квалифицируемого историками как конец «героического периода» Эгеиды.

Троя VIII и Троя IX. Остатки раннегреческих, эллинистических (начиная с 3 века до н. э.) и римских городов.

Вероятно, потрудившись, можно насчитать какой-нибудь слой раньше Трои I и переименовать остальные слои, получив Трою X и Трою XI. Нужно ли? После поэм Гомера (по удачному выражению М. А. Гаспарова) Греция прощается со сказкой и становится более или менее исторической. Троя — фокус греческих мифов, знаменитый судьбою многих героев, которые сделались во времена Гомера общенациональными. Но до сих пор не осыпались кручи троянско-туристической древности, и властно звучит гордый шестистопный дактиль — гекза-

метр: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...»

Впрочем, вагант Гугон, Примас Орлеанский, в 12 веке написал стих о гибели Трои, где есть такие почти пасторальные строчки:

Город, прежде великий, низвергнут жестокостью дикой:

Пал, и в прахе поник прежде сиятельный лик!

Город, прежде державный, прославленный славою давней,

Ныне заглохнет меж трав, пастбищем пастырям став!

О, злополучная Троя, жертва жестокого боя,

Слава бывая твоя — пища скота и зверья.

(пер. с лат. М. А. Гаспарова)

ФЕРА

Только самоотверженные изыскания, произведенные в 1895 г. немецким археологом Фр. Гиллер фон Гертрингеном, позволяют навестить самый греческий среди островных городов — Феру на острове Санторин, принадлежащем к наиболее шатким в геолого-географическом отношении островам Средиземного моря.

Этот остров — единственная в своем роде суша на краю Европы, дающая возможность отчетливо представить созидательно-разрушительную мощь природы. И ныне корабли пристают к Санторину в главном кратере громоздкого вулканического хребта, который в давние времена был центральным пунктом острова. Раньше ни один якорь не мог коснуться дна. Сейчас может.

Высоко, у самого берега, расположен город Фера, к которому до недавнего времени вела по скале крутая тропинка. Далеко от того места, где теперешний город разбил на вулканической породе вкусные виноградники, подымается на северо-восточном берегу острова дикой одинокой скалой предгорье хребта — Гагиос Элиос. Там, на высоте 369 м над уровнем моря, и была раскопана в целости и сохранности дорийская столица. Дорийские переселенцы из Кирены были защищены здесь от

морских разбойников, нагло властвовавших над Эгеидой.

Гористость местности предопределила тип деятельности мировоззрения ферейцев: они славились как каменотесы. Многие из них выезжали на заработки и всюду пользовались успехом.

Один из таких специалистов — Архедем — во второй половине 5 в. до н. э. украсил аттическую пещеру в Вари, посвященную Пану, изящными рельефами (и своим изображением с угломером и молотком; *Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale*, Roma, 1958, vol. I, p. 541). Поэтому не удивительно, что жители Феры не воздвигали богам роскошные храмы, а заставляли служить сакральным целям безмолвную скальную породу.

Сохранилось много надписей древнейшего периода, которые являются посвятельными текстами Гикесию (которого позднее заместил Зевс), Курету, напоминающему о главном культе дорийцев на Крите (куреты — демонические существа и стражи Зевсова царства духов). Куреты развлекали главное божество военными танцами, которым у них научились и греки: по-видимому, эти пляски исполняли в честь богов и ферейские юноши, потому как на том же месте иные слова восхваляют достоинства танцоров.

Первенствующее положение среди прочих божеств занимал сугубо дорийский бог Аполлон Карней, веселый праздник в честь которого — Карнеи — справлялся в августе (в 20-х числах месяца Карнея по местному календарю). Ферейские улицы 4 в. до н. э. не расходятся от главной артерии под прямым углом, как в других греческих городах, скованных гипподамовой системой, и трудно обозримы. Они

повторяют естественные неровности, узки и извилисты, часто — просто лестницы в скалах. Агора — центральная площадь — имеет неправильные очертания. С нее к общественным зданиям можно добраться по крутым скалистым ступеням. К северу от рыночной площади — храм Диониса, которому позднее пришлось служить культу Птолемеев и римских цезарей, к западу — театр, от которого можно добраться до крайней западной части Феры с храмом Аполлона Карнея и гимнасием эфебов (эфебы — восемнадцатилетние юноши). К юго-западу от агоры — святилище, характеризующее объединение греческой культуры с египетской, посвященное Серапису, Исиде и Анубису. Следует полагать, что это святилище было центром большой иностранной колонии, которую пришлось приютить ферейцам с началом владычества над Эгеидой династии Птолемеев.

Жилища ферейцев были своеобразны: их приходилось приспособлять к скалистой почве и выдумывать для этого разные технические новшества. Сравнение эллинистических домов Феры с жильем в Приене и Помпеях поучительно с разных точек зрения: приенцы и помпеянцы не столь долго мучились, чтобы получился кров над головой, как ферейцы. Меню семейных трапез было разнообразным, поскольку мудрое правило гласило: «Трапеза должна быть такая, как союз каждый раз решит, и на какую сумму он решит». Главными элементами было жаркое из мяса жертвенных животных, рыба, сыр, пироги, хлеб и вино, о котором сказано, что ему следует быть в надлежащем количестве. Костюмы, частности повседневной жизни, нравы и обычаи, зная общегреческие будни, представить нетрудно. И все же место для читательской фантазии есть.

Кладбище Феры — большой колумбарий (только маленьких детей хоронили, не сжигая). После сожжения на погребальном костре кости аккуратно собирали, завертывали в тряпочку и клали в урну (см. гомеровское описание похорон Гектора и Патрокла), пепел собирался в бывшие под рукой глиняные посудины. Для последней цели годилось что попало. Сохранился текст: «Одна бедная мать из Феры втиснула своего дорогого покойника в небольшой печной горшок и так похоронила его». Крышкой для урны с пеплом служили камень, черепок, тарелка, чашка, а главной защитницей вечного покоя была могила глубиной до 2 м. То, чем человек пользовался при жизни, сопровождало его в место последнего пристанища: культура греческого жития-бытия славилась «безотходностью».

На плите из туфа, положенной плашмя на могилу, писали имя почившего. Рядом устанавливался маленький столик из того же материала, который предназначался для того, чтобы располагать приношения умершему. Ведь покойника чаще (и охотнее) всего представляли за праздничным пиршеством — так он и выведен на множестве рельефных изображений пиршества мертвецов, часто вместе с родней. В могилах, кроме домашней утвари (печные горшки, ведра, кратеры), нашли много сосудов для мазей, флаконы для масла и благовоний, чашечки для косметики, долженствующие служить мертвецу для ухода за телом. Не забыты и предметы утренней гигиены: в одном углу могилы устанавливалась наполненная водой и наглухо задраенная гидрия. Предполагалось, что из нее почивший мог наливать себе воду в плоские умывальные чашки.

В погребениях много человеческих фигурок из глины — свита покойника. Здесь пекущие хлеб женщины, цирюльник, барышни и юноши, услаждающие мертвеца музыкой, пляской и телом, плакальщицы, которые предназначены вечно совершать обряд оплакивания, лошадь, осел, свинья, утка, баран. Современному человеку все это странно, но греков такое положение не смущало: ну, и что же, что умер, — живи не хочу и на том свете!

Сложность умственной ситуации современного исследователя мифологии античного мира заключается в том, что, во-первых, не только логика чудесного не нуждается в интерпретации здравого смысла (Яков Голосовкер), и потому наше знание о греческом мифе занято сугубо эстетически, но, во-вторых, никаким иным образом, кроме «здравого смысла» не удастся понять не нуждающуюся в интерпретации античную мифологию. То, что для грека было фактом повседневного сознания, для современного ученого — плод научного конструирования. На противоположении этих двух энергий — беззаботности и напряжения — и построено мифологическое антиковедение. Причем, знание о греческом «чудесном» тоже есть порождение нашего времени: грек, пожалуй, не ведал, что его боги «чудесны», и потому не нуждался в доказательствах их существования. Та же ситуация должна констатироваться и относительно загробной жизни, добротный анализ которой в самом конце 19 века предпринял по следам Эрвина Роде российский филолог-классик Ю. А. Кулаковский в цикле лекций «Смерть и бессмертие в представлениях древних греков» (Киев, 1899; см. подготовленное нами переиздание этой работы вместе с лекциями Кулаковского об

Эпикуре и Лукреции, вышедшее в Санкт-Петербурге в 2002 г.).

Раскопки античной Феры — своеобразный музей древностей, в том числе и архитектурных. Но музей не только в смысле собрания черепков и развалин, а в смысле конденсированной картины повседневного быта ферейцев, включая культ мертвых и верования живых.

ФИВЫ

Фивы занимают в истории европейской культуры и европейских войн больше места, чем раньше занимали на земле (не так, как славяне¹). Теперь это совсем маленький заштатный городишко, в котором даже туристу пожить нечем. Но, как я предупредил в начале, каждый город будет рассматриваться так, чтобы у читателя возникал эффект при-

¹ Ироничное замечание, что «славяне занимают больше места на земле, чем в истории», впервые высказанное кем-то в 18 веке и повторенное в 1-м томе «Истории Византийской империи» академиком Ф. И. Успенским (М., 1913), в нашем контексте может быть смело переименовано: с Фивами — наоборот. Николай II, находясь в Царском Селе под домашним арестом, отметил в дневнике от 25.IV 1917 касательно «Истории...» Успенского, что это «очень интересная книга». «Полковник Н. А. Романов» читал «Историю...» с 4 по 25 апреля 1917-го и, как видно из его дневника, с большим интересом (см.: Дневники и документы из личного архива Николая II: воспоминания. мемуары. Минск, 2003. С. 31, 35, 36). Жаль только, что выводы, которые он мог сделать из содержания этой содержательной книги, не были сделаны им ранее, до 2 марта, до отречения: кто знает, может, труд Успенского, буде он был прочитан императором в 1913 году, когда вышел в свет, идеологически повлиял бы на принятие Николаем II государственных решений. Кто знает?

сутствия, то есть — как произведение письменной истории.

История античного мира в большей степени, нежели история последующих эпох, обогрета кровью. Портреты ее деятелей, безусловно, ретушируются, и немало преданий античности, под обаяние которых мы с детства попадаем, соотносятся с действительностью так же, как «божественный» портрет какого-нибудь позднеримского цезаря — с отнюдь не богоравным оригиналом. Монетное изображение Клеопатры — возлюбленной Цезаря и Антония, которая заслужила лестный отзыв Плутарха и ядовитый — Горация, была воспета Шекспиром и Бернардом Шоу, — разрушает легенду о ее «цыганской» красоте. Судя по этому портрету, Клеопатра была удручающе нехороша. Но она была царицей, и это многое оправдывает. Так, облагороженный мифологической традицией и искусством Нового времени, закутанный в тунику столетий, мир античности всячески скрывает от нашего глаза свои язвы — жестокость, измену, брато- и отцеубийство, чаши с ядом на семейной пирушке. И потому про Фивы легче написать, нежели показать на картинке.

Мало что осталось от некогда великого города, столицы Беотии, колыбели Муз и сцены легендарной истории Эдипа, Электры и Ореста, вдохновлявших греческих драматургов, начиная с старшего — Эсхила, среднего — Софокла и младшего — Еврипида. Эсхил был величав, Софокл прозрачно ясен, Еврипид изящно тонок, но нервозен и парадоксален (М. А. Гаспаров). Греки долго спорили, кто из них лучше, и Аристофан в конце концов написал на этот предмет комедию *Лягушки*. Так же мало что осталось от греческой драматургии. И вот ведь: удиви-

тельное совпадение: 33 *Гомеровых гимна* — от *К Дионису* до *К Диоскурам* — и 33 греческие трагедии классического периода — от *Персов* Эсхила (472 г. до н. э.) до *Реса* Псевдо-Еврипида (нач. 4 в. до н. э.). И тех и других — очень мало. Поэтому внимание исследователей сосредоточено не на том, что у этих гимнов и этих трагедий общего, а что в них различно: «интровертный» и «экстравертный» ракурсы изучения не идут в ногу. М. А. Гаспаров писал, что трагедии «исследовались не как цельная форма художественного мышления, характерная для всего классического периода, а как выражение отдельных стадий эволюции этого мышления за сто лет». С гимнами несколько иначе: они не Гомеровы, анонимны (хотя трагедии тоже не Гомеровы), и выражают сюжет не столько беллетристически, сколько панегирически. Гимны стоит петь, трагедии — одним ставить, другим глядеть, дивясь, отчего эллинские боги считали людей горемыками, потому что те стареют и умирают, а люди, исходя из тех же предпосылок, считали вечноюных и бессмертных богов блаженными. Е. Г. Рабинович, переводчица Гомеровых гимнов и прекрасный филолог-классик, заметила, что когда настал конец греческой религии, пришел конец и греческой культуре — конечно, в классически чистом их варианте. Может, потому и гимнов немного, и трагедий столько же.

Отдельный вопрос — сюжетосложение греческой комедии. «Исходная разница здесь ясна, — пишет М. А. Гаспаров, — в трагедии заранее заданным является патос, и на фоне его драматург позволяет себе вариации неполностью заданного этоса лиц и ситуаций (образ Одиссея в *Аянте*, ситуация Электры у Еврипида); в комедии, наоборот, заранее за-

данным является этос стариковских, юношеских и прочих масок, и из этих элементов драматург конструирует неполностью созданный комический патос». Но мы простительно отвлеклись.

Скромный современный город с редкими средневековыми строениями имеет незначительное число античных развалин. Это и не удивительно: Александр Македонский постарался. После печально завершившейся битвы при Херонее и тем более после Панэллинского конгресса (337 г. до н. э.), когда Филипп II Македонский решил объединить греческие полисы для войны с Персией, — Греция стала «македонской». Юность наследника престола была омрачена разводом родителей — Филиппа и Олимпиады. Кстати, сам Филипп получил в Фивах греческое образование и усвоил уроки военного искусства под руководством лучшего полководца его времени Эпаминонда. Вторичная женитьба Филиппа на Клеопатре (нет-нет, не на той, чей портрет был на монете) стала причиной ссоры Александра с отцом. Не прошло и года, как Филипп был убит (на свадьбе дочери), а 20-летний Александр возведен на престол.

Греция пришла в движение: фиванцы и афиняне, забыв старую вражду, начали восстание. Но они копошились, и Александр взял Фивы без усилий. Осада была недолгой, расправа жестокой: город стерли с лица земли (и тогда это умели делать особенно шустро), а 30 тысяч фиванцев были проданы в рабство. Александр Великий пощадил только дом великого фиванского поэта-лирика Пиндара (ок. 518 — 442/438 до н. э.), который слагал торжественные хоровые песнопения (энкомии), гимны (в честь богов), эпиникии (песни в честь победителей на Олимпийских, Дельфийских и других спортивных

играх). Это по имени Пиндара названо *пиндарическое нарение* в поэтике классицизма, это ему Пушкин посвятил «Пиндарический отрывок», Гаврила Державин перевел его «Первую Олимпийскую песнь», его Михаил Гаспаров назвал самым греческим из греческих поэтов, а Андре Боннар — владыкой поэтов и поэтом владык.

Так вот, анонимный автор *Жизнеописания Пиндара* говорит, что лакедемонский царь Павсаний, сожигая Фивы, на стене дома Пиндара начертал: «Крова Пиндара-поэта пусть никто не смеет жечь!» Дом остался невредим, и в нем заседали фиванские старейшины. Но факты этому анониму противоречат: Павсаний осаждал Фивы в 479 г. до н. э. после победы при Платее, но не брал и не жег города; это — удвоение гораздо более популярной легенды о том, что Александр Великий в 335 г. до н. э., взяв и разорив Фивы, распорядился сохранить дом великого Пиндара. Это было сделано, скорее всего, в память о Пиндаровом энкомии прапрапрадеду Александра — македонскому царю Александру I, «сыну Аминты»: «Славословия подобают лучшим... / В прекрасных песнях... / Только в них достигает нас бессмертная честь, / А в молчанье — и прекрасное гибнет» (фр. 120–121). Умелому льстецу греки платили дорого, гениальному — того больше. А в далеком от этого времени 1961 году с ошеломляющей силой Анна Ахматова требовала:

Всё, всё предать огню! И царь перечислял
И башни, и врата, и храмы — чудо света,
Но вдруг задумался и, просветлев, сказал:
«Ты только присмотри, чтоб цел был Дом Поэта».

Хотя дом Пиндара стоял в центре города, мы о нем ничего не знаем. Впрочем, это было обычное гре-

ческое городское жилище. Теперь в самой верхней точке Фив — на ул. Пиндара — раскопаны руины зала с небольшими примыкающими комнатами, возведенного в 15–14 вв. до н. э. и разрушенного пожаром ок. 13 в. до н. э. Но это, конечно, не есть жилище великого поэта. Сам же Пиндар посвятил центральную часть *Девятой Пифийской песни* в честь Телесикрата Киренского родному городу (*Пиф.* IX 69–86).

По преданию, на фиванском акрополе, называемом Кадмея, стоял дворец царя Кадма, героя беотийских мифов и брата Европы. Миф о Кадме связывает этого легендарного основателя Фив с Финикией — это подчеркивалось и тем, что Кадму приписывали введение в Греции финикийского алфавита (предка арамейского, квадратного и греческого письма). В Беотию Кадма привели поиски Европы, похищенной Зевсом; здесь он и основал цитадель своего имени, предварительно победив местного дракона; здесь же Кадм получил от Зевса в жены дочь Афродиты — Гармонию. Археологические раскопки крепости подтверждают верность данных, содержащихся в гомеровском списке кораблей: среди 28 перечисляемых городов Беотии не названы разоренные к тому времени Фивы (см. ниже), а все упомянутые оказываются способными снарядить всего 50 кораблей (*Ил.* II 494–510).

Фиванская улица Дирикс выводит к долине древней реки Исмен, где находятся остатки врат Электры, фланкированные некогда двумя круглыми башнями (видно основание одной башни). Электра — дочь Агамемнона (микенского царя, водившего ахейцев на Трою) и Клитемнестры, спасительница и пособница брата Ореста, которому помогла отомстить за отца, убив мать и ее возлюбленного —

Эгисфа. Отсюда и комплекс Электры. Чуть далее от врат Электры — руины некогда знаменитого святилища Аполлона Исменийского, оракул которого упомянут Геродотом. Ежегодно сменявшийся жрец (danaforos) храма Аполлона избирался из мальчиков, отличавшихся красотой и силой. Академик В. В. Латышев считал, что назначение таких юнцов имело основанием верование, что цветущая юность и незапятнанная чистота были особенно угодны богам. Раз в восемь лет совершался праздник Дафнафория с торжественной процессией, в которой носили палку из масличного дерева, обвитую лавром, цветами и лентами. Был в Фивах при алтаре Аполлона и местный оракул, который гадал как по звукам (klidonon), так и по горению жертв. Для жертвоприношений использовались в Фивах не белые волю, как то было в остальной Греции, а растения — скажем, яблоки с воткнутыми в них палочками, символизовавшими ноги и рога.

Фивы — центральное место действия в трагедии Софокла *Семеро против Фив* (поставлена в Афинах в 467 г. до н. э.). Сюжет прост. Еще в трагедии *Эдип-царь* рассказано, что фиванский царь Лаий, получив предсказание, что погибнет от руки сына, велел умертвить долгожданного ребенка. Однако приказание не исполнили. Малыша назвали Эдип, то есть «с опухшими ногами». Эдипу, который был принесен в дом бездетного коринфского царя Полиба и воспитывался как его сын, предсказывают, что он убьет отца и женится на матери. В ужасе бежит этот благородный человек из Коринфа от (мнимых) родителей, подальше от греха. По дороге он в случайном столкновении убивает Лаия, а через некоторое время приходит в Фивы и осво-

бождает город от чудовищной Сфинги (Сфинкса). За это он избирается царем и женится на вдове покойного царя — Иокасте. Счастливо прожили они двадцать лет, родились дети (Полиник, Этеокл, Антигона, Исмена). Позднее открывается, что Лаий был его отцом, а Иокаста — матерью. Иокаста, узнав об этом, повесилась, а Эдип ослепил себя золотой застежкой, снятой с ее платья. «Аполлон, да, друзья мои, Аполлон единственный виновник моих несчастий!» — восклицает несчастный Эдип. У него появился Эдипов комплекс.

Позже, изгнанный из Фив сыновьями Этеоклом и Полиником, Эдип проклял их и предсказал взаимную гибель в ближайшем сражении. После изгнания отца Этеокл захватил власть и выгнал брата. Полиник собрал шестерых друзей и с их войсками пришел осаждать родные Фивы. Трагедия Софокла начинается с пролога, в котором представлено, как Этеокл распоряжается обороной города, причем посылает Лазутчика узнать о направлении сил неприятеля. Центральное место трагедии — беседа Этеокла с Лазутчиком, в которой тот сообщает, что к семи воротам города подступают с войсками семь вождей (*Аполлодор Дамасский* III 6, 3). Этеокл, слыша характеристику каждого из них, с своей стороны назначает подходящих полководцев. Узнав же, что к седьмым воротам идет его брат Полиник, заявляет, что пойдет против него сам. Благодаря тому, что фиванский царевич Менекей приносит себя в жертву городу (доведавшись из пророчества, что таким образом спасет Фивы от разорения), все вожди (кроме Адраста), пришедшие под Фивы с войсками, умерщвлены. В результате враг разбит, братья погибли, и хор стенает о несчастьях Эдипо-

ва дома. Совет старейшин постановляет предать тело Этеокла почетному погребению (сожжению), а тело Полиника оставить на съедение диким животным. Но Антигона бурно возражает, говоря, что сама похоронит тело Полиника. Хор разделяется на две части — одни с Исменой уходят для погребения Этеокла, другие — с Антигоной для оплакивания Полиника. Сюжет *Семерых против Фив* есть одно из важнейших событий, предшествовавших Троянской войне. Новый этап борьбы за Фивы разыгрывается в следующем поколении, когда детям павших вождей (эпигонам) удастся взять и разорить город. Это событие произошло незадолго до начала Троянской войны, и уже в нем проявили себя некоторые будущие ее участники (*Ил.* IV 403–410).

Но хочется верить Павсанию (*Описание Эллады* IX 8, 4–7), который свидетельствует: «У фиванцев в древней стене по всей окружности было семь ворот, которые, впрочем, сохранились и до нашего времени. Как я узнал, происхождение их названий таково: одни названы по имени Электры...; Претидские — по имени Прета, одного из фиванских мужей. Ворота Неитские названы так будто бы оттого, что в этих воротах Амфион изобрел струну, которую называют «нете». Слышал я также, что эти ворота названы по имени Неиса, сына того Зета, который был братом Амфиона. Далее — ворота Кренеи. Ворота Гипсисы названы так по следующей причине: около ворот Гипсис есть храм Зевса Гипсиса. Кроме них, есть ворота, которые называют Огигиями, и последние — Гомолоиды... Если идти в Фивы из Платеи, то нужно входить через ворота Электры». Пусть это витиевато изложенная выдумка автора *Описания Эллады*, не подтверждаемая архео-

логией, но насколько изобретательно! Может, археологи плохо искали?

О Сфинге, которую победил Эдип, миф рассказывает следующее. На скале близ Фив жила-была крылатая полуженщина-полульвица, которая задавала прохожим (шедшим из Фив или в Фивы) неразрешимую загадку, и затем, не получив ответа, пожирала их. Загадку Сфинги (кто утром ходит на четырех ногах, в полдень на двух, вечером на трех?) Эдип разгадал (человек: в детстве, зрелости и старости), после чего Сфинга в отчаянии бросилась со скалы и разбилась насмерть. Многие живописцы обращались к интерпретации этого сюжета. Например, Жан Огюст Доминик Энгр (1780–1867) зафиксировал беседу Эдипа с Сфингой, как представил ее, в 1808 г. На заднем плане виден даже кусочек вымышленной фиванской архитектуры. Энгр писал: «Шедевры существуют не для того, чтобы ослеплять. Они призваны уговаривать, убеждать, проникать через все поры». Это был шедевр.

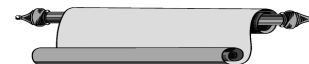
По преданию, на фиванском кладбище был некогда похоронен св. евангелист Лука — уроженец Антиохии, один из 70 учеников Христа, последователь и сотрудник св. апостола Павла. Луке приписывается сочинение *Евангелия от Луки и Деяний святых Апостолов*, где обнаруживается искусная рука историка, который при необычайной точности и сжатости изложения сумел дать прагматически мотивированное и картинное повествование. Есть предание, что Лука проповедовал в Италии, Македонии, Греции и даже в Африке, и мирно почил 80 лет от роду. По другому преданию, он погиб мученической смертью при императоре Домициане, в Ахайе, и за неимением креста был распят на олив-

ковом дереве. Во всяком случае, в Фивах сохранилась чтимая рака св. Луки, а его мощи то ли перенесены при императоре Констанции (в первой половине 4 в.) в Константинополь, то ли увезены позднее крестоносцами в Падую. Темная история.

Отсутствие памятников крепостного строительства микенской эпохи способствовало тому, что семь фиванских ворот, о которых говорит предание (и Пиндар в *Девятой Пифийской песне*), представлялись расположенными по всей окружности крепостной стены и соответственно делили оба войска на семь отрядов. Меж тем, как показали раскопки иных микенских крепостей, они имели не более двух-трех входных ворот.

В Фивах же, по всей видимости, была развитая система фортификаций с применением т. наз. протейхисм, то есть предстенных укреплений с поставленными друг за другом несколькими башнями. Поэтому с учетом внутренних ворот их общее число в Фивах могло доходить до семи. Впрочем, кто об этом сейчас может знать наверняка?

ХЕРСОНЕС

Древний город Херсонес на территории нашего теперешнего Севастополя в Крыму — единственный из античных городов, до которых без особых препятствий может добраться каждый желающий: из Киева — всего одна ночь езды. В течение трех тысячелетий поменявший несколько имен, нынче он называется Национальным заповедником «Херсонес Таврический». В нем сохранность древних сооружений такая же точно, как и во всех прочих, с которыми читатель мог познакомиться в этой книжке: руины, раскопки, археология, неувядающий исторический интерес досужих посетителей. Но для нашей земли этот древний город символичен более, чем другие таврические города: по стойкому преданию в нем принял христианство беспутный князь Владимир (Красное Солнышко) и «вывез» его отсюда на территорию Украины-Руси.

«Светский богослов» и экономист о. Сергей Булгаков в специальном сочинении «У стен Херсониса» (с подзаголовком: *Jaltica De profundis*, Ялта 12/25.IV.1922) констатировал: «Да, в Херсонисе мы родились духовно и исторически, ибо приняли православие, точнее христианскую кафолическую веру, сделали ветвью единой вселенской Церкви. Этим мы не только родились для вечной жизни, но и

определились к историческому бытию как часть единой христианской Европы, в котором имела за- жечься христианская культура... Итак, в Херсонисе россы в лице св. Владимира приняли христианство восточного, византийского обряда, который в течение веков сделался для нас родным и русским... Вместе с принятием христианства от греков в этот роковой и страшный час истории Россия приняла и всю византийскую замкнутость и ограниченность, она китайской стеной оказалась отделена от всей западной христианской Европы, культурно она осталась изолирована и одинока, особенно после политической смерти Византии, когда последняя перестала существовать как культурная сила... Россия была здесь, в Херсонисе, поставлена под стеклянный колпак на испытание одиночества и отъединения». Все это так, если бы не легендарность свидетельств о крещении Владимира. Впрочем, всякий древний город живет, окутанный преданиями и мифом. Почему Херсонес должен быть исключением? Данные археологии в чем-то совпадают, а в чем-то не совпадают с историческими данными: это тоже нормально, ведь на то и летописи, чтобы проверять факты да присочинять истории. Иначе нам было бы неинтересно читать их. Так, и поход Владимира на Корсунь (еще одно название Херсонеса) в 988 году во многом легендарен.

Как бы то ни было, 23 августа 1861 г. в присутствии государя императора Александра II (Освободителя) и императрицы Марии Александровны над остатками средневекового (или по иной версии — позднеермского) храма состоялась закладка собора св. Владимира, в котором якобы и был крещен киевский князь. Двухъярусный собор построен в

1861–1892 гг. по проекту академика архитектуры Д. И. Гримма (1823–1898), составленному еще в 1859 г. В 1883 г. освятили нижнюю (Богородицкую) церковь с законсервированными руинами древнего храма, в 1892 г. — правый верхний боковой алтарь св. Александра. Во время второй мировой собор пострадал, и до 1999 г. пребывал в плачевном состоянии. Ныне практически завершен реставрацией по проекту архитектора Е. И. Осадчего (проект реставрации древнего храма в первом ярусе собора принадлежит архитектору Н. П. Андрущенко, 2000–2001 гг.).

В 1913 г. Анна Ахматова, живавшая тогда в Севастополе у родственников, записала:

Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.
Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.

Было время, когда считалось, что Херсонес — уникальный античный город, лишенный театрального здания. Ведь театр — одно из немногих увеселений, дважды в году (зато по четыре дня подряд) — на больших и малых Дионисиях, — скрашивавших унылый досуг древнегреческого обывателя. Правда, за просмотр драм полис платил зрителям (а не актерам!) деньги: чтобы они могли не думать об утрате дневного заработка. Читать греки не читали, писать особенно не писали: драматурги, философы, логографы да канцеляристы — завидные исключения, благодаря которым мы знаем про античность то, что знаем. Зато зрелища были и под-

линым пиршеством, сообщавшим фантазийной способности древнего грека новый материал для художественного переживания, и тяжелой ритуальной (в честь Диониса) обязанностью. В 1954 г. археолог от Бога — Олег Иванович Домбровский (1914–1994) — раскопал остатки театра подле знаменитого херсонесского т. наз. «Храма с ковчегом», доказав, что Херсонес среди древнегреческих городов в театральном отношении исключения не составлял. Кроме того, это единственный античный театр в пространствах нашего отечества. Многие исследователи (Т. А. Жаворонкова, Ю. Г. Лосицкий, Я. Я. Дихтярь) под руководством Домбровского занимались реставрацией этого театра. Ныне в рамках генерального плана развития Заповедника разрабатывается новый вариант реконструкции Херсонесского театра (Н. П. Андрущенко, Т. И. Бажанова и др.).

Херсонес уникален не только тем, что хорошо сохранился, но и тем, что в этом городе нагромождены памятники нескольких исторических слоев — греческого, римского, византийского и даже Нового времени. Немногие древние города могут похвастаться таким богатством. К тому же, кроме городища, на котором концентрация таких памятников очень высока, неплохо (пока что) сохранилась и хора (сельскохозяйственные клеры), что вообще уникально: второго такого города в мире, пожалуй, нет. На территории современных раскопок — более ста христианских сооружений — от домовых церквей до крупных базилик — от одностолпных до пятиапсидных, что вообще явление в истории архитектуры редкое.

Генеральный директор Заповедника Л. В. Марченко утверждает, что «Херсонес Таврический»,

имеющий по оценкам зарубежных специалистов лучшую в мире сохранность среди античных и средневековых городов-заповедников, «должен функционировать сегодня, в 21 веке, как антично-средневековый город, в то же время удовлетворяя и научно-археологическим, и потребительно-туристским требованиям».

Несколько столетий на Херсонес вместе с цивилизацией наступает Pontî Euxini: то есть жизнь и обстоятельства — со стороны суши, природная стихия — со стороны моря. Один археолог проводил недавно подводные исследования, и на расстоянии 40–60 м от берега под водой обнаружил целые кварталы — рыбозасолочные цистерны, оборонительные стены: многое уже утрачено. На очереди — знаменитая базилика, раскопанная в 1935 году Г. Д. Беловым (1898–1979) и сейчас украшающая гривенную купюру: море подмывает апсиду, и мы вскоре утратим символ (что и само по себе мало обнадеживает). «Какая святая земля. Даже страшно ступить по ней. Во всей России нет места более древнего и священного. Здесь залегло несколько пластов античной культуры, перед нами вскрытых, здесь и родилась духовно наша родина, в этом храме хранится купель св. Владимира. И как трудно связать эти истоки России с теперешним потоком грязи и крови... Да, тут говорят самые камни, и это молчание веков полновечнее всего теперешнего гама, оно повелевает внять ему... Таинственная воронка, которая ведет в центр земли, для России теперь находится здесь и, вопреки вам, одна только мысль и владеет теперь моим сознанием, что только здесь и отсюда можно уразуметь происходящее... Ключ к трагедии России надо искать не в Петербурге, не в Москве, не в Кие-

ве, но... в Херсонисе: здесь совершился пролог в небе, и потоп... предопределен тоже здесь», — писал в апреле 1922 года Сергей Булгаков. Его герои-собеседники — Светский богослов и Беженец — не ошиблись: херсонесская земля действительно полнится культурно-исторической всячиной.

Так, агиографические памятники, дошедшие до нас в обработке и записях позднейших веков, относят появление христианства в Тавриде к первым векам. Сказания о путешествиях св. апостола Андрея, получившие обработку в конце 8 в., ведут на проповедь через Кавказ на Боспор и через Феодосию в Херсонес. Херсонес является, далее, местом ссылки третьего после св. апостола Петра папы римского, св. Климента, который, по свидетельству легенды, сложившейся в 6 в., успешно проповедовал здесь христианство и подвергся мученическому убиению от злого гонителя христианства императора Траяна. О св. Клименте I Римском, считающемся автором *Первого послания к Коринфянам*, имеются два Жития. Впрочем, сомнения о пребывании в Херсонесе и мученической смерти св. Климента Римского (в 97 или 101 г.) до сих пор терзают историков. Ян Веруш Ковальский считает, что совпадение имени Климента с именем двоюродного брата императора Домициана — Тита Флавия Климента, убитого в 96 г. по приказу императора (за симпатии к христианству?), способствовало появлению в раннем средневековье красочной агиографической легенды о чудесных странствиях и мученической смерти св. Климента. В фундаментальной монографии об истории Херсонеса на основании сопоставления суммы источников авторы утверждают, что сообщения о пребывании в Херсонесе св. апостола Андрея и св.

Климента Римского не соответствуют действительности: «Причем путаница возникла очень давно и тогда же стала “легендарной реальностью”, вводя во вполне искреннее заблуждение современников создания его Жития»¹. С другой стороны, археологические раскопки показали, что на маленьком острове в Казачьей бухте в 10 км от Херсонеса находился крошечный храм (капелла с криптой), на картах 1772 г. (времени русско-турецкой войны) значившийся как храм св. Климента. В крипте была устроена гробница и, очевидно, там хранились мощи св. Климента. В 9 веке мощи св. Климента были перенесены все-таки из Херсонеса в Рим свв Кириллом и Мефодием и помещены в храме св. Климента (по рассказу очевидца, епископа Гундериха). Вообще, Херсонес всегда был местом ссылки.

Например, в середине 7 века Херсонес, ставший Херсоном, оставаясь в теплых отношениях с Ромейской империей, по-прежнему служил местом для отселения неугодных. Так, в 654 г. сюда был сослан римский папа Мартин, в следующем году окончивший здесь свои дни. В письмах к друзьям в далекую Италию римский понтифик жаловался на дикие

¹ С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь, А. В. Марченко. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 169–170. Отсылаем читателя к любопытной статье проф. С. П. Шестакова, построенной на обосновании правоты доктора философии И. Я. Франко, высказанной последней в специальной монографии «Святейший Климент у Корсуні» (Львів, 1906), и собственных размышлениях казанского ученого о св. Клименте: С. П. Шестаков. О начале христианства в Херсоне // *Serta Borysthenica*: Сборник в честь заслуженного профессора Императорского Университета св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского. Киев, 1911. С. 183–208.

нравы населения, называя его языческим или обратившимся в язычество. Жалуясь на дороговизну и нехватку продуктов, папа Мартин делает любопытное сообщение о том, что Херсон не имел своего хлеба, а получал его с противоположного берега Черного моря, который зовется Романией. Привозившие хлеб суда возвращались назад на юг с грузом соли. Таким образом, в первой половине 7 в. Таврида, которая была житницей южных стран в 5 веке, при изменившихся этнических условиях сама нуждалась в привозном хлебе, расплачиваясь за него солью.

Отличились херсонесцы и во времена правления императора Юстиниана II Ринотмета (помните, с отрезанным носом). Низложенный за свирепость и изуродованный, в 695 г. Юстиниан II был сослан в Херсон. Не найдя поддержки у херсонесцев в замыслах воротить ромейский престол и опасаясь выдачи правившему тогда в Византии Апсимуру, Юстиниан бежал в крепость Дорос и вступил оттуда в сношения с хазарским ханом. Хан принял беглеца, выдал за него сестру и поселил в Фанагории. Юстиниан имел основания опасаться, что его отдадут врагам в Константинополе, бежал из Фанагории, вызвал из Херсона нескольких верных друзей и при помощи болгарского царя Тарбела в 705 г. воротил власть. О последовавших затем отношениях императора к Херсону византийская летопись сохранила такой рассказ: пять лет спустя после водворения на царстве Юстиниан отправил в Херсон большой флот под начальством патрикия Стефана, поручив ему произвести экзекуцию над населением всей области за злые умыслы против него. Стефан предал жестокой казни 27 знатных граждан, перебил мно-

го народу, а хазарского тудуна и правителя города Зоила вместе с сорока представителями местной знати, заковав в кандалы, отослал в столицу. Власть в Херсоне принял посланный Юстинианом для этой цели сановник по имени Илия. Под его надзором находился сосланный в Херсон знатный вельможа армянин Вардан. Ромейский флот отплыл назад, но на обратном пути погиб в буре. Не удовлетворившись произведенными казнями, Юстиниан начал вторично снаряжать поход против Херсона. Город стал готовиться к обороне, Илия и Вардан перешли на сторону горожан и просили хазарского хана взять город под защиту. Меж тем, Юстиниан отослал тудуна в Херсон и поручил просить хана, чтобы тот заставил херсонесцев выдать Илию и Вардана. На пути к хану тудун умер; тогда хазары перебили греческий эскорт. Именно херсонесцы провозгласили Вардана византийским императором под именем Филиппика.

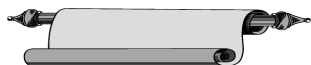
Снаряженный Юстинианом флот подошел к Херсону, и войска начали осаду города. Сначала дело пошло успешно: две башни, Кентенарисий и Сингара, были разрушены; но когда подоспели хазарские войска, византийцы сняли осаду, изменили Юстиниану и, при дельном участии хана, присягнули Вардану, который затем отплыл в Константинополь и в 711 г. низложил Юстиниана Ринотмета. Таким образом, Херсону при помощи хазарского хана пришлось сыграть видную роль в событиях внутренней истории Византийской империи. Из отдельных черт повествования видно, что город имел в ту пору самоуправление, и стоявший во главе империи гражданин носил титул протевона (первенствующий). Хотя хазарский хан принимал живое участие

в делах города и посылал туда наместников, тем не менее, Херсон не был непосредственно включен в пределы Хазарской державы и оставался в зависимости от империи. Ю. А. Кулаковский, излагая этот сюжет в монографии «Прошлое Тавриды» (Киев, 1914), указывал, что на недостоверность многих деталей этого рассказа обратил внимание А. Л. Бертье-Делагард в статье «Надпись времен императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса» (*Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса, 1893. Т. XVI. С. 78 и сл.). — Мотив мести Херсону за прошлое искажает все повествование. Невероятна гибель флота с 73 тысячами людей, избиение во время первой карательной экспедиции всего взрослого населения херсонесской округи и прочие детали. Не ясно в рассказе и то, почему Стефан арестовал и отослал в столицу ханского тудуна. Мы не станем вторгаться здесь в ученый спор.

Касаясь градостроительных особенностей античных городов Северного Причерноморья, член-корреспондент НАН Украины С. Д. Крыжицкий в отношении Херсонеса отмечает, что как город, появившийся позднее 6 века до н. э., он сразу получил регулярную (гипподамову) планировку. Херсонес отнесен почтенным исследователем к типу городов, имевших единый регулярный прямоугольный план; в них отсутствовал акрополь, а доминантой был торгово-административный центр. С конца 3 в. до н. э. на Боспоре распространяются укрепленные поселения и усадьбы: в районе Херсонеса — на хоре — возникают усадьбы (пирги) с развитой хозяйственной группой и однокамерной оборонительной башней, размещавшейся на углу усадьбы, в месте входа в нее.

Литература об архитектурных и градостроительных мутациях Херсонеса—Херсона—Корсун настолько обширна, что мне придется только заключить эту подборку имен (да не покажется он долгим иному читателю): И. А. Антонова, Г. Д. Белов, А. Л. Бертье-Делагард, граф А. А. Бобринский, Ю. Г. Виноградов, К. Э. Гриневич, О. И. Домбровский, М. И. Золотарёв, В. М. Зубарь, В. И. Кадеев, К. К. Косцюшко-Валюжинич, В. В. Кучма, Ю. Г. Лосяцкий, А. В. Марченко, Г. М. Николаенко, А. И. Романчук, О. Я. Савеля, Э. И. Соломоник, С. Б. Сорочан, А. И. Тюменев, С. П. Шестаков, А. Л. Якобсон.

ЭЛЕВСИН

В частном письме М. А. Гаспарову я задал вопрос, собирается ли он, написавши «Занимательную Грецию» (М., 1996), сочинить книгу «Занимательный Рим»? Михаил Леонович ответил: ««Занимательного Рима» я, к сожалению, не напишу: Греция сама себя мифологизировала в анекдоты, а Рим — только (скажем) до Траяна, и дальше придется иметь дело с настоящей историей, к которой я недостаточно подготовлен» (Москва, 28.XI.2000; и это утверждает крупнейший российский филолог-классик XX века, к сожалению, почивший 7.XI.2005).

Действительно, о Греции писать в легком, анекдотическом жанре, проще, чем о Риме. В Риме — история, в Греции — мифология. И в этой книжке, на пространстве уже двухсот страниц, мы путешествуем по древним и к тому же преимущественно древнегреческим городам. Сейчас отправимся, например, в загадочный Элевсин, который знаменит Элевсинскими мистериями — Элевсиниями.

Стоит заметить, что все мраморные храмы, украшенные скульптурами знаменитых ваятелей и картинами не менее знаменитых живописцев, были построены не затем, чтобы торчать из земли понапрасну, заполняя унылый оливами усеянный аттический пейзаж: к ним сходились греки, чтобы чтить

богов праздниками. Жаль, от этих храмов мало что осталось, а их живопись известна только по описаниям (правда, красочным). Однако афиняне, не знавшие выходных дней, праздновали в год около пятидесяти празднеств, но были в них не зрители, а участники. Зрителями были боги, которых эллин либо благодарил за помощь, либо молил о ней. Три праздника были главными: Панафинеи в честь Афины, Анфестерии и Дионисии в честь Диониса, Элевсинии в честь Деметры и Персефоны. О Панафинеях рассказано в статье «Афины» (см. выше), об Элевсиниях расскажем нынче.

Мистерия есть тайный культ, составлявший главную особенность эллинской религии. Ни один из культов нам подробно не известен, а большинство мы знаем только по названиям. Установление эллинских мистерий восходит к древности, к 13 в. до н. э., — и в 4 в. до н. э., во времена Аристотелева ученика Феофраста (автора *Характеров* и прочих хороших текстов) не быть посвященным в какие-нибудь мистерии было признаком дурного тона или равнодушия к религии. А за равнодушие и неверие даже Сократ жизнью заплатился. Одни мистерии составляли важную часть государственных культов и стояли под ближайшим надзором государства, другие — государственными не были, свершались частными лицами или религиозными сообществами. Так, великий фиванец Пиндар где-то называет счастливыми тех, которые умирают, удостоившись видения таинств Деметры. Комедиограф Аристофан говорит, что солнышко приветливо светит после смерти только посвященным, ведущим благочестивую жизнь. «Широкоплечий» Платон говорит, что посвященные после смерти будут жить рядом с бо-

гами, а непосвященные — лежать в грязи (en bog-bogo) или носить дырявыми кувшинами воду в бездонные бочки (*Федр* 69 с; *Горгий* 493 b). По слову Цицерона, мистерии принесли много пользы, и не только учили жить хорошо, но и хорошо умирать. В 20-м веке эту античную мысль, на которой были замешены все мистерияльные культы, выразил двумя строчками Фёдор Сологуб: «*Легкой жизни я просил у Бога, / Легкой смерти надо бы просить*».

Общим условием всех тайных культов была обязанность их участников хранить тайну обо всем, что происходило: о священных сказаниях, обрядах, молитвах, особых именах, которыми называли богов, и пр. По словам Хрисиппа, требование тайны имело целью обуздание человеческой природы (болтливость и любопытство), а по словам Страбона — возвышение обрядов культа в глазах участвующего в них. У богобоязненных историков (Геродот, Павсаний) встречаются упоминания, что они нарочно умалчивают о содержании тайных культов, хотя и знают их. По этой причине многие сведения о внутренней стороне мистерий до нас не дошли. И все-таки болтливые (и «писучие») люди были и будут, и благодаря им мы что-то знаем и об эллинских таинствах, и об исторических событиях вообще. Хрестоматийным является, скажем, обвинение Эсхила в разглашении элевсинских тайн, которое как бытовой пример упоминается Аристотелем: Эсхил будто бы не знал, «что разглашает неизреченное» (*Никомахова этика* III 2 1111 а 7–10).

Мистерии состояли из разного рода богослужебных действ. Это были, во-первых, драматические или символические представления (teamata) сакральных сказаний, имевших какое-то отношение к дан-

ным мистериям (в вакхических мистериях — страдания Диониса, его смерть и возрождение, в Элевсиниях — похищение Персефоны и пр.); во-вторых, открытие посвященным мистического знания, заключавшегося частью в разных таинственных выражениях, частью — в показании символических предметов, которые содержали намеки на характер божества, чествуемого в данных мистериях, и на относившиеся к ним мифы. Празднества совершались *par excellence* по ночам и сопровождались торжественными процессиями с музыкой, пением, плясками. По слову богохульника Лукиана, без плясок не обходились ни одни мистерии: отсюда получилось даже употребление глагола *ehorkeistai* в смысле нарушения мистерияльных таинств. Таковы были и Элевсинии, занимающие первое место в эллинском секуляризме.

По словам т. наз. гомеровского гимна *К Деметре* (7–6 вв. до н. э.), они основаны самой Деметрой. Этот гимн, утверждая, что Деметра пришла в Элевсин с о. Крит, намекает, что служение богине перенесено с этого острова. Но, по предположению проф. Н. И. Новосадского (в книге «*Элевсинские мистерии*», изданной ИМПЕРАТОРСКИМ Варшавским университетом в 1887 г.), сходство обрядов и сущности этих мистерий с египетскими мистериями Исида вынуждает полагать, что местом основания культа был Египет. В нашем случае это несущественно, а желающих ближе узнать об Элевсиниях отсылаем к монографии В. В. Латышева «*Очерк греческих древностей: Богослужебные и сценические древности*» (СПб, 1899). Здесь же остановимся на главном — на Элевсине как ритуальном организме.

Великие Элевсинии справлялись в сентябре (10–12 числа месяца боэдромиона), на повороте го-

да к зиме, причем первая половина празднеств проходила в Афинах, а вторая — в Элевсине. Сохранился древний миф: у богини плодородия и покровительницы земледелия Деметры была от ее брата Зевса дочь Персефона (Кора), богиня плодородия. Ее похитил в жены мрачный бог царства мертвых Аид (Плутон). Вынужденная выйти за него замуж, Персефона стала по совместительству богиней и царства мертвых. (В римской мифологии Деметра была Церерой, Персефона — Прозерпиной.) Так, Деметра, скитаясь по свету с двумя факелами — Интуицией и Разумом, — прибыла в аттический город Элевсин, лежавший в углу Саронического залива к северо-западу от Афин по дороге в Мегары (в дне пути от Афин). Она уединилась в местном храме, и земля во всем свете перестала плодоносить. Этим объясняют и название места (греч. *элевсис* — прибытие), которое раньше называлось Сесария. Плутон пожалел несчастную мать и разрешил Персефоне треть года проводить на земле подле мамы, треть года — подле себя под землей; а треть года — с кем захочет. В третьем случае Персефона снова выбрала мать, и поэтому в Греции зима короткая, а лето длинное.

Это значит, полагали греки, что зерно (как Прозерпина), умирая, сгнивая в земле, возрождается новым колосом; и человек, умирая, хотя и не может воскреснуть, но может обрести на том свете новую блаженную жизнь, ежели будет посвящен в тайное учение элевсинских жрецов. Посвящение и свершалось во время Элевсинских таинств. (Не правда ли, очень напоминает мировоззренческое основание любой монотеистической религии?)

Во время Элевсиний объявлялось всеаттическое сакральное перемирие (с 15-го метагитниона до

10-го пианопсиона, то есть 55 дней), в город стекались толпы народу. Утром 20-го боедромиона из Афин выдвигалась процессия и несла закрытый короб, а в нем неведомые нам священные подношения, и статую Иакха (сына Зевса и Деметры, отождествляемого с Вакхом). У Павсания (*Описание Эллады* I 37–38) приводится описание этой священной дороги, насыщенной храмами, алтарями и памятниками. К вечеру процессия была в Элевсине. Местом свершения обрядов был храм Телестерион, построенный при Перикле архитектором Иктином вместо древнего храма, воздвигнутого еще базилиевсом Келеем по приказанию самой Деметры и сожженного персами в 480 г. до н. э. «В городе Элевсине, — пишет Страбон, — находится храм Деметры Элевсинской и святилище, где совершаются таинства, начало которым положил Иктин; оно может вместить количество зрителей в театре. Это тот самый Иктин, который вместе с Калликратом выстроил Парфенон на Акрополе в честь Афины, причем работами заведовал Перикл» (*География* IX 1, 12, р. 395). Ему вторит Витрувий: «В Элевсине огромной величины целлу в дорическом стиле без внешних колонн, для простора при совершении богослужений, закончил до самой крыши Иктин. Впоследствии же, при владычестве в афинах Деметрия Фалерского [317–307 гг. до н. э.], Филон, поставив с фасада перед храмом колонны, обратил его в простиль; так увеличением предхрамья он придал и простор для посвященных и высшее величие сооружению» (*De archit.* VII, praef. 16–17). Остатки Иктинова Телестериона открыты раскопками Афинского археологического общества в 1880-х гг. Во время мистерий свершались жертвоприношения, ночные песни

и пляски, драматические представления, в которых жрецами и жрицами соответствующих богов и богинь разыгрывались мифические подробности деяний Деметры и Персефоны. Жрецы при этом одевались в богатые одежды, сходные с теми, в которых у греков было принято изображать названные божеества. Посвящаемые (мисты) постились, а после — напивались специальным Деметриным питием кикий (красное сухое вино вперемешку с тертым сыром, крупой и кореньями) и входили в Телестерион. Там перед ними раскрывался короб, показывались и объяснялись сакральные предметы. И после того, как каждый произносил: «Я постился, пил кикий, брал из короба, сделал то, что сделал, и положил обратно в короб», — он считался посвященным. Такого человека называли *мистес*, то есть *видящий сквозь туман* (отсюда, похоже, и наше расхожее слово *мистика*). На вторую ночь тем, кто был посвящен в прошлом году, показывалось еще более таинственное зрелище: сперва мрак, плач, страшные картины загробных мучений со всех сторон (впечатлительные особы не выдерживали и падали в обморок), а потом — яркий факельный свет и всеобщее ликование, олицетворявшие неумную радость и вечное блаженство.

Сейчас это бы охарактеризовали трюизмом «свет в конце туннеля», за которой напрочь утрачен некогда присутствовавший смысл. В последний день мистерий свершался символический обряд оплодотворения земли: из двух глиняных сосудов жрецы выливали воду в устроенное в земле отверстие: из одного — на запад, из другого — на восток, произнося разные таинственности. Потом происходили разные гимнические, музыкальные и конные риста-

ния, заседал священный совет, разбиравший спорные дела и нарушения, связанные с проведением Элевсиний.

Подробности Элевсиний нам не известны. Об этом всем разрешалось знать и никому не разрешалось говорить. Но знали об этом даже рабы, поскольку перед смертью все равны. Посвящались только эллины, не допускались варвары и осквернившие себя преступлением или недавним прикосновением к покойнику.

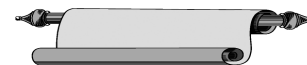
Эти посвящения очень напоминают двухэтапный процесс принятия в члены КПСС: сначала кандидатом в члены, а через год — членом. Причем, напоминают до мелочи: людям, близким к смерти, разрешалось посвящение в Элевсинию во всякое время. Точно так же, как перед боем во время Великой Отечественной: если не вернусь, прошу считать меня коммунистом («а если нет — то нет», — снимая пафос, ехидно добавлял позднейший анекдот). Действительно, перед смертью все равны.

Современный Элевсин, расположенный в 22 км от Афин, в одноименном заливе, — обычный индустриальный город. Сегодня в археологической зоне — вымощенная площадь с портиками по краям и с храмом Артемиды и Посейдона в центре; Большие пропилеи (архитектор Антоний Пий, 138–161 гг.) в стиле афинских Пропилей и знаменитый Телестерион. Ромейский император Феодосий Великий в конце 4 в. запретил Элевсинию наряду с другими политеистическими культами, которые он называл языческим суеверием (*gentilicia superstitione*), противоречившим христианскому догмату.

Что осталось от этих некогда великих элевсинских таинств, кроме все тех же развалин, которые

поразительно схожи с другими греческими развалинами? Скучные сведения проболтавшихся греческих историков (для которых истина была превыше всего) да 22 километра от афинского Акрополя.

ЭПИДАВР

Каждому памятна предсмертная фраза Сократа о необходимости пожертвовать Асклепию, богу выздоровления, петуха (*Федон* 118a). Обычный выздоравливающий грек так и поступал — на врачевальный алтарь клал петуха: Сократ же считал, что для него смерть от яда (цикуты) тоже есть выздоровление и освобождение от земных напастей. Петухи (и куры) появились в Греции через двести лет после Гомера, а святилище Асклепия известно в Эпидавре с 4 в. до н. э.

Эпидавр (*Epidavros*) расположен в холмистой, зеленой и полноводной зоне Аргolidy (п-ов Пелопоннес) на месте, где некогда возникли античный порт (залив Сароникс), имевший удобный выход к Эгейскому морю, и знаменитое святилище Асклепия. История города, развившегося вокруг святилища, не особо примечательна. Несмотря на владычество в этом районе Аргоса, Эпидавр сохранил относительную независимость. История Эпидавра — история святилища, возникшего в долине гор Тифион, Корифасеон и Кинортион, где било множество целебных ключей. Теперь город известен двумя вещами: развалинами лекарского святилища и театром.

Асклепий, согласно мифу, был рожден от союза Аполлона со смертной женщиной Коронидой.

Когда тело беременной Корониды сжигали на погребальном костре, Аполлон вынул из ее чрева младенца:

Он сказал,
Он шагнул,
Он выхватил сына из трупа,
И пылавший пожар расступился перед ним.

(Пиф. од. III 40–44; пер. с др.-греч. М. А. Гаспарова)

Младенец был отдан на воспитание кентавру Хирону, который научил Асклепия искусству врачевания, позволившему ему вернуть к жизни многих героев (Аполлодор. *Мифол. библиотека* III 10, 3).

А унес его бог к магнесийскому кентавру
Для науки
Исцелять живущих от страдальных недугов.

(Пиф. од. III 45–46)

Хирон — в отличие от прочих кентавров — есть символ не стихийного буйства, а, как выразился М. А. Гаспаров, стихийной мудрости. Этот кентавр упоминается как врачеватель уже в *Илиаде* (IV 219; XI 832), но окончательно его образ сложился в несохранившейся поэме Гесиода *Заветы Хирона*. Великий Пиндар, земляк Гесиода, в *Третьей Пифийской песне* пел о Хироне и Асклепии:

Таков он некогда вскормил Асклепия,
Утолителя тел, пугателя недугов,
Доброго плотника безбожья...

(Пиф. од. III 7–10)

Песня была адресована Гиерону Сиракузскому в 474 г. до н. э. как утешение в болезни. Как отмечает переводчик (М. А. Гаспаров), поэт противопоставляет мнимое бессмертие от врача и подлинное бессмертие от поэта. Про деяния Асклепия Пиндар пишет:

Шли к нему, кто сжился с язвами, евшими себя,
Кто ранен блеклой медью или дальним камнем,
Кого гложет стужа и летний зной, —
Он разрешал их страсти, изымал из мучений,
Одних обхаживал мягкими запевами,
Других миротворным питьем
Или снадобьем, обхватывающим рану,
А иных спасал ножевой разрез.

(Пиф. од. III 46–53)

Однако, продолжает поэт, «*корысть — обуза и уменью. / Золото, сверкнув из рук несметной мздой, / Собратило его / Вырвать из смерти схваченного смертью*». И потому — назидательно —

Ищи себе, смертный, у богов
Уменья по уму, ступени по стопе,
Помни, в какой мы доле.
Не пытай бессмертия, милая душа, —
Обопри на себя лишь посильное.

(Пиф. од. III 54–63)

Редкий врач не берет ныне мзду за ремесло (даже если не может помочь): это следование доброй античной традиции. Однако речь не о том: Асклепий воскресил Ипполита (сына афинского царя Тесея, который отверг любовь мачехи Федры и был оклеветан ею перед отцом; Тесей проклял сына и просил Посейдона умертвить его), Капанея (одного из Семерых против Фив) и даже Главка — сына критского царя Миноса и Пасифаи. Это, однако, послужило причиной и собственной смерти Асклепия. По свидетельству всезнающего Аполлодора (*Мифол. библиотека* III 10, 3–4), Зевс, убоявшись нарушения установленного им миропорядка, убил лекаря перуном (не путать с Перуном — богом грозы в индоевропейской и славянской мифологии).

Дочери Асклепия — Гигиея, Панакея и Иасо — стали женским олицетворением Асклепия. От имени первой получилось слово гигиена (здоровье), от второй — панацея (спасение), имя третьей переводится как лечение. Гигиея иногда считалась женой Асклепия, а афиняне называли Гигиеей даже свою Афины. Сыновья Асклепия — Махаон и Подалирий (упоминаемые Гомером, *Ил.*, IV 208–219) — исцеляли героев Троянской войны. По свидетельствам Павсания и Страбона, Подалирий практиковал в Фессалии, Кари и Южной Италии, Махаон — в северо-восточной Этолии.

Атрибутом бога врачевания была змея (даже две), получавшая в храме Асклепия жертвенные приношения. Отсюда и символ медицины: змея, обвившая чашу. Самое известное святилище Асклепия находилось на о. Кос, а местные врачи, называясь Асклепиадами, считались потомками эпидаврийского лекаря. Говорят, Гиппократ приобрел врачебные знания благодаря рецептурным камням с о. Кос.

Эпидаврийское святилище Асклепия находилось вне города — в местности Лисса близ нынешней деревни Лигурио. Храм бога — Асклепийон — был устроен около 6 века до н. э. Как отмечает Э. Цибарт (1916 г.), Асклепиево святилище в Эпидавре — настоящий архив интересных медицинских случаев. На громадных каменных плитах, установленных при входе в святилище, больной читал такое множество текстов об исцелениях (по Павсанию, *Описание Эллады* II 27, 3), что ему трудно было усомниться в целебной силе этого места и покровительствовавших ему богов. Тем более что благодарственные приношения Асклепию (в том числе и петухи) от выздоровевшего пациента дополняли офи-

циальные медицинские отчеты жрецов. — Ехидный Диоген Синопский (в изложении тезки — Диогена Лаэртского) сказал о votivных дощечках, посвященных другому божеству: их было бы гораздо больше, если бы их приносили не спасенные, а погибшие (VI 59). — Исцеленные жертвовали в храмы изображения тех частей тела, которые были некогда поражены болезнью, — чаще всего из благородных металлов и с надписью имени посвятившего их лица. Так что храм Асклепия, впрочем, как и прочие храмы Эллады, в классический период прежде всего был архивохранилищем. В дошедших надписях есть сообщения, какие части жертвенных животных должны идти в «пользу» жрецов. А Аристофан в последней известной нам комедии *Богатство* (*Plutos*) устами раба Кариона (пройдохи и обжоры), рассказывая о ночлеге больных в святилище Асклепия, упоминает, что когда лампы были погашены, жрец обошел жертвенники и посвятил своей утробе все лежавшие на них пирожки, фрукты и дичь. В самом деле, не пропадать же добру! Кстати, умершие не могли быть погребены в святилище, а люди, близкие к смерти, заблаговременно из него удалялись: гигиены ради.

Нам стоит согласиться с мнением Э.-Р. Доддса и римского оратора Марка Туллия Цицерона, что мало кто из излечившихся обязан этим исцелением Асклепию, а не Гиппократу, и нам не следует позволить современной реакции против рационализма затемнить реальный долг, который человечество обязано принести древнегреческим врачам, отстаивавшим принципы рациональной терапии перед лицом вековых суеверий, подобных тем, которых мы коснулись.

Первоначально культ бога врачевания сосуществовал с культом Аполлона Малеатаса; последнему был посвящен храм на склоне горы Кинортион, от которого остались развалины классической постройки 4 в. до н. э. Эти руины располагаются на месте древнего святилища Малеатаса (или Малоса), героя-врачевателя, которому местные жители здесь поклонялись уже в темные века. Около 10 в. до н. э. Аполлон вытеснил древнее божество, присвоив, однако, имя предшественника; но затем культ Аполлона затмил престиж Асклепия.

В 420 г. до н. э. был установлен праздник Великие Асклепииеи (Эпидаврии), который справлялся раз в четыре года (8-го числа месяца элафеболиона = нашего апреля) и предполагал торжественные гимнические и конные ристания. Популярность святилища обусловила его процветание и возможность обширного строительства: в 380–375 гг. до н. э. зодчий Феодот возвел дорический храм-перистиль, который вместе со святилищем разрушил в 86 г. до н. э. известный многочисленными казнями без суда и следствия (проскрипциями) полководец-диктатор Сулла (Счастливый; Lucius Cornelius Sulla Felix). Но римский император Антонин Пий позднее восстановил его. Во 2 веке святилище пережило еще один период расцвета: были возведены новые здания и восстановлены старые. В 395 году вестготы Алариха I разграбили Эпидавр (а в 410 г. — Рим), в 426 г. (за пять лет до Третьего Вселенского собора) ромейский император Феодосий II Малый запретил здесь отправление языческого культа. Святилище погибло.

Дорический перистильный храм Асклепия включал целлу, где стояла гигантская хрисоэлефан-

тинная статуя врача с палицей и змеей. К востоку от храма располагался алтарь, рядом с которым — абатон, здание с двухколонным портиком, где больные, уже принесшие жертвы и омывшиеся в целебных водах, предавались сну в надежде услышать рецепты Асклепия. Рядом с храмом — толос (фимела, ротонда), возведенный в 360–330 гг. до н. э. знаменитым зодчим Поликлетом Младшим (не путать со скульптором Поликлетом из Аргоса — автором статуй *Дорифор*, *Диадумен* и сочинения *Канон*, в котором выводится цифровой закон идеальных пропорций человеческого тела). Толос предназначался для заседаний (и кормежки за общественный счет) пританов — членов городского совета. Павсаний недаром искренне дивился: какой архитектор в достойной степени и достойным образом мог бы соперничать с Поликлетом? Толос Поликлета — циркульный перистиль с двумя concentрическими рядами колонн, центральной целлой и подземными камерами. Остались руины других зданий, среди которых: катагогейон (гостиница для паломников), гимнасий, одеон и стадион (4 в. до н. э.).

Древнее капище, вход к которому прежде был устроен через монументальные северные пропилеи, стоит за самым известным и наилучшим образом сохранившимся древнегреческим театром — «театром в Эпидавре».

Павсаний (II 27, 5), восхищенный его внешностью, назвал театр «самой гармоничной» постройкой в Элладе. Предположительно театр построен тем же Поликлетом в 350–330 гг. до н. э. Он состоит из циркульной орхестры и театрона с 34 рядами сидений, разделенными на секторы двенадцатью лестницами. Во 2 в. до н. э. был добавлен 21 ряд, и вмес-

тимось театра достигла 12 300 зрителей (по иным данным — 14 тыс.). Та часть театра, где давались спектакли, состоит из самой сцены, перед фасадом (с колоннами ионического ордера) которой ставились декорации, и переднего просцениума (подиума). На этом историческая роль Эпидавра не закончилась.

В январе 1822 года, во время Греческой революции 1821–1829 гг., в пригороде Эпидавра — г. Пиаду — был принят «Эпидаврский органический статут» — первая греческая конституция. Этот документ провозглашал Грецию независимым государством, устанавливая республиканскую форму правления. Однако Адрианопольский мир (14.IX.1829), завершивший русско-турецкую войну 1828–1829 гг., вызвал к жизни т. наз. «Лондонский протокол», подписанный в 1830 г. представителями Англии, Франции и России. В соответствии с ним в Греции была установлена монархия (после ряда политических пертурбаций она ликвидирована в декабре 1974 г.).

И ныне в Эпидавре каждое лето происходят Эпидаврии — греческий театральный фестиваль, на который зрителей организовано привозят из Афин, Нафплиона и других городов: как и в древности, они могут насладиться удивительными природными декорациями театра, его совершенной акустикой и игрой актеров. Ставятся, конечно, классические драмы: Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан.

Эпидавр был городом действия, городом движения — стоит полагать, праздничным и веселым городом (несмотря на толпы недужных). В нем каждый день что-то происходило: кто-то выздоравливал, кто-то умирал, кто-то ставил театральные по-

становки или занимался «хирургическим вмешательством», кто-то на все это глядел.

К жизни Эпидавра вполне подходят слова, приписываемые Пифагору: «Главное — отгонять от тела болезнь, от души — невежество, от утробы — сластолюбие, от государства — мятеж, от семьи — раздор, отовсюду — нарушение меры». Среди древнегреческих городов Эпидавр, пожалуй, самый умеренный.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. Изд. 2-е. М., 1997.
- Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Альберти Л.-Б.* Десять книг о зодчестве / Пер. с лат. В. П. Зубова. М., 1935. Т. 1.
- Аммиан Мацеллин.* Римская история / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского при участии А. И. Сонни. СПб, 1996.
- Античная литература* / Под ред. А. А. Тахо-Годи. Изд. 4-е. М., 1986.
- Античная поэтика: Риторическая теория и литературная практика* / Отв. ред. М. А. Гаспаров. М., 1991.
- Античность и Византия* / Отв. ред. Л. А. Фрейберг. М., 1975.
- Архітектура:* Короткий словник-довідник / За заг. ред. А. П. Мардера. Київ, 1995.
- Базинер О.* Ludi saeculares: Древнерим. секулярные игры. Варшава, 1901.
- Брунов Н. И.* Очерки по истории архитектуры: В 3-х т. М.; Л., 1935. Т. 2. Греция. Рим. Византия.
- Видаль-Накэ П.* Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире / Пер. с фр. М., 2001.
- Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году* / Под ред. Я. Н. Любарского и Т. И. Соболев. СПб, 2006.
- Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Пер. с польск. В. К. Ронина. М., 1988.
- Витрувий.* Десять книг об архитектуре / Пер. с лат. Ф. А. Петровского; Под общ. ред. А. Г. Габричевского. М., 1936.
- Габричевский А. Г.* Теория и история архитектуры: Избр. сочинения / Под ред. А. А. Пучкова. Киев, 1993.
- Гаспаров М. А.* Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. М., 1996.
- Гаспаров М. А.* Записи и выписки. М., 2000.
- Гаспаров М. А.* Рассказы Геродота о греко-персидских войнах и еще о многом другом. М., 2001.
- Геродот.* История в девяти книгах / Пер. с др.-греч. и примеч. Г. А. Стратановского. М., 1999.
- Гиро П.* Частная и общественная жизнь греков / Пер. с фр. Н. И. Лихаревой. СПб, 1913. Вып. 1–3.
- Гомеровы гимны* / Пер. с др.-греч., вступит. ст. и коммент. Е. Г. Рабинович. М., 1995.
- Градостроительство* / А. В. Бунин, А. А. Ильин, Н. Х. Поляков, В. А. Шкварики; Под ред. В. А. Шкварики. М., 1945.
- Грушка Эм.* Развитие градостроительства / Пер. со словацк. А. Горняковой, А. Горняка. Братислава, 1963.
- Гумилёв А. Н.* География этноса в исторический период. Л., 1990.
- Дёмин Н. М.* Управление развитием градостроительных систем. Киев, 1991.
- Диль Ш.* По Греции: Археологические прогулки / Пер. М. Безобразовой. М., 1913.
- Доддс Э. Р.* Греки и иррациональное / Пер. с англ., коммент. и указатель С. В. Пахомова. СПб, 2000.
- Жебелёв С. А.* Парфенон в «Парфеноне»: К истории культа Афины Девы // Вестник древней истории. 1939. № 2. С. 47–56.
- Жреческие коллегии в Раннем Риме: К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права* / Отв. ред. Л. А. Кофанов. М., 2001.
- Зедльмайр Г.* Искусство и истина: Теория и метод истории искусств / Пер. с нем. Ю. Н. Попова. СПб, 2000.
- Зелинский Ф. Ф.* Сказочная древность: Античный мир. М.: Соваминко; Культура, 1994. 368 с.
- Зубов В. П.* Труды по истории и теории архитектуры / Сост. М. В. Зубова. М., 2000.
- Иванов Вяч. И.* Дионис и прадионисийство. СПб, 1994.

- История архитектуры в избранных отрывках* / Сост. М. В. Алпатов, Д. Е. Аркин, Н. И. Брунов. М., 1935.
- Каждан А. П.* История византийской литературы (650–850 гг.) / Пер. с англ.; Под ред. Я. Н. Любарского, Е. И. Ванеевой. СПб, 2002.
- Карпюк С. Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.
- Климишин И. А.* Календарь и хронология. Изд. 2. М., 1985.
- Клингер В. П.* Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911.
- Кнабе Г. С.* Древний Рим — история и повседневность: Очерки. М., 1986.
- Ковалёв С. И.* История античного общества: Греция. Л., 1936.
- Кондаков Н. П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1886.
- Корнелий Тацит.* Анналы. Малые произведения. История / Пер. А. С. Бобовича, Г. С. Кнабе; Ред. Я. М. Боровский, М. Е. Сергеев. Изд. 2-е. СПб, 1993.
- Кочетов В. А.* Римский бетон: Из истории строительства и строительной техники Древнего Рима. М., 1991.
- Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Кузнецов В. Д.* Организация общественного строительства в древней Греции. М., 2000.
- Кулаковский Ю. А.* История римской литературы от начала Республики до начала Империи в конспективном изложении / Изд. подготовил А. А. Пучков. Киев, 2005.
- Кулаковский Ю. А.* К вопросу о начале Рима. Киев, 1888.
- Кулаковский Ю. А.* Эсхатология и эпикуреизм в античном мире: Избранные работы / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. А. А. Пучкова. СПб, 2002.
- Кучма В. В.* Военная организация Византийской империи. СПб, 2001.
- Лазарев В. Н.* Византийская живопись. М., 1971.
- Латышев В. В.* Очерк греческих древностей: Богослужебные и сценические древности. СПб, 1997.
- Латышев В. В.* Очерк греческих древностей: Государственные и военные древности. СПб, 1997.
- Лепер Р. Х.* Древний город Афины. СПб, 1911.

- Литаврин Г. Г.* Как жили византийцы. 2-е изд. СПб, 1997.
- Лихачёва В. Д.* Искусство Византии IV–XV веков. Изд. 2-е. М., 1986.
- Лосев А. Ф.* История античной философии в конспективном изложении. М., 1989.
- Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии / Сост. А. А. Тахо-Годи, И. И. Маханьков. М., 1993.
- Лосев А. Ф.* Эллинистически-римская эстетика. I–II века. М., 1979.
- Мардер А. П.* Эстетика архитектуры: Теоретические проблемы архитектурного творчества. М., 1988.
- Михайлов Б. П.* Витрувий и Эллада: Основы античной теории архитектуры. М., 1967.
- Михаловский И. Б.* Архитектурные формы античности. 4-е изд. М., 1949.
- Острогорский Г.* Історія Візантії / Пер. з нім. А. Онишка. Львів, 2002.
- Перепёлкин Ю. Я.* Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988.
- Петровский М. С.* Мастер и город: Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев, 2001.
- Пиндар. Вакхилид.* Оды. Фрагменты / Изд. подгот. М. А. Гаспаров. М., 1980.
- Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты. Перевод. Комментарий. М., 2002.
- Поплавский В. С.* Культура триумфа и триумфальные арки древнего Рима / Отв. ред. В. А. Хайт. М., 2000.
- Поэтика древнегреческой литературы* / Отв. ред. С. С. Аверинцев. М., 1981.
- Поэтика древнеримской литературы: Жанры и стиль* / Отв. ред. М. А. Гаспаров. М., 1989.
- Публий Обидий Назон.* Скорбные элегии. Письма с Понта / Изд. подгот. М. А. Гаспаров, С. А. Ошеров. М., 1982.
- Пучков А. А.* Архитектуроведение и культурология: Избранные статьи. Киев, 2005.
- Пучков А. А.* Парадокс античности: Принцип художественно-пластической телесности античной архитектуры. Киев, 1998.
- Пучков А. А.* Пуантилизм античного пространства, или Архитектура в эстетике Платона. Киев, 2000.
- Пучков А. А.* Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византистики в России. Изд. 2-е, испр., перераб. и доп. СПб, 2004.

Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.

Ростовцев М. И. Эллинистически-римский архитектурный пейзаж. СПб, 1908.

Свасьян К. А. Становление европейской науки. Ереван, 1990.

Таруаибили Л. А. Тектоника визуального образа в поэзии античности и христианской Европы: К вопросу о культурно-исторических предпосылках ордерного зодчества. М., 1998.

Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.

Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V — начало VII века). М., 1989.

Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929.

Фармаковский Б. В. Художественный идеал демократических Афин: Общий очерк. Пг, 1918.

Фролов Э. Д. Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб, 2004.

Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб, 1999.

Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности: 337 портретов в слове и образе / Пер. с нем. М., 1984.

Ходасевич В. Ф. Помпейский ужас // Новый мир. 1990. № 3. С. 167–170.

Христианство: Энциклопедический словарь: В 3-х т. / Редкол.: С. С. Аверинцев (гл. ред.), А. Н. Мешков, Ю. Н. Попов. М., 1993–1995.

Цибарт Э. Культурная жизнь древнегреческих городов / Пер. А. И. Певзнера; Под ред. А. Н. Куна. М., 1916.

Чекалова А. А. Константинополь в VI веке: Восстание «Ника». Изд. 2-е, исправ. и доп. СПб, 1997.

Чубова А. П., Конькова Г. И., Давыдова Л. И. Античные мастера: Скульпторы и живописцы. Л., 1986.

Шанин Ю. В. Олимпийские игры и поэзия эллинов: Гомер и классическая лирика VIII–V вв. до н. э. Киев, 1980.

Шанин Ю. В. Олимпия: История античного атлетизма. СПб, 2001.

Шифман И. Ш. Ветхий Завет и его мир. М., 1987.

Шкловский В. Б. Художественная проза: Размышления и разборы. М., 1959.

Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток: Греческое искусство и его наследники в несредиземноморской Азии / Пер. с фр.; Общ. ред. и предисл. Б. Я. Ставиского. М., 1985.

Шмит Ф. И. К происхождению базилики // Из истории докапиталистических формаций: Сб. статей к 45-летию научной деятельности Николая Яковлевича Марра. М.; Л., 1933. С. 617–634.

Шофман А. С. Градостроительная деятельность Александра Македонского // Кlio. 1975. Bd 57. Hf 1. С. 123–145.

Шталь И. В. «Одиссея» — героическая поэма странствий. М., 1978.

Шубович С. А. Архитектура как выражение универсума в теориях Витрувия и Альберти. Киев, 1999.

Шубович С. А. Мифопоэтическая модель мира в современной архитектурной науке. Киев, 1999.

Шуринова Р. Искусство древнего Египта: Живопись. Скульптура. Архитектура. Прикладное искусство. М., 1972.

Эко У. Имя розы: Роман / Пер. с ит. Е. А. Костюкович; Послесл. Ю. М. Лотмана. М., 1989.

Элиан. Пёстрые рассказы / Пер. с др.-греч., статья, прим. и указатель С. В. Поляковой; Отв. ред. В. В. Струве. Л., 1964.

Эллинистическая техника: Сборник статей / Под ред. акад. И. И. Толстого. М.; Л., 1948.

Эпоха Крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо; Пер. с фр. М. О. Гершензона. Изд. испр. и доп. СПб, 1999.

Эссад-бей Джелал. Константинополь: От Византии до Стамбула / С предисл. Ш. Дияля; Пер. с фр. П. В. Безобразова. М., 1919.

Яйленко В. П., Яйленко Е. В. От Иктина до Беллини: Из истории античного и ренессансного искусства. М., 2001.

Ярхо В. Н. Античная драма: Технология мастерства. М., 1990.

Ярхо В. Н., Полонская К. П. Античная лирика. М., 1967.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
АНТИЧНЫЙ ТЕКСТ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ ПРОЧТЕНИИ <i>Вместо введения</i>	16
АЛЕКСАНДРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ	26
АНТИОХИЯ	38
АФИНЫ	52
ВАВИЛОН	64
ГИЗЕ	71
ДЕЛЬФЫ	81
ИЕРИХОН	96
ИЕРУСАЛИМ	104
КАРФАГЕН	113
КНОСС	122
КОНСТАНТИНОПОЛЬ СЕКУЛЯРНЫЙ	131
КОНСТАНТИНОПОЛЬ КЛЕРИКАЛЬНЫЙ	139
КОРИНФ	156
МИКЕНЫ	166
МИЛЕТ	173
МИСТРА	183
ОЛИМПИА	192
ПЕРГАМ	200
ПОМПЕИ	208

ПРИЕНА	219
РАВЕННА	227
РИМ ДРЕВНИЙ	239
РИМ НОВЫЙ	249
РОДОС	259
СПАРТА	269
ТРАПЕЗУНД	277
ТРОЯ	285
ФЕРА	294
ФИВЫ	300
ХЕРСОНЕС	310
ЭЛЕВСИН	322
ЭПИДАВР	331

Краткая библиография	340
----------------------------	-----

Андрей Александрович Пучков (род. 4.III.1970, Киев) — заведующий лабораторией искусства новейших технологий Института проблем современного искусства Академии искусств Украины.

Член-корреспондент Украинской академии архитектуры, лауреат Государственной премии Украины в области архитектуры, Премии НАН Украины, кандидат архитектуры, старший научный сотрудник, доцент. Член Национального союза архитекторов и Союза урбанистов Украины.

Интересы: культурология, архитектуроведение (в частности, античное), историография (в основном, классической филологии рубежа XIX—XX вв.), библиография, издательское дело. Автор дюжины монографий, библиографических указателей, около пятисот публикаций в профессиональной и научно-популярной печати. Как редактор выпустил свыше семидесяти разножанровых изданий.

Академия искусств Украины
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Научное издание

Андрей Александрович Пучков

ОЧЕРКИ О ДРЕВНИХ
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ
К поэтике античной архитектуры

ISBN 966-8259-24-6

На обложке: панорама Афин с северо-востока.
Фото архитектора И. Б. Нечволодова, 2002 г.

Литературная редакция — Н. Ф. Долганова
Компьютерный набор, верстка, обложка — А. А. Пучков
Корректура — С. С. Каушан

Сдано в работу 14.XI.2006. Подписано к печати 7.XI.2006.
Формат 70 x 100 1/32. Бумага офс. Печать офс. Гарнитуры «Мысль», «Лазурский».
Усл. печ. л. 21,6. Уч.-изд. л. 10,87. Тираж 400 экз. Изд. № 5062. Зак. № 6-.....

Институт проблем современного искусства Академии искусств Украины
Украина, 01133, Киев, ул. Щорса, 18-а, тел. (044) 529-2051, 528-3754
Свидетельство ДК № 1186 от 29.XII.2002

Государственное специализированное издательство «Музична Україна»
Украина, 01004, Киев, ул. Пушкинская, 32-а, тел. (044) 235-2104
Свидетельство ДК № 62 от 25.II.2000

Отпечатано в ООО Типографии «Бизнесполиграф»
Украина, 02094, Киев, ул. Вискозная, 8, тел. (044) 513-6290